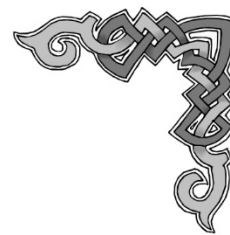

**ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»**

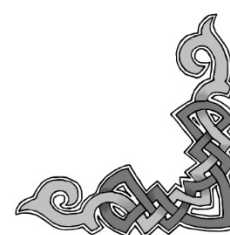
16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**Научный журнал
www.online-science.ru**

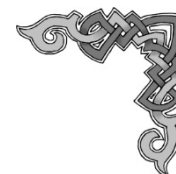

**№ 2
2025**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Сетевое издание / Online edition

№ 2 от 25.02.2025

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО
«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Заместитель председателя редакционного совета –

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Chairman of the Editorial Board –

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им. И.Т. Трубилина;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

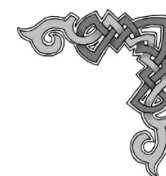
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Басте Д.Г. Гастрономическая культура как социокультурный феномен	13
Бельская Ю.В. Критерии выбора музыкальных стриминговых сервисов	21
Бутовский М.М., Москвитина М.А., Соловей Л.В., Турнаев П.Н. Особенности социального самочувствия пожилых граждан в аспекте реализации муниципальных программ социальной поддержки	29
Дятлов А.В. Социальный капитал: опыт дефинирования и измерения	39
Калашникова И.В., Несмеянов Д.В., Акимов Д.В. «Загрязнение» внутрикорпоративного пространства и ценностные установки молодых сотрудников	46
Лебедева М.Е., Чимаров С.Ю. Девиантный характер треш-стриминга как цифрового феномена социальной жизни	56
Передумов М.А. Пути целевого формирования культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих	63
Тыкин А.А. Имидж региона: теоретико-методологические аспекты исследования	69
Ясников Н.Н. Социальный капитал в динамическом измерении: кейс Вологодской области	74

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Жихарев А.И. Обновление правового регулирования в области внешней миграции	85
Варданян Н.Х. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств	91
Матюшева Т.Н. К вопросу о конституализации российской муниципальной образовательной политики	96
Михайличенко Н.А. Неопределенность законодательной регламентации права эксперта на сбор объектов для исследования	102
Мхиссин С.М. Конституционно-правовые основы поддержки соотечественников органами государственной власти г. Москвы	106
Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В. О некоторых направлениях антикоррупционной государственной политики в современной России (в экспертных оценках сотрудников правоохранительных органов)	113
Скороходов А.К. Проблема уголовно-правовой оценки уничтожения, сокрытия и изъятия доказательств	121
Статиров М.М. Предпосылка формирования и развития правовой основы обеспечения криминологической кибербезопасности несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении	127
Чимаров Н.С., Чимаров С.Ю. Международно-правовой опыт борьбы с идеологией радикализма в странах Центральной Азии: в контексте миссии государств-участников ШОС	131

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коробкова О.К.

Развитие социальной ответственности организаций
сферы услуг здравоохранения в рамках концепции ESG 141

Пахомов Е.М., Лапшин В.Ю.

Маркетинговые технологии в оптимизации системы управления компанией 148

Снимщикова И.В.

Некоторые аспекты потребления и качества жизни сельского населения России 153

Хлыстов Е.А., Каурова О.А., Тураева И.Л., Митюхин Д.С.

Доля научно-педагогических работников до 39 лет как показатель эффективности вуза:
оценка и управление кадровым потенциалом 158

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Diana G. Baste Gastronomic culture as a sociocultural phenomenon	13
Yuliya V. Belskaya Selection criteria for music streaming services	21
Mikhail M. Butovsky, Maria A. Moskvitina, Larisa V. Solovey, Pyotr N. Turnaev Features of the social well-being of senior citizens in the aspect of the implementation of social support programs	29
Alexander V. Dyatlov Social capital: the experience of definition and measurement	39
Irina V. Kalashnikova, Denis V. Nesmeyanov, Denis V. Akimov «Pollution» of the internal corporate space and the values of young employees	46
Maria E. Lebedeva, Sergey Yu. Chimarov The deviant nature of trash streaming as the digital phenomenon of social life	56
Mikhail A. Peredumov Paths to targeted formation of a culture of conflict-free interaction among military personnel	63
Anatoly A. Tykin Image of the region: theoretical and methodological aspects of the research	69
Nikolai N. Yasnikov Social capital in a dynamic measurement: the case of the Vologda region	74

JURISPRUDENCE

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Artem I. Zhikharev Updating the legal regulation in the field of external migration	85
Norik Kh. Vardanyan Sentencing, taking into account mitigating circumstances	91
Tatiana N. Matyusheva On the question of constitutionalization of russian municipal educational policy	96
Natalia A. Mikhailichenko Uncertainty of legislative regulation of the right of an expert to collect objects for research	102
Sofia M. Mkhissin Constitutional and legal foundations of support for compatriots by the government authorities of the city of Moscow	106
Mikhail Yu. Popov, Tauzhan M. Klimenko, Tatyana M. Chapurko, Gennadiy V. Khorolsky On some directions of anti-corruption state policy of modern Russia (in expert assessments of law enforcement officers)	113
Artem K. Skorokhodov The problem of criminal-legal assessment of destruction, concealment and seizure of evidence	121
Mikhail M. Stairov The prerequisite for the formation and development of the legal basis for ensuring criminological cybersecurity of minors in a socially dangerous situation	127
Nikolay S. Chimarov, Sergey Yu. Chimarov International legal experience in fighting the ideology of radicalism in the countries of Central Asia: in the context of the mission of the sco member states	131

ECONOMIC SCIENCES

Oksana K. Korobkova

Development of social responsibility of healthcare organizations within
the framework of the esg concept 141

Egor M. Pakhomov, Vyacheslav Yu. Lapshin

Marketing technologies in optimizing the company management system 148

Irina V. Snimshchikova

Some aspects of consumption and quality of life of the rural population of Russia 153

Evgeny A. Khlystov, Olga A. Kaurova, Irina L. Turayeva, Dmitry S. Mityukhin

The proportion of research and teaching staff under 39 years of age as an indicator
of university effectiveness: human resource assessment and management 158

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-18>

УДК 316.73

Attribution

cc by

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Басте Д.Г.

Адыгейский государственный университет

Аннотация. Данная статья направлена на систематизацию знаний о гастрономической культуре в российском социокультурном контексте и определение ключевых факторов, влияющих на ее развитие. Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью выявления уникальных характеристик гастрономической культуры в российском контексте. В современном мире, где гастрономия становится не только средством удовлетворения базовых потребностей, но и важным элементом культурной идентичности, необходимо более глубокое понимание того, как гастрономические практики формируются и изменяются под воздействием различных факторов. Автор обращается к анализу влияния культурных, географических, исторических и экономических факторов, которые в значительной степени определяют гастрономические предпочтения и практики. Гастрономическая культура представляет собой результат сложного взаимодействия множества факторов, каждый из которых вносит свой вклад в формирование уникального гастрономического опыта. Также, в статье гастрономическая культура рассматривается как элемент идентичности, которая может выполнять функцию не только внутреннего сплочения, но и являться катализатором для взаимодействия с внешними культурными контекстами. Подчеркивается, что гастрономическая культура не просто отражает сущность идентичности, но и активно формирует ее, внося вклад в общественные и культурные изменения. Обозначены перспективы исследования гастрономической культуры, выделены ключевые направления, которые требуют дальнейшего изучения. Это может включать в себя как новые методологические подходы, так и актуальные вопросы, связанные с изменением гастрономических практик в условиях глобализации и культурного обмена. Делается вывод о том, что гастрономическая культура является неотъемлемой частью социокультурного контекста, и ее изучение требует комплексного подхода, учитывающего как исторические, так и современные аспекты.

Ключевые слова: гастрономическая культура, гастрономические традиции, культурное наследие, культурные ценности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

GASTRONOMIC CULTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Diana G. Baste

Adyghe State University

Abstract. This article aims to systematize knowledge about gastronomic culture in the Russian socio-cultural context and identify key factors influencing its development. The relevance of this problem is due to the need to identify the unique characteristics of gastronomic culture in the Russian context. In the modern world, where gastronomy is becoming not only a means of satisfying basic needs, but also an important element of cultural identity, a deeper understanding of how gastronomic practices are formed and changed under the influence of various factors is needed. The author turns to the analysis of the influence of cultural, geographical, historical and economic factors that largely determine gastronomic preferences and practices. Gastronomic culture is the result of a complex interaction of many factors, each of which contributes to the formation of a unique gastronomic experience. The article also considers gastronomic culture as an element of identity, which can perform the function of not only internal cohesion, but also be a catalyst for interaction with external cultural contexts. It is emphasized that gastronomic culture not only reflects the essence of identity, but also actively shapes it, contributing to social and cultural changes. The prospects for studying gastronomic culture are outlined, and key areas that require further study are highlighted. This may include both new methodological approaches and topical issues related to changes in gastronomic practices in the context of globalization and cultural exchange. It is concluded that gastronomic culture is an integral part of the socio-cultural context, and its study requires an integrated approach that takes into account both historical and modern aspects.

© Басте Д.Г.

Keywords: gastronomic culture, gastronomic traditions, cultural heritage, cultural values.

Funding: Independent work.

Введение. Гастрономическая культура представляет собой сложный и многоаспектный феномен, который охватывает не только традиции и обычаи, связанные с приготовлением и потреблением пищи, но и более широкие экономические и социокультурные контексты, в которых эти практики развиваются. В последние десятилетия интерес к гастрономической культуре значительно возрос, что связано с изменением потребительских предпочтений и ростом осознания важности культурного наследия. В рамках социогуманитарных наук гастрономическая культура рассматривается как важный элемент идентичности, который может отражать и формировать социальные отношения, культурные нормы и ценности.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью систематизации существующих теоретических подходов к исследованию гастрономической культуры, а также выявления уникальных характеристик этой культуры в российском контексте. В современном мире, где гастрономия становится не только средством удовлетворения базовых потребностей, но и важным элементом культурной идентичности, необходимо более глубокое понимание к тому, как гастрономические практики формируются и изменяются под воздействием различных факторов. В частности, в России, где гастрономическая культура имеет богатую и разнообразную историю, важно исследовать, как исторические, социальные и экономические условия влияют на формирование гастрономических традиций и их восприятие в обществе.

Обсуждение. Результаты.

Гастрономическая культура является важным аспектом социальной жизни, формируя представления о нормативах потребления пищи, идентичности и культурных ценностях. Эта культура включает в себя комплекс традиций, норм и практик, связанных с приготовлением, подачей и употреблением пищи, что подчеркивает ее многообразие и культурные особенности [1].

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к гастрономической культуре, в том числе в рамках междисциплинарного подхода, который становится основой для анализа через призму различных наук – социологии, культурологии, философии, этнологии и исторической науки.

Проанализируем кратко основные исследовательские подходы к анализу гастрономической культуры как социокультурного феномена. Так, В.А. Ермолаев определяет гастрономическую культуру как «гастрономию, рассматриваемую в социокультурном контексте. При этом употребляемая в настоящее время в двух значениях гастрономическая культура может обозначать,

во-первых, собственно гастрономию, т.е. обобщенную характеристику определенного порядка в приготовлении и потреблении тех или иных блюд, а во-вторых, характеристику уровня соответствия определенному эталону питания» [2, с. 63].

Автор в качестве главных составляющих гастрономической культуры выделяет три компонента:

– «во-первых, комплекс продуктов питания, типичных для данной гастрономической культуры;

– во-вторых, способы приготовления блюд и, наконец;

– в-третьих, рефлексия над процессами их приготовления и употребления» [3, с. 36].

Под гастрономической культурой М.В. Капкан и Л.С. Лихачева понимают систему «правил, предписаний и образцов, определяющих:

а) способы приготовления пищи (кулинарную культуру);

б) набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания;

в) практику потребления пищи (культуру принятия пищи);

г) рефлексии над вышеперечисленными феноменами и процессами» [1, с. 42].

Ряд авторов рассматривают гастрономическую культуру как часть культуры повседневности и подчеркивают, что «повседневная гастрономическая культура – это совокупность принципов, кулинарных достижений и традиций питания конкретной культуры, рассматриваемых с точки зрения каждодневного потребления и производства пищи, отражающих субъективные нормы и правила реальной жизнедеятельности человека и служащих кодом повседневной культуры» [4, с. 92].

В работах М.В. Капкан обосновано методологическое значение данного термина, проанализирована структура и выявлены основные факторы формирования. Автор относит гастрономическую культуру к объектам нематериального культурного наследия [5].

Сегодня исследование гастрономической культуры требует конкретизации теоретических подходов. Главным из них выделяется философская концептуализация, позволяющая глубже понять, как гастрономия связана с культурными практиками, формируя не только опыт, но и представления о «высокой» и «низкой» кухне.

В рамках данного направления акцент делается на философию пищи, рассматривающую гастрономическую культуру как форму взаимодействия человека с окружающей средой и другими культурами. Эта интенсивная работа над фрагментами гастрономической культуры предоставляет возможность исследовать ее как социокультурный феномен, адаптирующийся под влияние внешних факторов и внутренней механики традиций.

Традиционно, в рамках гастрономической культуры, выделяют несколько ключевых компонентов, таких как национальная кухня, поваренные книги и система общественного питания. Для российской гастрономической культуры это особенно актуально, поскольку именно на фоне исторических изменений формировались уникальные кулинарные традиции. Важные аспекты включают не только репрезентацию мясных и растительных продуктов, но и способы их подготовки и подачи, что отображает культурные феномены и экономические процессы, действующие в обществе [6]. Одной из главных функций гастрономической культуры является расширение границ понятий о пище, при этом акцент делается на идеях идентичности и социального статуса, которые реализуются через привычные способы приготовления пищи и предпочтения в потреблении.

Отметим, что гастрономическая культура также позволяет отслеживать влияние политических и экономических изменений на пищевые практики. В современном контексте в России наблюдается взаимовлияние традиционных и новых кулинарных практик, что обуславливает многоуровневый подход к анализу. Интерес к кулинарной культуре как элементу глобализации и локализации можно найти в различных исследованиях, упоминающих о том, как лицо общества отражается в гастрономических предпочтениях, формируя уникальные культурные идентичности. В частности, актуальность подобного анализа возрастает на примерах многообразия традиционных рецептов и их интерпретаций в современных условиях, где пересекаются традиции разных народов, что создает новые возможности для гастрономической доступности и культурного обмена.

Таким образом, следует подчеркнуть необходимость дальнейшего исследования гастрономической культуры в рамках социогуманитарных дисциплин. Углубленный анализ кулинарных практик и их эволюции в контексте современных реалий позволяет лучше понять многообразие и сложности гастрономического поля, а также его влияние на общество. Важно рассматривать гастрономическую культуру как динамично развивающееся явление, которое продолжает формироваться под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, тем самым являясь показателем трансформаций в культуре и обществе в целом.

Факторы, влияющие на гастрономическую культуру.

Изменения в гастрономической культуре России происходят на фоне исторических трансформа-

ций общества, отражая процессы, происходящие как в стране, так и за ее пределами. Еда не только сохраняет свою уникальность, но и становится успешным инструментом представления культурной идентичности страны на мировой арене.

Гастрономическая культура представляет собой сложный и многогранный феномен, формируемый под воздействием множества факторов. Важнейшими из них можно выделить культурные, географические, исторические и экономические, а также современные процессы постглобализации. Каждый из этих факторов оказывает влияние на специфику потребления пищи и формирование гастрономических традиций.

Культурные факторы являются основой гастрономической культуры. Они определяют предпочтения в еде, традиции приготовления и потребления пищи. Например, в различных культурах придает различное значение обрядам, связанным с питанием. В некоторых сообществах существуют строгие правила этикета за столом, в то время как в других акцент делается на коллективное потребление пищи. Употребление определенных продуктов может рассматриваться как ритуал, символизируя единство и сплоченность сообщества [1].

Географические условия оказывают не менее заметное влияние на гастрономические привычки. Климаты разных регионов определяют, какие продукты могут быть доступны для населения. В условиях сурового климата, как в Исландии, ограничения в качестве сельскохозяйственной продукции сказываются на местных кулинарных традициях, тогда как в плодородных регионах разнообразие ингредиентов позволяет создавать широкий спектр блюд [2].

Исторические факторы также играют важную роль. Разнообразные влияния, такие как греко-византийская и татаро-монгольская кухни, сформировали традиции питания на протяжении веков. Это создало уникальный гибридный характер многих гастрономических практик. Например, влияние западноевропейской гастрономии в XVIII веке привнесло новую специфику в русскую кухню, ввело в употребление новые методы обработки и подачи пищи, что радикально изменило восприятие угощений.

Экономическое состояние региона непосредственно влияет на доступность продуктов питания и разнообразие гастрономической культуры. Уровень доходов населения определяет, какие ингредиенты могут быть позволены, как это отражается на рационе и гастрономических привычках. В условиях экономического кризиса, как показывает практика, жители могут ограничиваться менее дорогими продуктами, что сказывается на качестве блюд и их разнообразии.

С ростом глобализации наблюдается явная интеракция между местными и международными гастрономическими традициями. Глобальные

сети поставок продуктов питания и распространение информации о кухне различных стран приводят к взаимопроникновению кулинарных культур. Это не только увеличивает доступность экзотических ингредиентов, но и меняет представления о традиционной кухне, подрывая устоявшиеся нормы и правила. В результате местные гастрономические традиции адаптируются к новым условиям, что приводит к созданию новаторских блюд и смешению кулинарных стилей.

Гастрономическая культура представляет собой результат сложного взаимодействия множества факторов, каждый из которых вносит свой вклад в формирование уникального кулинарного опыта. Способы приготовления и потребления пищи не только отражают традиции и обычаи, но и являются индикаторами социальных изменений, экономических условий и культурного обмена в современном мире. Гастрономическая культура, будучи динамичной и изменчивой, продолжает адаптироваться к новым условиям, что открывает новые горизонты для исследований и изучения кулинарных традиций.

Современные тенденции в российской гастрономической культуре.

Российская гастрономическая культура в последние годы демонстрирует заметные изменения, что отражает как местные предпочтения, так и глобальные тренды. Становится очевидным, что акцент на локальные гастрономические проекты, использующие местные ингредиенты, вызывает интерес у потребителей и кулинаров. Это движение включает в себя восстановление забытых рецептов и адаптацию традиционных блюд к современным условиям и технологиям [7].

Как известно, в последние годы в гастрономической среде акцент делается на функциональные продукты питания. Возрастает интерес к растительным заменителям мяса и веганским блюдам, что может быть связано с этой тенденцией осознанного потребления, когда потребители стремятся следить за своим здоровьем и воздействием продуктов питания на окружающую среду [8]. Принципы осознанного потребления формируют новый взгляд на сущность еды, которая воспринимается не только как источник энергии, но и как способ наслаждения и творчества.

Не менее важным аспектом текущих гастрономических тенденций является возвращение к традиционным методам приготовления пищи, таким как готовка на открытом огне. Это не только придает блюдам уникальные вкусовые качества, но и создает атмосферу гастрономического ритуала, усиливающего эмоциональное восприятие пищи [9]. В контексте всех этих изменений, наблюдается растущий интерес к забытым ингредиентам, что говорит о восстановлении культурных связей с природой и аутентичностью.

Русская кухня продолжает оставаться в тренде, сочетая традиционные методы с современными технологиями и блюдами из других культур. В этом контексте важно отметить, что локальные продукты и инновации становятся основными характеристиками новых ресторанов, открывающихся по всей стране. Поэтому стремление к максимизации устойчивого удовлетворения со стороны потребителей становится заметным в дублировании местных специфических продуктов [9].

Согласно данным аналитических центров, растет популярность овощей, которые занимают лидирующие позиции в потреблении среди россиян, что отражает изменения в предпочтениях и привычках питания. В дополнение к этому, на первый план выходят молочные продукты и сладости, что подчеркивает значимость разнообразия на российском рынке [8]. С другой стороны, данный сдвиг также отображает постепенное осознание значимости здорового питания и личного выбора в современном обществе.

Российская гастрономия становится более эмоциональной и ориентированной на удовольствие, превращая еду в средство самовыражения и культурной идентичности. Эта тенденция подчеркивает не только эволюцию вкусовых предпочтений, но и углубление связи между пищей и культурными аспектами жизни. В соответствии с новыми кулинарными направлениями, гастрономические фестивали и локальные проекты становятся важными событиями, которые укрепляют связи внутри сообществ и подчеркивают разнообразие культурных практик.

Таким образом, современные тенденции в российской гастрономической культуре иллюстрируют упрощение взаимодействия между локальными и глобальными кулинарными практиками. Это создает уникальную возможность для дальнейшего исследования и поддержки культурной самобытности, сохраняя при этом интерес к новым гастрономическим идеям и методам.

Гастрономическая культура как элемент идентичности.

Гастрономическая культура, будучи значимой составляющей социальной реальности, непосредственно влияет на формирование идентичности как на уровне индивидов, так и на уровне сообществ. В частности, она включает разнообразие традиций, технологий обработки продуктов, способы их потребления, а также нормы этикета. Эти аспекты гастрономии служат своего рода культурным маркером, позволяющим различать идентичности, связанные с разными этническими, социальными и гендерными структурами [10].

Феномен гастрономической идентичности особенно ярко проявляется в контексте регионов. Например, в Республике Адыгея гастрономические практики не только сохраняют культурное наследие, но и формируют уникальную региональную идентичность. Эти практики укрепляют

социальные связи между членами сообщества и способствуют самовыражению их культурной особенности.

Таким образом, гастрономическая культура становится важным инструментом привязки к конкретной территории, формируя локальную идентичность через искусство приготовления пищи и совместного ее потребления.

Исследования также подтверждают, что гастрономические традиции служат вектором формирования национальных и культурных идентичностей. Эти традиции не просто представляют собой способы удовлетворения пищевых потребностей, они также имеют глубокие культурные корни, отражающие историю народа и его ценности [10]. В российском контексте составные элементы гастрономической культуры часто стали своеобразными признаками, способными отражать как внутренние, так и внешний культурные влияния.

В условиях глобализации гастрономическая культура подвергается новому воздействию. С одной стороны, открытие новых мировых кухонь и интернационализация гастрономических практик расширяют горизонты и вводят новые элементы в традиционные культурные контексты. С другой стороны, это приводит к угрозе стирания границ уникальных гастрономических традиций.

Таким образом, гастрономия служит не только отражением социокультурных трендов, но и активным участником в формировании их динамики.

При этом предвзятое представление о гастрономических культурах также имеет место. Эти стереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными, однако в любом случае они отражают социальные и культурные представления о «своем» и «чужом» [11]. Обсуждение гастрономии в рамках этих стереотипов раскрывает многообразие идентичностей, присущих различным культурам и народам, что создает поле для диалога и взаимопонимания между разными гастрономическими традициями.

Современные исследования гастрономической культуры в России подчеркивают важность понимания гетерогенности социальных и культурных практик, обеспечивающих идентификацию с конкретной пищевой традицией. Исследования показывают, что гастрономическая культура может выполнять функцию не только внутреннего сплочения, но и являться катализатором для взаимодействия с внешними культурными контекстами.

Таким образом, гастрономическая культура не просто отражает сущность идентичности, но и активно формирует ее, внося вклад в общественные и культурные изменения.

Перспективы исследования гастрономической культуры.

В российской социогуманитарной науке наблюдается всплеск интереса к гастрономической культуре как важному аспекту социальной жизни.

Гастрономия является не только практикой, ориентированной на удовлетворение потребностей в пище, но и отражает культурные, исторические и социальные контексты различных народов. В последние годы в публикациях ученых проявляется стремление систематизировать подходы к исследованию гастрономической культуры, выделяя ключевые проблемы и перспективы, которые требуют более глубокого анализа [12].

Исследование гастрономической культуры актуализируется в связи с глобализацией и изменениями в культурной идентичности. Гастрономические практики подвергаются влиянию международных тенденций и технологий, что становится источником как позитивных, так и негативных последствий. Основное внимание обращается на необходимость адаптации традиционных подходов к анализу питания и кулинарных практик современным условиям, что важно для сохранения уникальности и самобытности региональных кухонь.

Гастрономический туризм как составляющая часть гастрономической культуры также становится объектом исследования. Важное внимание уделяется взаимосвязи гастрономической культуры и внутреннего туризма, что позволяет глубже понять, как именно гастрономические предпочтения влияют на туристические потоки и наоборот. Исследования показывают, что гастрономические путешествия могут способствовать не только экономическому, но и культурному развитию регионов [13]. Существуют значительные различия в гастрономических предпочтениях различных регионов, что также обозначает необходимость исследований, учитывающих культурные контексты.

Перспективы гастрономической культуры в России могут быть связаны с ростом интереса к здоровому питанию и местным продуктам. Данная тенденция проявляется как на уровне личных выборов, так и в рамках профессиональной гастрономии. Например, окружение, в котором люди живут, все более настраивается на потребление местных продуктов, что также диктует новые стандарты качества и продукции [13].

Помимо этого, необходимо учитывать влияние технологий на гастрономическую культуру. Новые технологии меняют не только способы приготовления пищи, но и представление о ней, а также взаимодействие между производителями и потребителями. Это открывает новые горизонты для гастрономического образования и популяризации культурных традиций через новые медиаплатформы, такие как социальные сети и блоги о еде [1]. Исследования показывают, что для успешного внедрения технологий в гастрономическую сферу требуется изучить потребительские предпочтения и ожидания.

Другая значимая проблема, требующая внимания, связана с пониманием гастрономической культуры как элемента идентичности. Гастрономия становится не только утилитарной практи-

кой, но и формирует культурную идентичность как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Учитывая разнообразие населения России, гастрономические традиции разных народов могут служить основой для межкультурного диалога и взаимопонимания. Глубокое понимание культурных процессов может содействовать формированию более инклюзивных гастрономических практик.

Важно также отметить, что недостаток эмпирических исследований в сфере гастрономической культуры обозначает необходимость дальнейших исследований, которые смогут дополнить теоретические рамки. Отсутствие ясности в определении гастрономической культуры требует от исследователей разработки более четких концептуальных подходов, что также открывает новые возможности для дальнейшего развития этой области [12].

Таким образом, гастрономическая культура в России представляет собой многогранное поле для исследований. Учитывая все вышеописанные аспекты, можно утверждать, что в будущем ни один из подходов не сможет охватить всю проблематику исследуемого явления. Эффективное изучение должно сочетать локальные и глобальные тренды, учитывая особенности и потребности различных сообществ. Это станет основой для формирования устойчивых гастрономических практик и повышения их ценности в глаза общества.

Заключение.

Гастрономическая культура как многогранный и динамичный социокультурный феномен представляет собой важный объект исследования в социогуманитарных науках, и ее следует рассматривать с различных позиций, которые подчеркивают значимость гастрономической культуры в контексте российской идентичности и культурного наследия.

Исторический контекст гастрономической культуры в России демонстрирует, как различные исторические события и социальные изменения

влияют на формирование гастрономических традиций. Гастрономическая культура не является статичной, а постоянно эволюционирует под воздействием внешних и внутренних факторов. Это подчеркивает необходимость учитывать историческую динамику при анализе современных гастрономических практик и их репрезентации в культуре.

Современные тенденции в российской гастрономической культуре, такие как возрождение интереса к традиционным продуктам и рецептам, свидетельствуют о том, как гастрономическая культура может служить средством сохранения культурной идентичности в условиях глобальных изменений.

При исследовании гастрономической культуры в качестве элемента идентичности следует иметь в виду, что еда не только удовлетворяет физические потребности, но и выполняет символическую функцию, связывая людей с их культурным наследием и историей. В этом контексте репрезентация гастрономических традиций в культуре становится важным инструментом для передачи и сохранения культурных ценностей.

В условиях быстро меняющегося мира, где гастрономия становится все более важной частью культурного обмена и идентичности, необходимо продолжать исследовать ее многообразные аспекты. Это включает в себя как углубленное изучение традиционных гастрономических практик, так и анализ новых тенденций, таких как фьюжн-кухня и влияние международной гастрономической культуры на российские традиции.

Таким образом, гастрономическая культура является неотъемлемой частью социокультурного пространства, и ее изучение требует комплексного подхода, учитывающего как исторические, так и современные аспекты. Полагаем, что проведенный анализ послужит основой для дальнейших исследований в этой области и поможет углубить понимание гастрономической культуры как важного элемента человеческой жизни и социальной практики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Капкан М.В. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования / М.В. Капкан, Л.С. Лихачева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. № 55. С. 34–43.

© Басте Д.Г.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Ермолаев В.А. Гастрономия: история вопроса в социокультурном контексте / В.А. Ермолаев // Вестник культуры и искусств. 2022. № 2(70). С. 62–70.
3. Ермолаев В.А. Гастрономия как объект культурологического анализа / В.А. Ермолаев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 59. С. 32–41.
4. Ден В.Г. Гастрономическая культура Дальневосточного региона как предмет истории повседневности / В.Г. Ден, Н.А. Коноплева // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 4. С. 87–97.
5. Капкан М.В. Гастрономическая культура как объект культурного наследия: проблемы экспертной оценки / М.В. Капкан // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 2. С. 173–183.
6. Сохань И.В. Как исследовать гастрономическое? К вопросу о дефинициях и подходах / И.В. Сохань // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. Т. 9. № 1. С. 99–109.
7. Гастрономических трендов 2025 года. URL : <https://visionaries.rbc.ru/magazine/gastro-trends-2025/?ysclid=m7akhauvr0179991764> (дата обращения 29.01.2025).
8. Гастрономические тренды: что мы будем есть в 2024 году. URL : <https://www.gastronom.ru/text/gastronomicheskie-trendy-chto-my-budem-est-v-2024-godu-1019852?ysclid=m7akjroovl764249016> (дата обращения 29.01.2025).
9. Главные гастрономические тренды 2024 года. URL : <https://theblueprint.ru/lifestyle/food/gastro2024> (дата обращения 29.01.2025).
10. Сильчева Л.В. Гастрономическая идентичность региона. Сущность и практическое значение / Л.В. Сильчева, К.А. Балынин // Естественные и математические науки в современном мире. 2015. № 32. С. 86–92.
11. Тихонова Н.А. Стереотипы в отношении гастрономии как маркеры культурной идентичности / Н.А. Тихонова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2011. № 6. Ч. III. С. 183–185.
12. Охрименко Е.И. Гастрономическая культура в развитии регионального туризма: проблемы и перспективы / Е.И. Охрименко, А.А. Ошкордина // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 128–132.
13. Коноплева Н.А. К вопросу определения сущностных характеристик и факторов формирования повседневной культуры питания и гастрономической культуры / Н.А. Коноплева, М.А. Винокурова // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 4. С. 143–152.

References:

1. Kapkan M.V. Gastronomic culture: concept, functions, factors of formation / M.V. Kapkan, L.S. Likhacheva // Bulletin of the Ural State University. Series 2: Humanities. 2008. № 55. P. 34–43.
2. Ermolaev V.A. Gastronomy: history of the issue in the socio-cultural context / V.A. Ermolaev // Bulletin of Culture and Arts. 2022. № 2(70). P. 62-70.
3. Ermolaev V.A. Gastronomy as an object of cultural analysis / V.A. Ermolaev // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2022. № 59. P. 32–41.
4. Den V.G. Gastronomic culture of the Far Eastern region as a subject of everyday history / V.G. Den, N.A. Konopleva // Humanitarian vector. 2019. Vol. 14. № 4. P. 87–97.
5. Kapkan M.V. Gastronomic culture as an object of cultural heritage: problems of expert assessment / M.V. Kapkan // Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2023. Vol. 29. № 2. P. 173–183.
6. Sokhan I.V. How to study the gastronomic? On the issue of definitions and approaches / I.V. Sokhan // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism. 2013. Vol. 9. № 1. P. 99–109.
7. Gastronomic Trends of 2025. URL : <https://visionaries.rbc.ru/magazine/gastro-trends-2025/?ysclid=m7akhauvr0179991764> (date of application 29.01.2025).
8. Gastronomic Trends: What We Will Eat in 2024. URL : <https://www.gastronom.ru/text/gastronomicheskie-trendy-chto-my-budem-est-v-2024-godu-1019852?ysclid=m7akjroovl764249016> (date of application 29.01.2025).
9. The Main Gastronomic Trends of 2024. URL : <https://theblueprint.ru/lifestyle/food/gastro2024> (date of application 29.01.2025).
10. Silcheva L.V. Gastronomic identity of the region. Essence and practical significance / L.V. Silcheva, K.A. Balynin // Natural and mathematical sciences in the modern world. 2015. № 32. P. 86–92.
11. Tikhonova N.A. Stereotypes in relation to gastronomy as markers of cultural identity // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 3 parts. Tambov : Gramota, 2011. № 6. Part III. P. 183–185.
12. Okhrimenko E.I. Gastronomic culture in the development of regional tourism: problems and prospects / E.I. Okhrimenko, A.A. Oshkordina // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. № 3. P. 128–132.
13. Konopleva N.A. On the issue of determining the essential characteristics and factors in the formation of everyday food culture and gastronomic culture / N.A. Konopleva, M.A. Vinokurova // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14. № 4. P. 143–152.

Информация об авторе

Басте Диана Гиссовна

аспирантка кафедры философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
d.baste@mail.ru

Diana G. Baste

Postgraduate Student of the Department
of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University
d.baste@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-17>
УДК 339.13

Attribution
cc by

КРИТЕРИИ ВЫБОРА МУЗЫКАЛЬНЫХ СТРИМИНГОВЫХ СЕРВИСОВ

Бельская Ю.В.

*Новосибирский государственный технический университет;
Сибирский государственный университет геосистем и технологий*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования поведения потребителей при выборе музыкальных стриминговых сервисов. В качестве методологии эмпирического исследования был выбран качественный исследовательский подход, основанный на «восходящей» логике получения научного знания. Было выполнено описание информантов, а также конструирование типажей на основании категорий, характеризующих поведение потребителей на выбранном рынке. В качестве метода сбора информации выступило полуструктурированное интервью. По итогам исследования была произведена интерпретация полученной информации посредством контент-анализа, а также нарративного анализа. Результаты качественного исследования позволили выявить наиболее важные критерии при выборе музыкального стримингового сервиса среди молодежи, а также сформулировать основные выводы и рекомендации.

Ключевые слова: маркетинговые исследования, музыкальные стриминговые сервисы, критерии выбора музыкальных сервисов.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SELECTION CRITERIA FOR MUSIC STREAMING SERVICES

Yuliya V. Belskaya

*Novosibirsk State Technical University;
Siberian State University of Geosystems and Technology*

Abstract. The article presents the results of a study of consumer behavior when choosing music streaming services. The qualitative research approach based on the «bottom-up» logic of scientific knowledge was chosen as the methodology of empirical research. A description of informants was made, as well as the construction of types based on the categories that characterize the behavior of consumers in the selected market. Semi-structured interview was used as a method of collecting information. According to the results of the study, the information obtained was analyzed through content analysis, as well as narrative analysis. The results of the qualitative research allowed to identify the most important criteria in choosing a music streaming service among young people, as well as to formulate the main conclusions and recommendations.

Keywords: digitalization, digital technology, music industry, music streaming services, consumer behavior, music service selection criteria, qualitative market research.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность темы связана с тем, что музыка и музыкальная культура являются неотъемлемой частью общественной жизни. Теодор Адорно, немецкий философ и социолог понимал музыку как искусство, выражающее дух своего времени. [1, с. 44]. Музыка является универсальным языком культуры, эмоционально объединяющим прошлые и будущие поколения.

Музыка, как и любая другая сфера искусства, формирует отдельный экономический сектор – музыкальную индустрию. Сегодня, в эпоху циф-

ровых технологий, популярность цифровых форматов выросла не только благодаря скачиванию и совместному использованию файлов, но и благодаря потоковым онлайн-сервисам. Цифровая коммерциализация музыкальной индустрии определила необходимость научного осмысления этой сферы с целью разработки практических рекомендаций помогающих компаниям адаптировать свои предложения под потребности рынка, а также улучшать пользовательский опыт клиентов. В связи с этим изучение потребителей музыкальной продукции выступает актуальной исследовательской задачей.

Обсуждение.

Музыкальный бизнес, на первом этапе своего развития пережил золотые времена благодаря продаже физических копий [9]. Однако с 2000-х годов она начала подвергаться влиянию новых цифровых технологий [8]. Цифровая музыка, которая появилась в 2004 году, считается выдающимся примером цифровых инноваций, представив музыкальной индустрии революционные бизнес-модели и новые цифровые продукты и услуги для потребителей [14, с. 2].

Одним из таких цифровых продуктов является стриминговый сервис. Стриминг (англ. streaming – потоковый) – это технологический процесс, который определяет мгновенный доступ к данным разного формата через Интернет без предварительной загрузки контента на устройство. Как отмечает Б. Берроуз, потоковая передача является одновременно технологической инновацией и культурной практикой [10].

Исследователи изучают потоковую передачу данных как технологическую инновацию в рамках экономического подхода с целью понимания коммерческого потенциала потокового воспроизведения музыки [6, с. 81–101] [2, с. 12–18] [4, с. 146–149]. Ряд исследований посвящены нормативному регулированию этой сферы, в рамках институтов авторского права [3, с. 13], [12, с. 157–188]; в частности [7], указывается на то, что стриминговые платформы трансформировали и смягчили кризис пиратства в последнее время.

Есть исследования связанные с описанием структуры индустрии звукозаписи и ролью потоковых платформ в формировании потребления музыки [15]. Для провайдеров потокового вещания разрабатываются рекомендации, связанные с вопросами дифференциации продуктов с помощью нетипичных элементов дизайна, которые повышают удобство использования и обеспечивают выбор потребителем конкретного приложения для потокового воспроизведения музыки [16]. М. Eriksson, в рамках музыкально-ориентированных медиаисследований показывает, как формат плейлиста определяет потребление в цифровой музыкальной экономике [11].

Есть ряд работ, изучающих непосредственно поведение потребителей музыкальных цифровых ресурсов. Исследователи Kinnally, W., и Bolduc, H. в своей статье обосновывают эвристический потенциал интеграции теории планируемого поведения (TPB) и теории использования и удовлетворения (U&G) для понимания намерений и поведения при прослушивании музыки. Результаты показывают, что как оригинальная, так и расширенная модели (TPB) могут быть успешно применены в контексте использования цифровых музыкальных потоковых сервисов [13].

В статье авторов Sanitnarathorn P., Oentoro W., Thummarol O., Thongma S. изучается поведение

пожилых людей в области потребления музыкальных сервисов. Исследователи указывают на наблюдаемый рост популярности потоковых музыкальных сервисов среди пожилых людей, а изучение их поведения остается ограниченными, особенно в отношении психологических факторов. Авторы подчеркивают важность психологических и экономических факторов в принятии технологий среди стареющего населения, предлагая стратегии для поставщиков услуг по поддержке инклюзивности [17].

Психологические аспекты сопричастности к онлайн-сервису музыки также изучаются такими авторами как Seo B., и Park D. [18], а также Sinclair G. и Tinson J. [19].

Таким образом, как культурную практику поведение потребителей-пользователей стриминговых сервисов изучают специалисты в области социологии, массовых коммуникаций и маркетинга. Однако поведение потребителей в сфере использования технологических инноваций изучено не достаточно широко, что определяет **научный пробел** в этой области.

Кроме того, именно молодежь является активным пользователем стриминговых сервисов в силу своих социально-психологических характеристик, а также развитых цифровых компетенций. В связи с этим, **целью данного исследования** выступает изучение критериев выбора музыкальной стриминговой платформы среди молодежи.

Научная новизна данного исследования состоит в эмпирическом обосновании различных сегментов молодежной аудитории, являющихся пользователями музыкальных стриминговых сервисов.

В качестве **исследовательской методологии** была выбрана качественная социологическая методология с соответствующим методом сбора информации – **полуструктурированным интервью**.

Авторской гипотезой явилось предположение, что на выбор стримингового сервиса в большей мере влияют критерии, связанные с техническими характеристиками сервиса, и в меньшей мере стоимость подписки, дизайн приложения сервиса и развитая экосистема. Кроме того, потребителей стриминговых сервисов можно разделить на сегменты, в зависимости от их поведенческих характеристик.

Результаты.

Для анализа рынка музыкальных сервисов были получены запросы целевой аудитории с помощью ресурса Яндекс.Вордстат. Выделялись запросы, которые имеют наибольшее число показов в месяц, относящиеся к рынку музыкальных стриминговых сервисов. В Таблице 1 представлена информация о запросах и число показов по данным Яндекс.Вордстат.

Таблица 1

Популярные запросы и количество их показов в месяц по данным Яндекс.Вордстат

Популярные запросы	Количество показов в месяц
Музыка	41993070
Скачать музыку	10630462
Слушать музыку	6954738
Новые песни	1513917
Музыка без рекламы	99950
Подписка на музыку	66822

Составлено автором на 25.12.2024.

На основании анализа этих запросов можно сказать, что пользователи обращают внимание на то, сколько стоит подписка на музыку. Однако большая часть ищет приложения, где можно слушать музыку бесплатно и без рекламы. Также, необходимо, чтобы была возможность слушать музыку на всех устройствах. Вместе с тем, пользователям важно наличие возможности скачивать треки и слушать их оффлайн. Таким образом, в критерии выбора сервиса для прослушивания музыки входят: цена, возможности использования платформы и библиотека треков.

Для изучения поведения потребителей в качестве теоретической модели исследования была выбрана классическая модель Ф. Котлера [5, с. 67].

Однако потребовалось адаптировать данную модель к рассматриваемому рынку музыкальных стриминговых сервисов. Взятая в данном исследовании за основу классическая модель состоит из четырех этапов:

- 1) осознание потребности;
- 2) поиск и оценка информации;
- 3) принятие решения о покупке;
- 4) оценка правильности выбора.

Первым этапом является осознание потребности, которое представляет собой различие между тем, что человек желает получить и тем, что он уже имеет. Человек осознает потребность в приобретении услуг музыкальных стриминговых сервисов, когда он сознательно сделал выбор прослушивать музыку без ограничений, защищая при этом авторские права своих любимых исполнителей. Если говорить о музыкальных стриминговых сервисах, то они помогают потребителю удовлетворить такую потребность как прослушивание музыки без каких-либо ограничений, замена пиратских сервисов, альтернатива постоянного поиска музыки на разных сервисах с различными ограничениями (реклама, ограниченное время прослушивания и т.д.), дополнительный источник аудиокниг и подкастов.

Второй этап классической модели Ф. Котлера – поиск и оценка информации. Человеку постоянно необходимо искать и анализировать информацию о различных товарах. При рассмотрении

рынка музыкальных стриминговых сервисов графика каналов информации будет следующей.

Первым и наиболее значимым источником будет являться эмпирический опыт. Так как это сознательный выбор, каждый человек сам решает, необходимо ли ему прослушивание музыки без ограничения.

Вторым по значимости каналом является персональный, так как мнение и опыт реальных людей помогают узнать что-то новое о сервисе, проанализировать его достоинства и недостатки. Публичные же ресурсы помогают человеку узнать о новых сервисах или дополнительную информацию о старых. Кроме этого, они позволяют изучить актуальные сведения о рынке музыкальных стриминговых сервисов, а также иметь представление о существующих трендах.

Третьим по значимости каналом является коммерческий, так как информацию о существующих сервисах он узнает через увиденную рекламу.

Третьим этапом классической модели Ф. Котлера является принятие решения о покупке подписки на конкретный музыкальный стриминговый сервис. Первоначально на пользователя оказывает влияние цена. Также, важным элементом является сам сервис: его качество, функциональность, разнообразие библиотеки треков и исполнителей, дизайн, известность. Следующим инструментом маркетинг-микса, который влияет на принятие решение о покупке товара, является доступность приобретения. Пользователю важна удобность покупки, например, разнообразие вариантов оплаты. Еще влияет на принятие решения о выборе сервиса, является политика продвижения товара. Зачастую на пользователя оказывают влияние различные маркетинговые мероприятия, рекламные объявления и т.д.

Четвертым этапом классической модели Ф. Котлера является оценка пользователями правильности выбора музыкального стримингового сервиса. На этом этапе происходит послепокупочное поведение потребителя, когда он пользуется сервисом, оценивает правильность сделанного выбора, а также дает свою оценку бренду, соотношению цены и качества. Удовлетворенный пользователь расскажет о правильности выбора своим знакомым, захочет приобрести подписку повторно, может оставить положительный отзыв

о данном сервисе. Неудовлетворенный клиент оценит недостатки сервиса и откажется приобретать его в следующий раз.

Согласно разработанной теоретической модели исследования и выбранной методологии (качественный социологический метод исследования), в 2024 году было организовано эмпирическое исследование посредством интервью потребителей цифровых музыкальных сервисов в возрасте от 18 до 23 лет. Число информантов (участников интервью) составило 15 человек. Большинство опрошенных – студенты, проживающие в Санкт-Петербурге.

При составлении гайда интервью были выделены категории, характеризующие поведение потребителей на выбранном рынке:

1) опыт использования музыкальных стриминговых платформ (обусловлен количеством испробованных платформ);

2) важность критерия «разнообразие библиотеки треков и исполнителей» (критерий важен/критерий частично важен/критерий не важен или важен незначительно);

3) предпочитаемые платформы: Apple Music, VK Музыка, Яндекс.Музыка, МТС Музыка.

Также, были разработаны типы потребителей для отбора информантов:

1) опытный пользователь (пользователь, разбирающийся в характеристиках музыкальных стриминговых сервисах и пользовавшийся более, чем двумя музыкальными стриминговыми сервисами);

2) неопытный пользователь (пользователь, не разбирающийся в характеристиках музыкальных платформ и пользовавшийся менее, чем двумя музыкальными сервисами).

Качественный-контент анализ ответов информантов на вопросы интервью позволил сделать следующие выводы:

1. Среди информантов наиболее популярны такие музыкальные стриминговые сервисы как VK музыка, Яндекс.Музыка, однако, есть те, кто использует Apple Music. Всего лишь один информант отметил, что иногда пользуется SoundCloud.

2. Почти все информанты (кроме двух) выделяют «разнообразие библиотеки треков и исполнителей» как один из основных критериев выбора определенной музыкальной платформы. Также, большая часть отмечает, что им важна устойчивость работы сервиса, удобство интерфейса и возможность скачивания и прослушивания музыки без интернета. Реже назывались такие критерии выбора музыкальной платформы как стоимость подписки, дизайн приложения или сайта сервиса и развитая экосистема.

3. Большинство пользователей раздражает реклама между треками и считают, что она не должна быть каждый трек, если говорить про бесплатную подписку.

4. Всего пять информантов ответили, что наличие разнообразия подписок у стриминговых сервисов важно, пользуются студенческой или семейной подпиской. Остальная часть информантов считали этот критерий неважным.

5. Большая часть информантов не считает важным наличие комплекса подписок на дополнительные сервисы или скидки на них в одной экосистеме. Четыре информанта отмечают этот критерий важным, поскольку считают это удобным и хорошим бонусом.

Исходя из сравнительного анализа по типажам, были сделаны следующие выводы:

1. Сравнивая типы опытных и неопытных потребителей, среди двух типажей наиболее популярен стриминговый сервис VK Музыка; также, опытные предпочитают Яндекс.Музыку, а неопытные – Apple Music. Данное различие может подтверждаться цитатой информанта из типажа «неопытных» «опять же скажу про Apple Music, так как я все-таки люблю минимализм, лаконичность, для меня он идеален в этом плане». (Вика, 19 лет), то есть Apple Music отличается минимализмом и простотой, в отличие от Яндекс.Музыки, где есть дополнительные опции (подкасты, аудиокниги, смена дизайна и другие), что делает приложение более «нагруженным», но в этом хорошо разбираются и ценят опытные пользователи.

2. Если сравнивать основные критерии выбора музыкального стримингового сервиса между двумя типажам, то они выделяют практически все одинаковые, а именно: разнообразие библиотеки треков и исполнителей, удобный интерфейс, устойчивость работы сервиса. Также, неопытные отмечают еще один критерий – «возможность скачивания и прослушивания музыки без Интернета».

3. Что касается допустимых расходов на подписку в месяц на музыкальный стриминговый сервис, то оба типажа соотносят в денежном эквиваленте подписку со стоимостью одной кружки кофе.

4. Первый типаж, опытных пользователей, указывает на более редкую приемлемую частоту рекламы между треками, чем неопытные потребители. Но также оба типажа подчеркивают и важность полного отсутствия рекламы между треками.

5. По наличию разнообразия подписок на стриминговый сервис первый типаж, опытных пользователей, не дает однозначный ответ по данному вопросу, а то время как неопытным пользователям данная функция музыкального стримингового сервиса не важна.

6. Первый типаж – опытных пользователей не дает однозначный ответ по вопросу о важности наличия комплексов подписок на дополнительные сервисы или скидки на них в одной экосистеме, а второй типаж – неопытных пользователей, указывает на не важность развитой экосистемы, так как не разбирается и не вникает в это, что подтверждается цитатами информантов «Я не разбираюсь в этой теме, у меня молодой человек больше в этом» (Ликурия, 23 года). «Да, я на самом деле в это особо не вникала, что такое есть (рассмеялась)». (Ксения, 23 года), что показывает как раз на неопытность пользователей данного типажа.

Нарративный анализ ответов информантов позволил получить следующие результаты. Большинство информантов выделяют как самые важные критерии, которые влияют на них при выборе музыкального стримингового сервиса: разнообразие библиотеки треков и исполнителей, так как «я меломан и у меня есть потребность слушать не только рэп, а также например хип-хоп, регги и так далее, как, например, бывает у многих людей» (Тимофей, 18 лет), удобный интерфейс, так как «если интерфейс хорошо проделан, человек будет этим пользоваться, а если мы говорим про то, как устроено приложение про его функции, то тоже играет роль, потому что когда у тебя большой выбор функций, ты можешь потыкать, потыкать, что-то может стать тебе интересным или там есть какие-то вкладочки, допустим, альбомы, избранное, плейлисты – это удобно, когда можно все сортировать или ещё что-то» (Сергей, 20 лет), и устойчивость работы сервиса, так как «это удобство и комфорт слушателей, важно, когда тебе ничего не мешает, ничего не лагает и так далее» (Вика, 19 лет). Менее важным критерий, но который всё же часто отмечали – возможность скачивания и прослушивания музыки без Интернета, так как «на очень важный это не тянет» (Сергей, 20 лет). Развитая экосистема показалась информантам интересным моментом, однако важность критерия при выборе оказалась не такой высокой, так как «основной момент – музыка, но если есть какие-то еще плюсы от подписки, то это радует» (Арина, 19 лет). Также еще один критерий – дизайн приложения сервиса или сайта, так как «именно дизайн сайта определяет то, как пользователи будут относиться к сайту» (Ася, 20 лет).

Мнения по поводу важности стоимости подписки между информантами разделились на тех, кто считает, что это очень важно и тех, кто считает, что это абсолютно неважно, сами информанты понимают, что это довольно спорный критерий, на оценку которого влияет множество факторов – «для меня это абсолютно неважно, а для кого-то это может быть важно» (Павел, 19 лет), однако, информанты сошлись на том, что приемлемая стоимость подписки соответствует стоимости одной кружки кофе, то есть «300 рублей максимум, наверное, потолок, который можно поставить» (Сергей, 20 лет). Самыми распространёнными

в использовании музыкальными стриминговыми сервисами оказались VK Музыка и Яндекс.Музыка.

Заключение.

В результате проведенного исследования выяснилось, что стоимость подписки не является самым важным критерием выбора музыкального стримингового сервиса. Приемлемая стоимость подписки в месяц – 300 рублей. Можно рекомендовать пересмотр функционала музыкального стримингового сервиса, если он достаточно широк, то есть включает в себя аудиокниги, подкасты, радио и другое, то возможно поднять цену на стоимость подписки в месяц, так как потребители готовы платить больше за качественное приложение с большим набором различных функций.

По результатам интервью было установлено, что пользователи негативно относятся к рекламе между треками. В варианте, где потребителем пользуется подпиской на музыкальный стриминговый сервис размещение рекламы между треками пользователи считают недопустимым, а что касается бесплатного пользования сервисом, то потребители указали приемлемое количество рекламы, раз в несколько треков, причем в начале или в конце музыкального произведения, резкая реклама в середине трека раздражала пользователей. Таким образом, можно исключить рекламу между треками в платной подписке на музыкальный стриминговый сервис. Вставлять рекламные сообщения до или после трека в бесплатном доступе к музыкальному стриминговому сервису.

В ходе исследования выяснилось, что потребителям в целом не важно наличие развитой экосистемы, так как многие не пользуются смежными сервисами так часто, как и музыкальным. Даже если у сервиса не развита экосистема, некоторым не сложно скачать другое приложение, если потребуется заказать еду, такси и т.д. Однако если доступен комплекс подписок на дополнительные сервисы или скидки на них – это, конечно, будет приятным бонусом. Если компания позиционирует свой сервис исключительно как музыкальный, то стоит уделять внимание и развивать именно его функционал. Возможно также партнерство с другими сервисами, поскольку это решение не понесет таких высоких затрат как развитие своей экосистемы с нуля. Также, стоит лучше информировать потребителей через рекламу в социальных сетях о своих предложениях, поскольку нами было обнаружено, что многие не знают в полном объеме о возможностях «комбо» подписки.

Было установлено, что на выбор потребителя влияют такие характеристики (критерии) музыкального стримингового сервиса как разнообразие библиотеки треков и исполнителей, удобный интерфейс, устойчивость работы сервиса. Так-

же, часто называли возможность скачивания и прослушивания музыки без интернета. Не особо важными критериями, выделенными информантами, являются дизайн приложения или сайта сервиса и разнообразие видов подписок.

Таким образом, фокус в развитии и улучшении стоит делать на трех наиболее важных критериях: разнообразие библиотеки треков и исполни-

телей, удобный интерфейс, устойчивость работы сервиса.

В качестве одного из возможных направлений для дальнейшего исследования поведения потребителей при выборе музыкальной стримингового сервиса является изучение эмоциональной связи с брендом и его влияние на выбор сервиса.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Адорно Теодор В. Избранное: Социология музыки / Теодор В. Адорно Пер. с нем. 3-е изд. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 446 с.
2. Гуськов А.А. Особенности дистрибуции и продвижения музыкального контента в современной России // Вопросы медиабизнеса. 2022. Т. 1. № 3. С. 12–18.
3. Денисова А. Медиапиратство и деятельность стриминговых сервисов в условиях новой реальности / А. Денисова, А. Колосова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 5. С. 148–166.
4. Дулин В.В. Цифровые коммуникации в музыкальной сфере: особенности и тенденции продвижения музыкального контента Коммуникации в условиях цифровых изменений / В.В. Дулин, А.А. Смирнова; Под ред. проф. А.Д. Кривоносова // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2024 г. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2024. 185 с. EDN: YRHVAU. С. 146–149.
5. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс / Ф. Котлер; Пер с англ. М. : Издательский дом «Вильямс». 2007. 656 с.
6. Тесля П.Н. Цифровая трансформация медиарынка и ее последствия / П.Н. Тесля // ЭКО. 2020. № 2. С. 81–101.
7. Adedeji W. Streaming services and brokerage in the music industry crisis in Nigeria / W. Adedeji, Röschen-thaler U. // Cultural Studies. 2024. P. 1–23. URL : <https://doi.org/10.1080/09502386.2024.2437438>
8. Arditi D. iTunes: breaking barriers and building walls/ Popular Music and Society. 2014. Vol. 37. № 4. P. 408–424. URL : <http://dx.doi.org/10.1080/03007766.2013.810849>
9. Music streaming services: understanding the drivers of customer purchase and intention to recommend / Barata Mariana Lopes [et al.] // Heliyon. Vol. 7. Iss. 8. URL : <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07783>
10. Burroughs B.E. Streaming media: audience and industry shift in a networked society. – University of Iowa. – 2015.
11. Eriksson M. The editorial playlist as container technology: on Spotify and the logistical role of digital music packages / M. Eriksson // Journal of Cultural Economy. 2020. № 13(4). P. 415–427. URL : <https://doi.org/10.1080/17530350.2019.1708780>
12. Hsu C.E. Music streaming characteristics and consumption emotion as determinants of consumer satisfaction and purchase intention / C.E. Hsu, Raj.S. Yeshwant, B. Sandy // Contemporary Management Research. – 2021. № 17(3). P. 157–188. URL : <https://doi.org/10.7903/CMR.20647>
13. Kinnally W. Integrating the theory of planned behavior and uses and gratifications to understand music streaming intentions and behavior / W. Kinnally, H. Bolduc // Atlantic Journal of Communication. 2020. № 28 (3). P. 165–179. URL : <https://doi.org/10.1080/15456870.2020.1718676>
14. Naveed K. Co-evolution between streaming and live music leads a way to the sustainable growth of music industry—Lessons from the US experiences / K. Naveed, C. Watanabe, P. Neittaanmäki // Technology in Society. 2017. Vol. 50. P. 1–19.
15. Prey R. Platform pop: disentangling Spotify's intermediary role in the music industry / R. Prey, M. Esteve Del Valle, L. Zwerwer // Information, Communication & Society. 2020. № 25(1). P. 74–92. URL : <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1761859>
16. Rushan M.R.I. The way you listen to music: effect of swiping direction and album arts on adoption of music streaming application. Behaviour & Information Technology. 2020. № 40(16). P. 1806–1827. URL : <https://doi.org/10.1080/0144929X.2020.1787515>

17. The role of ownership inclination on the intention to subscribe to music streaming among older adults / P. Sanitarathorn, W. Oentoro, O. Thummapol, S. Thongma // *Cogent Business & Management*. 2024. № 12(1). URL : <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2447423>
18. Seo B.G. The effective recommendation approaches depending on user's psychological ownership in online content service: user-centric versus content-centric recommendations / B.G. Seo, D.H. Park // *Behaviour & Information Technology*. 2022. № 43(2). P. 260–272. URL : <https://doi.org/10.1080/0144929X.2022.2161414>
19. Sinclair G. Psychological ownership and music streaming consumption / Sinclair G., Tinson J. // *Journal of Business Research*. 2017. Vol. 71. .P. 1–9. URL : <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.10.002>

References:

1. Adorno Theodor W. *Selected Works: Sociology of Music* / Theodor W. Adorno Translated from German. 3rd ed. M.; SPb. : Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 446 p.
2. Guskov A.A. Features of Distribution and Promotion of Musical Content in Modern Russia / A.A. Guskov // *Issues of Media Business*. 2022. Vol. 1. № 3. P. 12–18.
3. Denisova A. Media piracy and the activities of streaming services in the context of the new reality / A. Denisova, A. Kolosova // *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*. 2020. № 5. P. 148–166.
4. Dulin V.V. Digital communications in the music sphere: features and trends in promoting music content Communications in the context of digital changes / V.V. Dulin, A.A. Smirnova; Edited by professor A.D. Krivonosov // *Collection of materials of the VIII International scientific and practical conference*. St. Petersburg, November 25–26, 2024. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2024. 185 p. EDN: YRHVAU. Pp. 146–149.
5. Kotler F. *Fundamentals of Marketing. A Short Course* / F. Kotler; Translated from English. M. : Williams Publishing House. 2007. 656 p.
6. Teslya P.N. Digital Transformation of the Media Market and Its Consequences / P.N. Teslya // *ECO*. 2020. № 2. P. 81–101.
7. Adedeji W. Streaming services and brokerage in the music industry crisis in Nigeria / W. Adedeji, Röschen-thaler U. // *Cultural Studies*. 2024. P. 1–23. URL : <https://doi.org/10.1080/09502386.2024.2437438>
8. Arditi D. iTunes: breaking barriers and building walls/ *Popular Music and Society*. 2014. Vol. 37. № 4. P. 408–424. URL : <http://dx.doi.org/10.1080/03007766.2013.810849>
9. Music streaming services: understanding the drivers of customer purchase and intention to recommend / Barata Mariana Lopes [et al.] // *Heliyon*. Vol. 7. Iss. 8. URL : <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07783>
10. Burroughs B.E. *Streaming media: audience and industry shift in a networked society*. – University of Iowa. – 2015.
11. Eriksson M. The editorial playlist as container technology: on Spotify and the logistical role of digital music packages / M. Eriksson // *Journal of Cultural Economy*. 2020. № 13(4). P. 415–427. URL : <https://doi.org/10.1080/17530350.2019.1708780>
12. Hsu C.E. Music streaming characteristics and consumption emotion as determinants of consumer satisfaction and purchase intention / C.E. Hsu, Raj.S. Yeshwant, B. Sandy // *Contemporary Management Research*. – 2021. № 17(3). P. 157–188. URL : <https://doi.org/10.7903/CMR.20647>
13. Kinnally W. Integrating the theory of planned behavior and uses and gratifications to understand music streaming intentions and behavior / W. Kinnally, H. Bolduc // *Atlantic Journal of Communication*. 2020. № 28 (3). P. 165–179. URL : <https://doi.org/10.1080/15456870.2020.1718676>
14. Naveed K. Co-evolution between streaming and live music leads a way to the sustainable growth of music industry—Lessons from the US experiences / K. Naveed, C. Watanabe, P. Neittaanmäki // *Technology in Society*. 2017. Vol. 50. P. 1–19.
15. Prey R. Platform pop: disentangling Spotify's intermediary role in the music industry / R. Prey, M. Esteve Del Valle, L. Zwerwer // *Information, Communication & Society*. 2020. № 25(1). P. 74–92. URL : <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1761859>
16. Rushan M.R.I. The way you listen to music: effect of swiping direction and album arts on adoption of music streaming application. *Behaviour & Information Technology*. 2020. № 40(16). P 1806–1827. URL : <https://doi.org/10.1080/0144929X.2020.1787515>
17. The role of ownership inclination on the intention to subscribe to music streaming among older adults / P. Sanitarathorn, W. Oentoro, O. Thummapol, S. Thongma // *Cogent Business & Management*. 2024. № 12(1). URL : <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2447423>
18. Seo B.G. The effective recommendation approaches depending on user's psychological ownership in online content service: user-centric versus content-centric recommendations / B.G. Seo, D.H. Park // *Behaviour & Information Technology*. 2022. № 43(2). P. 260–272. URL : <https://doi.org/10.1080/0144929X.2022.2161414>
19. Sinclair G. Psychological ownership and music streaming consumption / Sinclair G., Tinson J. // *Journal of Business Research*. 2017. Vol. 71. .P. 1–9. URL : <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.10.002>

Информация об авторе

Бельская Юлия Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии
и массовых коммуникаций
факультета гуманитарного образования,
Новосибирский государственный
технический университет;
доцент кафедры специальных устройств,
инноваций и метрологии,
Сибирский государственный университет
геосистем и технологий
ORCID 0000-0003-0122-9715
belskaya.73@mail.ru

Yulia V. Belskaya

Candidate of Economic Sciences
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology and Mass Communications
Faculty of Humanities,
Novosibirsk State Technical University;
Associate Professor of the Department
of Special Devices, Innovations and Metrology,
Siberian State University
of Geosystems and Technologies
ORCID 0000-0003-0122-9715
belskaya.73@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-3>

УДК 364.6

Attribution

cc by

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Бутовский М.М., Москвитина М.А., Соловей Л.В., Турнаев П.Н.

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Аннотация. В настоящем исследовании рассмотрена проблема социального самочувствия пожилых граждан, проживающих в мегаполисе, численность которых прирастает и составляет около трети общей численности населения, а значит также занимает значимое место в социальной структуре муниципальных сообществ. В работе высвечиваются некоторые векторы проблемы, оказывающие влияние на социальную удовлетворенность и социальное самочувствие пожилого населения города, которое связано с предвзятыми представлениями в обществе о старости, снижением социальной значимости пожилого населения в общественных преобразованиях, культивированием мнения о несовпадении жизненных представлений пожилых людей относительно современных смысло-жизненных установок. Используя системный, деятельностный и гуманистический подходы в исследовании заявленной проблемы, авторы статьи предприняли попытку получить сведения о наличии взаимосвязи социального самочувствия пожилого населения и эффективности реализуемых муниципальных программ социальной поддержки в условиях крупнейшего города. Первичная эмпирическая информация была получена путем стандартизированного интервью и целевой выборки, позволяющих сделать вывод о социальной удовлетворенности пожилого населения реализацией муниципальных программ социальной поддержки в г. Новосибирске. В заключении, на основе базовых общепринятых критериев измерения социального самочувствия, представлены результаты исследования и описательная эмпирическая модель удовлетворенности пожилого населения Новосибирска реализуемыми муниципальными социальными программами социальной поддержки в аспекте социального самочувствия пожилых горожан.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная поддержка, государственная программа социальной поддержки, качество жизни, пожилое население города.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FEATURES OF THE SOCIAL WELL-BEING OF SENIOR CITIZENS IN THE ASPECT OF THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL SUPPORT PROGRAMS

Mikhail M. Butovsky, Maria A. Moskvitina, Larisa V. Solovey, Pyotr N. Turnaev

*Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract. In this article presents study the actual problem of the social well-being of the elderly population of the city, whose number is steadily growing and accounts for about a third of the total population, which means it occupies an increasing place in the social structure of the local community. The work highlights some aspects of the problem under study that affect the content of life, social satisfaction of the elderly population, and, as a result, their social well-being, which is overshadowed by preconceived public ideas about old age, a decrease in the adaptive abilities of older people to social changes, ignoring the merits and social significance of the elderly population in social development, dissonant mismatch of life ideas and the expectations of older people regarding modern life attitudes. Using systematic, activity-based and humanistic approaches in the study of the stated problem, the authors of the article made an attempt to obtain information about the relationship between the social well-being of the elderly population and the effectiveness of implemented municipal social support

programs in urban conditions. The primary empirical information was obtained through a standardized interview and a targeted sample, allowing us to conclude about the satisfaction of the elderly population with the implementation of municipal social support programs in Novosibirsk. In conclusion, based on the proposed criteria for measuring social well-being, the results of the study and a descriptive empirical model of satisfaction of the elderly population of Novosibirsk with implemented municipal social support programs in the aspect of social well-being of elderly citizens are presented.

Keywords: social well-being, social support, the state program of social support, quality of life, the elderly population of the city

Funding: Independent work.

Введение.

В последние годы растет интерес научного общества к изучению феномена социального самочувствия. Особенно важным данный вопрос становится для граждан пожилого возраста, которые испытывают значительные трансформации в качестве своей жизни, материальном благополучии, в изменении социальных статусов и ролей и пр. Все эти изменения сопровождается ростом страхов, эмоциональной напряженности и негативным самовосприятием, что приводит к значительному ухудшению качества жизни, физического и социального самочувствия пожилых горожан.

По данным Министерства труда и социальной защиты РФ, 13 % россиян пребывает в возрасте 65 лет и старше. Согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7 % [1]. В Новосибирской области численность населения старше трудоспособного по состоянию на 2022 г. составляет 683,7 тыс. человек (24,5 %). Все указанные данные обуславливают актуальность исследования социального самочувствия пожилого населения в данном регионе, как то, выявление наиболее значимых для него критериев, взаимосвязи между действующими муниципальными программами социальной поддержки пожилых горожан и проявлением их социального самочувствия, а также определение путей повышения эффективности таких программ, исходя из критериев улучшения социального самочувствия пожилых людей.

Данное исследование проводилось с использованием первичной эмпирической информации, предоставленной Департаментом по социальной политике мэрии г. Новосибирска, а также муниципальными бюджетными лечебно-оздоровительными учреждениями для граждан пожилого возраста.

Обсуждение.

До настоящего времени нет единого взгляда на понятие, отражающее оценку восприятия человеком удовлетворенности условиями своей жизни, иными словами, нет согласованного подхода к пониманию термина «социальное самочувствие».

Для советской науки было характерно использование различных терминов, типа «революционное настроение», «настроение масс» и других подобных понятий, отражающих, в первую очередь, политический, социальный и экономический аспекты состояния общества и отдельных классов. В середине 1960 г. Б.Д. Парыгин предложил новый, менее идеологизированный и политизированный термин «общественное настроение» [2], а в начале 1990-х гг. в оборот был введен термин «социальное настроение» [3]. Сущность данных понятий заключается в том, что настроение как категория социологии представляет собой «многогранное, локализованное или разлитое эмоциональное состояние личности, окрашивающее или даже определяющее в данный момент все другие проявления ее психики» [4, с. 313].

В то же время, в зарубежной практике наибольшее распространение получили понятия «субъективное благополучие» как вера в то, что жизнь человека легка и приятна, и понятие «качество жизни», отраженное в палитре показателей самых разных аспектов жизни – от уровня доходов до уровня физического и психического здоровья личности.

В российской социологической теории и практике в настоящее время используется понятие «социальное самочувствие», которое характеризует разные стороны жизни общества и является важным понятием для социологии, социальной психологии, социальной философии и других наук. Обзор литературы позволил сформулировать подходы к определению понятия «социальное самочувствие», характерного для разных областей знания (табл. 1).

Общим во всех представленных подходах является сочетание субъективности оценок, их акцентированность на личностную и эмоциональную окрашенность в сочетании с общественно значимыми аспектами социального самочувствия.

Социальное самочувствие приобретает общественный характер в том смысле, что отражает не только личностное, но и в совокупности личностных оценок, отражает общее отношение некоего среднестатистического человека к окружающей его социальной, политической, культурной и экономической общественной жизни.

Таблица 1

Некоторые подходы к определению понятия «социальное самочувствие»

Подход к определению понятия	Содержание трактовки
Понимание социального самочувствия в социологии	Состояние массового сознания социальных групп, формы восприятия и оценок удовлетворенности жизнью
Понимание социального самочувствия в психологии	субъективное измерение индивидом своего психофизиологического состояния на уровне эмоционального восприятия, как реакции на происходящее
Социальное самочувствие, как философская категория	отношение индивида к своему духовному состоянию и материальному положению, которое выступает как форма восприятия бытия
Социальное самочувствие, как управленческая категория	интегральная оценка качества жизни общества, основанная на совокупности показателей экономического, социального развития государства, экологического благополучия, уровня развития политической и правовой системы и пр., которая формируется на основе данных статистических наблюдений и социологических исследований

Представленные подходы к определению понятия «социальное самочувствие» позволяют сформировать комплекс структурных компонентов данного феномена. Необходимо отметить, что к таким составляющим компонентам относятся не только факторы, непосредственно связанные с социальными, политическими, экономическими, правовыми условиями жизни чело-

века, но и факторы природной среды. Например, общеизвестно, что на самочувствие человека существенное влияние оказывает продолжительность светового дня, температурный режим, окружающая экологическая обстановка и т.п.

Предложенный авторами комплекс компонентов социального самочувствия представлен на рисунке 1.

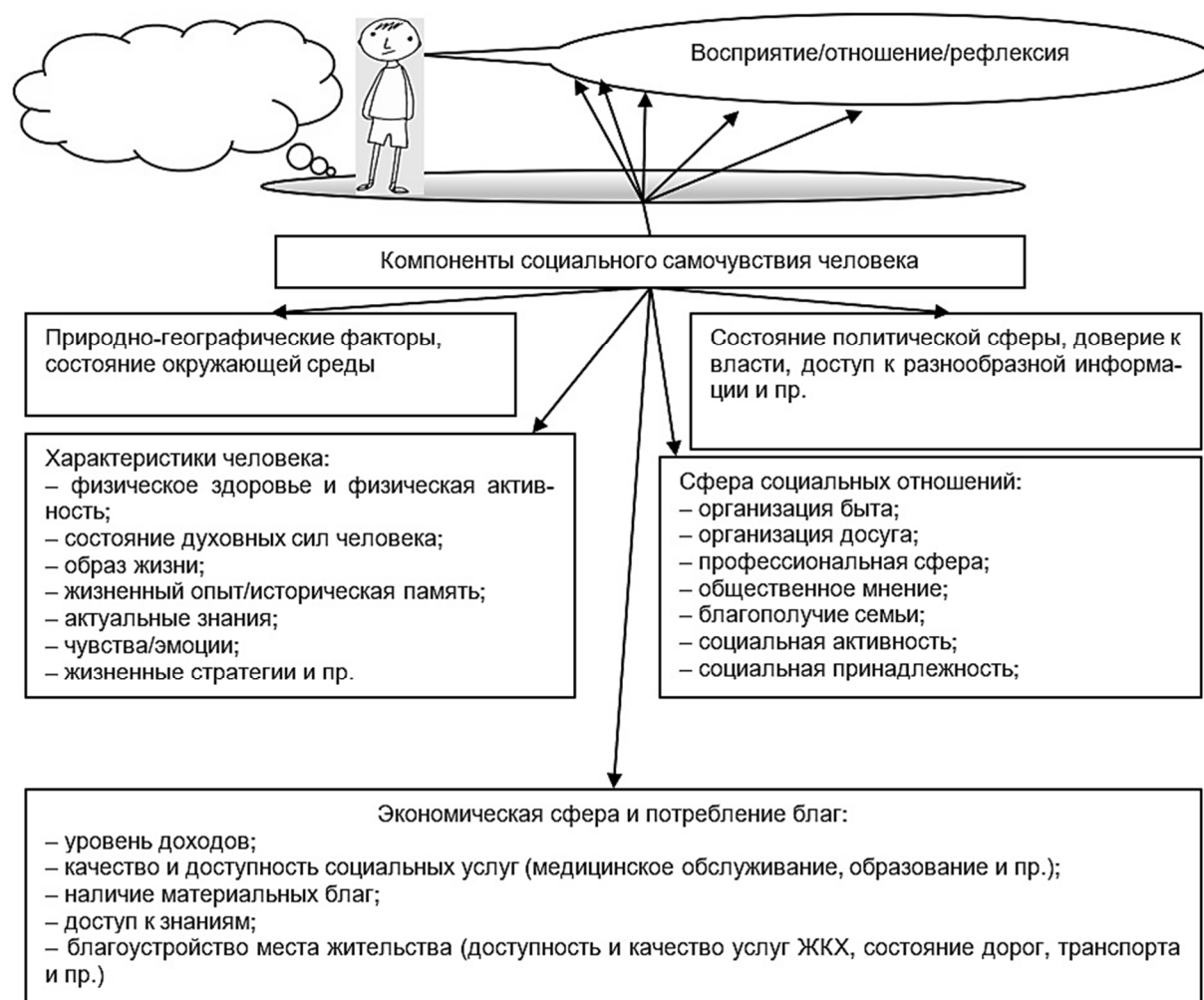

Рисунок 1 – Компоненты социального самочувствия человека

Еще раз подчеркнем, что социальное самочувствие человека связано не только и не столько с объективными характеристиками условий его жизни, сколько с восприятием и оценками индивидом своего положения в социуме и в обществе в целом.

Большое количество составляющих компонентов социального самочувствия предопределяет сложность оценки его интегральных показателей. Вопрос заключается не только в множестве составляющих компонентов, но и в том, что они измеряются совершенно разными по сущности показателями. По крайней мере, часть компонентов может быть измерена с помощью данных экономической статистики, другая часть – методами социологии, третья – методами измерений, применяемыми в психологии. Кроме того, компоненты социального самочувствия также имеют и разный вес в общем восприятии человека и этот вес различен для разных возрастных групп. Так, очевидно, для молодого поколения большую значимость будут иметь такие компоненты, как социальная принадлежность, общественное мнение, качество социальных взаимоотношений и пр., а для более старших групп более значимыми становятся аспекты качества и доступности медицинских услуг, развитость инфраструктуры у дома, аспекты физического здоровья и активности, состояния духовных сил и др. Все это создает методологические сложности оценки социального самочувствия граждан. Формирование методологии оценки социального самочувствия, в том числе пожилого населения, в научной литературе продолжается.

Вместе с тем, исследование содержания понятия «социальное самочувствие» и поиск методов его оценки имеют значимость не только для научного сообщества, но и имеет актуальность для практики государственного управления и государственной политики. Именно «социальное самочувствие», на наш взгляд, может рассматриваться как интегральный показатель результативности государственной политики, когда изменения, происходящие в экономике и социальной сфере, приводят к реальным изменениям условий жизни людей и формированию у них положительного самочувствия. Об этом неоднократно заявлял Президент РФ, в т.ч. на Съезде Федерации независимых профсоюзов России 04.04.2024 г.: «Все наши законодательные новации, планы, программы, финансовые вложения должны работать и на экономический рост, и на повышение качества жизни, благополучия российских семей. В этом наша с вами общая конечная цель» [5].

В настоящее время существует ряд индексов, направленных на исследование социального самочувствия россиян. Так, исследования социального самочувствия ежемесячно проводятся ВЦИОМ на основе данных всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник» методом телефонного интервью 1600 россиян старше 18 лет и основываются на показателях удовлетворенности жизнью, уровне социального оптимизма, материального благополучия, состояния экономики и политической ситуации [6]. Указанные индикато-

ры позволяют сформировать общее представление об основных характеристиках социального самочувствия населения России по ключевым направлениям и не отражают специфики отдельных возрастных групп, а также не связаны напрямую с оценкой реализации конкретных направлений государственной политики и реализацией муниципальных социальных программ.

Другие научные подходы к оценке социального самочувствия представлены в трудах отечественных и зарубежных ученых, например, тест «Измерительного индекса социального самочувствия» Е.И. Головахи, Н.В. Паниной, А.П. Горбачик [7], имеющий спектр индикаторов социального самочувствия в ракурсе эмоциональной оценки человеком социальной поддержки. В указанном подходе социальное самочувствие выступает в качестве фокуса удовлетворения социальных потребностей.

В работах П.М. Козыревой [8] индекс социального самочувствия включает показатели удовлетворенности и стабильности существования, статусной самооценки и самооценки физического состояния.

Н.И. Лапин и Л.А. Беляева предложили обобщающий индекс социального самочувствия, состоящий из трёх параметров – ограждения от социальных опасностей, измерения степени социального оптимизма и удовлетворённости жизнью [9].

Купинец Я.Н. понимает социальное самочувствие «как интегральный показатель адаптированности населения к реформам, как некий результат, индикатор успешности протекания процесса адаптации» [10].

Расчет данного показателя предлагается рассчитывать на основе трех составляющих:

- 1) внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма);
- 2) оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить);
- 3) восприятия собственного положения в новых условиях.

Кроме исследования индексов социального самочувствия, широко представлены работы по оценке социального самочувствия пожилых горожан в исследованиях В.А. Бурко и Ж.В. Волковой [11], О.В. Котомановой и Н.С. Антоновой [12], О.А. Аслановой [13], в которых используются общие показатели оценки социального самочувствия в преломлении к пожилым гражданам.

Одним из значимых направлений современной государственной политики является создание условий для активного долголетия граждан РФ (в рамках федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» [14]).

В Новосибирской области реализуется подпрограмма «Старшее поколение» государственной программы Новосибирской области «Социальная поддержка в Новосибирской области» [15]. Подпрограмма «Старшее поколение» предназначена для формирования условий для реализации мероприятий, направленных на укрепление социальной защищенности граждан пожилого возраста. По мнению разработчиков подпрограммы, «существующая система оказания помощи гражданам старшего возраста не в полной мере удовлетворяет потребности целевой группы» [15]. Подпрограмма предполагает сохранение имеющейся в Новосибирской области базовой системы поддержки граждан старшего возраста во всех традиционных формах поддержки (стационарной, полустационарной и форме социального обслуживания на дому), и в то же время, производится попытка изменить приоритетность в сторону развития и совершенствования имеющихся нестационарных форм поддержки, в том числе на дому, для обеспечения возможности гражданам старшего возраста жить

самостоятельно в домашней, привычной для них обстановке и вести социально активный образ жизни. Этому должно способствовать повышение доступности услуг для пожилого населения города при сохранении их качества, расширение спектра предоставляемых услуг пожилым гражданам, в том числе с применением индивидуального подхода, а также систематическое развитие социальных сервисов.

Результаты.

Ключевым органом, обеспечивающим социальную поддержку пожилого населения города, является Управление социальной поддержки населения Департамента по социальной политике мэрии г. Новосибирска. Управление обеспечивает реализацию муниципальных программ социальной поддержки в области социального волонтерства, социализационных мероприятий, оздоровительных программ и др. Основные направления социальной поддержки населения в г. Новосибирске представлены в таблице 2.

Таблица 2

Основные направления содержания социальной поддержки пожилого населения в г. Новосибирске в аспекте реализации государственной программы Новосибирской области «Старшее поколение»

Направление социальной поддержки в г. Новосибирске	Содержание программы
Направление подпрограммы «Старшее поколение» ГП Новосибирской области «Социальная поддержка в Новосибирской области» – Повышение доступности и качества услуг для граждан пожилого возраста	
Волонтерская помощь	Программы по оказанию практической помощи (добровольцы по приему вещей, помощь маломобильным пожилым людям в рамках движения «Серебряное волонтерство» и пр.
Творческая социализация пожилых горожан	Программы рекреационной направленности для пожилых горожан в студиях изобразительного искусства, рукоделия, интеллектуальных интерактивных интенсивов и др.
Направление подпрограммы «Старшее поколение» ГП Новосибирской области «Социальная поддержка в Новосибирской области», нацеленная на расширение спектра услуг пожилым гражданам	
Оздоровление	Оздоровительные программы, включая курс лечебно-оздоровительной физкультуры на базе муниципальных бюджетных организаций для граждан пожилого возраста и инвалидов
Направление подпрограммы «Старшее поколение» ГП Новосибирской области «Социальная поддержка в Новосибирской области» – Развитие социальных сервисов	
Социальное сопровождение	Программы для пожилых инвалидов («Муниципальное такси», «Социальный холодильник» и пр.); программы компьютерной грамотности на базе образовательных и пр. учреждений
Другие направления социальной поддержки в соответствии с законодательством РФ	
Материальные выплаты и компенсации	Ветераны труда и ВОВ, дети войны получают компенсации и субсидии по коммунальным услугам, на медицинскую технику, зубопротезирование, проезд в общественном транспорте, налоги на землю и пр. [16, 17, 18]

В исследовании представлены результаты взаимосвязи социального самочувствия пожилого населения и реализации муниципальных программ по социальной поддержке в г. Новосибирске.

В работе были сформулированы задачи:

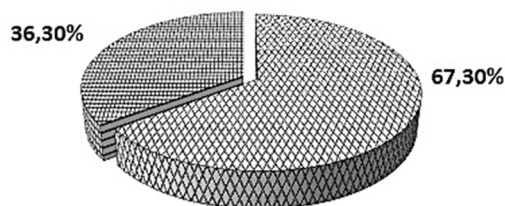
- определить уровень осведомленности пожилого населения города о муниципальных программах социальной поддержки, количество участников в них;
- выявить факторы, влияющие на удовлетворенность-неудовлетворенность пожилых граждан социальными программами;
- определить критерии измерения социального самочувствия.

Исследование проводилось на базе муниципальных социально-оздоровительных учреждений по обслуживанию лиц пожилого возраста на основе стандартизированного интервью. Использовался простой, случайный, репрезентативный тип выборки, который позволил отобрать 290 респондентов в возрастном диапазоне 57–86 лет. Выборку составили преимущественно женщины (88 %). Вопросы респондентам в виде интервью были заданы в спокойных располагающих условиях социально-оздоровительных учреждений, что позволило подойти к ответам наиболее обдуманно, без суеты, обеспечило гарантию от импульсивных эмоциональных ответов и способствовало повышению качества опроса и валидности исследования.

Респонденты, на момент проведения опроса, относились к группе пенсионеров, имеющих в

прошлом разный трудовой стаж, профессиональную принадлежность, уровень образования

и квалификации. Данные об уровне образования респондентов представлены на рисунке 2.

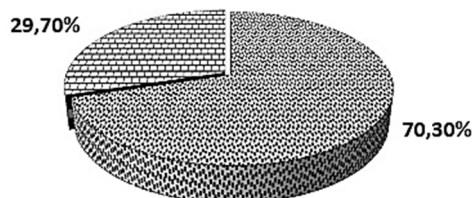
☒ Среднее специальное образование   ☒ Высшее образование

Рисунок 2 – Структура респондентов с учетом уровня образования

Направленностью деятельности пожилых людей до ухода на пенсию была экономика, образование, технические профессии, квалифицированный рабочий труд. На пенсии опрошенные респонденты (46 %) занимаются деятельностью в общественных и волонтерских объединениях, работают с потерей профессионального статуса

(9 %), остаются работать на прежнем месте по своему профилю (45 %).

Данные об осведомленности респондентов о реализуемых в городе Новосибирске программах социальной поддержки пожилых лиц представлены на рисунке 3.

☒ Не знают о других социальных программах для пожилых людей

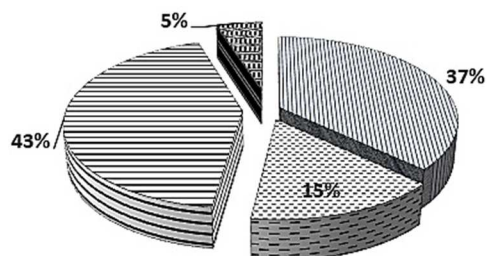
☒ Знают о других социальных программах и участвуют в них

Рисунок 3 – Данные об осведомленности респондентов о реализуемых в г. Новосибирске программах социальной поддержки пожилых лиц

В качестве основной причины неосведомленности о наличии других программ социальной поддержки населения опрашиваемые респонденты выделили плохое состояние физического здоровья, отсутствие цифровой техники и неумение ею пользоваться. Некоторые респонденты (29,7 %) указали на осведомленность о других программах социальной поддержки благодаря помощи родственников, например, о льготных

билетах в кинотеатры, на посещение бассейна или зоопарка, об обучении на компьютерных курсах, о программе социального такси, о договоре аренды, о прокате медицинской техники, о социальных столовых и пр.

Результаты опроса об удовлетворенности лечебно-оздоровительными программами отражены на рисунке 4.

☒ Высокая удовлетворенность программой

☒ Средняя удовлетворенность программой

☒ Не высокая удовлетворенность программой

☒ Затруднились ответить

Рисунок 4 – Удовлетворенность муниципальными лечебно-оздоровительными для граждан пожилого возраста

Ответы респондентов по причинам неудовлетворенности социально-оздоровительными программами можно структурировать на следующие группы:

1. Причины организационного характера – связаны с продолжительным ожиданием курса оздоровления (назвали причину 91 % респондентов) и большой объем документов для оформления на программу оздоровления (назвали 76 %). Пожилые люди высказали желание увеличить для них число мест в профилакториях и в амбулаторных медицинских учреждениях города.

2. Причины не высокого качества предоставляемых услуг – со слов 71 % респондентов, персонал лечебно – оздоровительных учреждений часто недобросовестно выполняет свой функционал, проявляет «конвейерное» отношение к пожилым людям, находящимся на реабилитации в оздоровительных учреждениях. Качество предоставляемых услуг, по мнению 56 % опрошенных, снижает отсутствие современного ремонта в муниципальных бюджетных социально-оздоровительных учреждениях города.

3. Причины не достаточного разнообразия услуг, реализуемых социально-оздоровительными учреждениями – данную проблему отметили 84 % респондентов и уточнили, что оздоровительные реабилитационные программы сопровождает мало развивающих, интеллектуальных рекреативных мероприятий, о них нет информации в пакете услуг, дополнительно предоставляемых лечебно-оздоровительными учреждениями. Недостаточное разнообразие услуг, по мнению 77 % респондентов, также проявляется в скупом спектре медицинских процедур; по мнению 81 % опрошенных, однообразие проявляется в рационе питания, по мнению 69 % респондентов – в отсутствии организации аптечного обслуживания на территории оздоровительных учреждений.

4. Причины логистической направленности заключаются в проблеме расположения лечебно-оздоровительных учреждений за чертой города. Использование частного коммерческого транспорта накладывает нагрузку на бюджет пожилых людей, проживающих на пенсионное пособие.

Несмотря на то, что достаточно большая доля лиц отметила высокую и среднюю степень удовлетворенности услугами, полученными во время пребывания в социально-оздоровительном учреждении (58 % опрошенных), только 37 % респондентов указали на улучшение своего социального самочувствия, из них у 23 % улучшилось эмоциональное состояние, у 8 % снизилось ощущение одиночества, у 6 % улучшилось физическое состояние.

Опрос пожилых горожан также показал, что адаптацию к периоду выхода на пенсию пожилые люди (68 %) переживали психологически не просто не только по причине ухудшения физического здоровья, но и по причине снижения дохо-

дов, сужения круга общения, появления ощущения ущербности. Респонденты отметили, что ожидания на включение их в реализацию программ социальной поддержки, в частности, на оздоровительные программы не были полностью оправданы так как они не имеют характера их дальнейшей пролонгации и поэтому в целом не влияют на улучшения социального самочувствия.

По мнению 49 % респондентов, улучшить социальную поддержку пожилых людей смогла бы организация специальных многофункциональных пунктов для пожилых горожан, где они могли бы получить консультационное сопровождение по социальному, юридическому, жилищно-коммунальному, медицинскому и др. направлениям.

Заключение.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Несмотря на продолжительный период исследований феномена социального самочувствия, к настоящему времени не сложился единый подход к его пониманию, составу компонентов, критериев оценки и показателям данного явления.

2. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что приоритетными для социального самочувствия пожилых граждан являются такие компоненты, как восприятие своего физического, эмоционального здоровья и активности; в сфере социальных отношений выделяются такие приоритеты, как организация быта, досуга, ощущение социальной принадлежности и востребованности, а также - личные оценки уровня доходов.

3. Авторы солидарны с мнением ряда исследователей о том, что социальное самочувствие пожилого населения может являться важным обобщающим критерием эффективности государственной политики.

4. Реализация государственных программ субъекта РФ в области социальной поддержки пожилых людей на местах оказывает незначительное влияние на улучшение социального самочувствия пожилых граждан. Приоритетную роль играют личные переживания и страхи пожилых людей, а также факторы, связанные с психологической и материальной неготовностью пожилых людей к выходу на пенсию: ощущение конечности жизни, ухудшение физического здоровья, «выпадение» из активной социальной жизни, сокращение круга общения, снижение доходов, чувство не востребованности и пр.

5. Повышение эффективности государственных программ в субъекте РФ может быть связано с переходом от эпизодического к систематическому подходу в оказании социальной поддержки пожилым гражданам с дальнейшим социальным

сопровождением пожилых людей после окончания их пребывания в лечебно-оздоровительных учреждениях.

6. Необходима рационализация и модернизация структуры сети муниципальных социальных учреждений для лиц пожилого возраста в условиях городского пространства, создание многопрофильных консультационных пунктов с привлечением к их функционированию специалистов из смежных сфер - гериатрии, геронтологии, социальной работы, юриспруденции, а также

создание структур оперативной помощи в виде центров или отделов, координирующих актуальные вопросы и решение острых проблем в области социальной поддержки пожилого населения. Необходимо решение вопроса по созданию структур, осуществляющих систематическую переподготовку, повышение квалификации социальных работников и подготовку волонтеров для работы в социальной сфере, а также создание структур, обеспечивающих информационное и техническое сопровождение социальной поддержки пожилого населения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Стареющая нация: возраст каждого восьмого россиянина – 65 лет. URL : <https://www.rbc.ru/economics/05/07/2013/57040bd59a794761c0cdf6a6> (дата обращения 08.12.2024).
2. Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М. : Мысль, 1966. 327 с.
3. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение. М. : Academia, 1996. 195 с.
4. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб. : ИГУП, 1999. С. 313.
5. Все программы должны работать на повышение качества жизни, заявил Путин. РИА Новости. URL : <https://ria.ru/20240404/putin-1937816005.html?ysclid=m3wn1235jv146469618> (дата обращения 08.12.2024).
6. Индексы социального самочувствия. URL : <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya> (дата обращения 08.12.2024).
7. Головаха Е.В. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС. Теория и методы самочувствия / Е.В. Головаха, Н.В. Панина, А.П. Горбачик // Социология: 4 М. 1998. № 10. С.58–66.
8. Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6 (326). С. 24–36. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_16459151_39754769.pdf (дата обращения 08.12.2024).
9. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М. : ИФРАН, 2010. URL : http://www.vscs.ac.ru/uploads/fragment_page_files/2020/04/13481.pdf (дата обращения 08.12.2024).
10. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я.Н. Крупец // Социологические исследования. 2003. № 4(228). С. 143–144. URL : <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-04/Krupets.pdf> (дата обращения 08.12.2024).
11. Бурко В.А. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) / В.А. Бурко, Ж.В. Волкова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-pozhilyh-lyudey-v-sovremenном-rossiyskom-obschestve-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения 25.11.2024).
12. Котоманова О.В. Социальное самочувствие пожилых граждан в современных условиях (региональный аспект) / О.В. Котоманова, Н.С. Антонова // Theories and Problems of Political Studies. 2019. Vol. 8. Iss. 1A P. 375–382. URL : <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2019-1/42-kotomanova-antonova.pdf> (дата обращения 25.11.2024).
13. Асланова О.А. Социальное самочувствие пожилых людей в регионе: социологическая оценка: на примере Краснодарского края : автореф. дис. ... на соискание уч. звания канд. соц. наук по специальности ВАК РФ 22.00.04. URL : <https://www.disscat.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-pozhilykh-lyudei-v-regione-sotsiologicheskaya-otsenka-na-primere-kr> (дата обращения 25.11.2024).
14. Национальные проекты РФ. Старшее поколение. URL : https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya/starshee_pokolenie (дата обращения 25.11.2024).
15. Постановление Правительства Новосибирской области от 17.11.2021 № 462-п «Об утверждении государственной программы Новосибирской области «Социальная поддержка в Новосибирской области». URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7fg7vLu4fDg5uDI8vH/IQ3llOlG7+7x6+Xk7eXrIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=172212683&page=1&rdk=0#l0 (дата обращения 25.11.2024).

16. Постановление Мэрии г. Новосибирска от 08 июня 2012 г. № 5444 «Об утверждении порядка оказания социальной помощи жителям города Новосибирска». URL : https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/bcb/q9pf3yaz7erfgw5x3skocvirryrjm4cj/post_5444.pdf (дата обращения 25.11.2024).
17. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2008 г. № 714 «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27384> (дата обращения 08.12.2024).
18. Закон Новосибирской области от 06 декабря 2013 года № 380-ОЗ «О порядке и условиях предоставления компенсаций расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг отдельным категориям граждан, проживающих на территории Новосибирской области». URL : https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/732/z_nso_380_oz_6_12_2013_red_02_10_2018.pdf (дата обращения 08.12.2024).

References:

1. An aging nation: the age of every eighth Russian is 65 years old. URL : <https://www.rbc.ru/economics/05/07/2013/57040bd59a794761c0cdf6a6> (date of application 08.12.2024).
2. Parygin B.D. Public mood. M. : Mysl, 1966. 327 p.
3. Toshchenko J.T. Social mood. M. : Academia, 1996. 195 p.
4. Parygin B.D. Social psychology. Problems of methodology, history and theory. SPb. : IGUP, 1999. P. 313.
5. All programs should work to improve the quality of life, Putin said. RIA News. URL : <https://ria.ru/20240404/putin-1937816005.html?ysclid=m3wn1235jv146469618> (date of application 08.12.2024).
6. Indices of social well-being. <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya> (date of application 08.12.2024).
7. Golovakha E.V. Measurement of social well-being: the IISS test. Theory and methods of well-being / E.V. Golovakha, N.V. Panina, A.P. Gorbachik // Sociology: 4 M. 1998. № 10. P. 58–66.
8. Kozyreva P.M. Social adaptation of the Russian population in the post-Soviet period / P.M. Kozyreva // Sociological research. 2011. № 6(326). P. 24–36. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_16459151_39754769.pdf (date of application 08.12.2024).
9. Lapin N.I. Program and standard tools «Socio-cultural portrait of the Russian region» (Modification – 2010) / N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M. : IFRAN, 2010. URL : http://www.vsc.ac.ru/uploads/fragment_page_files/2020/04/13481.pdf (date of application 08.12.2024).
10. Krupets Ya.N. Social well-being as an integral indicator of adaptability // Sociological research. 2003. № 4 (228). P. 143–144. URL : <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-04/Krupets.pdf> (date of application 08.12.2024).
11. Burko V.A. Social well-being of the elderly in modern Russian society (comparative analysis) / V.A. Burko, Zh.V. Volkova // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-pozhilyh-lyudey-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-sravnitelnyy-analiz> (date of application 11/25/2024).
12. Kotomanova O.V. Social well-being of senior citizens in modern conditions (regional aspect) / O.V. Kotomanova, N.S. Antonova // Theories and Problems of Political Studies. 2019. Vol. 8. Iss. 1A P. 375–382. URL : <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2019-1/42-kotomanova-antonova.pdf> (date of application 11/25/2024).
13. Aslanova O.A. Social well-being of the elderly in the region: a sociological assessment: on the example of the Krasnodar Territory. – Autoref. diss for the academic title of Candidate of Social Sciences in the specialty of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 22.00.04. URL : <https://www.dissertat.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-pozhilykh-lyudei-v-regione-sotsiologicheskaya-otsenka-na-primere-kr> (date of application 11/25/2024).
14. National projects of the Russian Federation. The older generation. URL : https://национальные_проекты.pdf/projects/demografiya/starshee_pokolenie (date of application 11/25/2024).
15. Resolution of the Government of the Novosibirsk Region dated 11/17/2021 № 462-р «On approval of the State program of the Novosibirsk region «Social support in the Novosibirsk region». URL : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7f1g7vLu4fDg5uDI8vH/IO3IIIOlg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=172212683&page=1&rdk=0#I0 (date of application 11/25/2024).
16. Resolution of the Novosibirsk City Hall dated June 8, 2012. № 5444 «On approval of the procedure for providing social assistance to residents of Novosibirsk». URL : https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/bcb/q9pf3yaz7erfgw5x3skocvirryrjm4cj/post_5444.pdf (date of application 11/25/2024).
17. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2008 № 714 «On housing for veterans of the Great Patriotic War of 1941–1945». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27384> (date of application 08.12.2024).
18. The Law of the Novosibirsk Region dated December 06, 2013, № 380-OZ «On the procedure and conditions for providing compensation for expenses for housing and (or) utilities to certain categories of citizens living in the territory of the Novosibirsk Region». URL : https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/732/z_nso_380_oz_6_12_2013_red_02_10_2018.pdf (date of application 08.12.2024).

Информация об авторах

Бутовский Михаил Михайлович

соискатель ученой степени
кандидата социологических наук,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
michaelb@mail.ru

Москвитина Мария Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного управления
и отраслевых политик,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
moskvitina-ma@ranepa.ru

Соловей Лариса Викторовна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры государственного управления
и отраслевых политик,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
solovey.alt@mail.ru

Турнаев Петр Николаевич

соискатель ученой степени
кандидата социологических наук,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
petr-turnaev@yandex.ru

Mikhail M. Butovsky

Candidate of the academic title
of Candidate of Sociological Sciences,
Siberian Institute of Management – branch of RANEPA
michaelb@mail.ru

Maria A. Moskvitina

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Administration and Sectoral Policies,
Siberian Institute of Management – branch of RANEPA
moskvitina-ma@ranepa.ru

Larisa V. Solovey

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Administration and Sectoral Policies,
Siberian Institute of Management – branch of RANEPA
solovey.alt@mail.ru

Pyotr N. Turnaev

Candidate of the academic title
of Candidate of Sociological Sciences,
Siberian Institute of Management – branch of RANEPA
petr-turnaev@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-5>
УДК 316

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ОПЫТ ДЕФИНИРОВАНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ

Дятлов А.В.

Южный федеральный университет

Аннотация. Социальный капитал мы трактуем как социологическую концепцию связей в социальных связях и между ними. В данной публикации рассматриваются направления, формы и уровни социального капитала. Анализируется сущность и формы социального капитала с помощью бюджета времени с акцентом на методологию и инструментарий измерения социального капитала, излагается концептуальная основа для изучения связи между использованием времени и социальным капиталом, рассмотрим тенденции в трех основных категориях времени. Показано методологическое разнообразие исследования социального капитала, разграничение подходов операционализации понятийного аппарата и выбора инструментария, устанавливается связь подходов с приоритетами действий общественности. Акцентируется внимание на измерении социального капитала на основе междисциплинарного подхода и его влияния на сферы жизни человека по трем типам индикаторов: членство в местных ассоциациях и сообществах, доверие и соблюдение норм и коллективные действия. Проводится критический анализ лучших практик ведущих исследователей из различных стран и международных организаций в этом отношении.

Ключевые слова: социальный капитал, измерение, индикаторы, методология, социальные связи, коллективные действия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL CAPITAL: THE EXPERIENCE OF DEFINITION AND MEASUREMENT

Alexander V. Dyatlov

Southern Federal University

Abstract. We consider social capital as a sociological concept of connections in and between social connections. The directions, forms and levels of social capital are considered. The essence and forms of social capital are analyzed using the time budget with an emphasis on the methodology and tools for measuring social capital, a conceptual framework is developed for studying the relationship between the use of time and social capital, and trends in three main time categories are considered. The methodological diversity of social capital research is shown, the differentiation of approaches to the operationalization of the conceptual apparatus and the choice of tools is shown, and the relationship between approaches and the priorities of public action is established. Attention is focused on measuring social capital based on an interdisciplinary approach and its impact on human life according to three types of indicators: membership in local associations and communities, trust and compliance with norms, and collective action. A critical analysis of the best practices of leading researchers from various countries and international organizations in this regard is carried out.

Keywords: social capital, measurement, indicators, methodology, social relations, collective actions.

Funding: Independent work.

Введение.

В течение последних десятилетий понятие «социальный капитал» все чаще привлекает внимание ученых в социальных науках. И в социологии концепция получила широкое распространение.

Теория социального капитала углубляет интерес к обществу, социальному неравенству, эмпа-

тии, синергии, доверию и социальным связям, — ключевые темы исследований для каждого социолога.

Социальный капитал вносит свой вклад в социально-экономическое развитие страны [5, с. 82], что обуславливает интерес к этой проблематике со стороны российских [4, с. 161–175] и зарубежных [13] ученых, а также исследователей из

© Дятлов А.В.

международных организаций: Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Организации объединенных наций, Европейской комиссии и других.

Исследование социального капитала учеными ведется в нескольких направлениях.

Первое из них раскрывает содержание социального капитала:

- методологические аспекты социального капитала; особенности группового социального капитала;
- формы проявления социального капитала в политической сфере;
- особенности развития и проявления социального капитала в России.

Второе направление исследует элементы социального капитала:

- неформальные отношения в социуме в целом и в отдельных организациях;
- социальные отношения, социальную помощь и социальное партнерство;
- отношения конкуренции; доверительные отношения;
- договорные отношения;
- социальное самосознание населения.

Третье направление раскрывает роль социального капитала:

- в экономическом развитии, в социуме, в жизнедеятельности человека.

Четвертое направление включает в себя различные аспекты использования социального капитала:

- методологические и методические подходы к его оценке;
- особенности функционирования и развития социального капитала на региональном и муниципальном уровне.

Пятое направление исследует актуальные проблемы местного самоуправления и местные социальные сообщества.

Социальный капитал проявляется в трех **формах** [6, с. 20–32] как:

- реляционный капитал, идущий от П. Бурдью;
- культурный капитал, идущий от Ф. Фукуяма [8];
- институциональный капитал, идущий от Всемирного Банка.

Социальный капитал проявляется на **различных уровнях**:

- в качестве ресурса индивидуума [7];
- ресурсов организации;
- ресурсов общества.

Это положительная сторона социального капитала. Но у него есть и темная сторона: сети контактов с целью коррупции и кумовства, или культура ограниченности и сопротивления переменам. Социальный капитал одновременно является инструментом репрессий и либерализации, экономического развития и экономической стагнации.

Авторами применяются различные дефиниции социального капитала, которые имеют **общий знаменатель**, определяющий социальный капитал как ресурс, вытекающих из социальных взаимоотношения. Он рассматривается как **инвестиции** в общественные отношения с перспективой на возвращаемость. Большинство дефиниций включают в себя два элемента, структурный и когнитивный, вращающиеся вокруг социальных связей, норм доверия, которые облегчают сотрудничество.

Материалы и методы.

В представленном исследовании мы пытаемся изложить концептуальную основу для изучения связи между использованием времени и социальным капиталом. Его цель состоит в том, чтобы путем анализа данных бюджета времени в РФ и других странах изучить его влияние на генерацию социального капитала в сообществах.

Рассмотрим тенденции в трех основных категориях времени – оплачиваемая работа, неоплачиваемая работа и свободное время с точки зрения развития социального капитала.

Исследования связи социального капитала и бюджета времени обеспечивает знание для теоретического и исследовательского направления в социологии. Как рабочее время «производит» экономическое богатство, так и социальное время «производит» социальный капитал. Отношение времени к созданию социального капитала не линейно, а его эффективность обусловлена социальными нормами и идентичностями, и управлением временем.

Однако метафора времени как фактора «производства» социального капитала ограничена.

Во-первых, качественные измерения использования времени заслуживают такого же внимания, как и количественный аспект времени, суверенитет времени и то, как оно зависит от взаимодействия субъекта с семьей и работодателями.

Во-вторых, связь между временем и производством социального капитала предполагает, как

определения социального капитала, так и способы, в которых время помогает его создать.

Две группы исследовательских вопросов возникают при производстве и использовании социального капитала.

Первая группа – анализ изменений в трех основных категориях времени: оплачиваемая работа (включая время, затрачиваемое на дорогу), неоплачиваемая работа и свободное время для развития социального капитала.

Вторая группа – изменения в «балансе между работой и личной жизнью» приводят к большим возможностям для создания или поддержания социального капитала.

Это зависит от значимости различных форм, использование времени для социального капитала и режима времени, с которым связан дневной ритм жизни и социальные контакты.

Приоритеты времени индивида демонстрируются **эластичностью** на замещение между различными периодами времени. Неравномерный, ускоряющийся темп изменения и десинхронизация в современном обществе нас привело к временной аритмии. Новая экономика руководствуется различными темпоральными принципами.

Мы рассматриваем **социальный капитал** [1] как социологическую концепцию связей в социальных связях и между ними. В ней он определяется как скрытый ресурс в социальных отношениях, определяющий эффективное функционирование современного общества и экономики. Он включает в себя три элемента: связи, поддержку и доверие. С точки зрения общества, социальный капитал способствует экономическому росту, улучшению качества жизни и предотвращению конфликтов, агрессии и преступности.

О социальном капитале можно судить, прежде всего, по способности людей самоорганизоваться для общих целей. Он является фактором солидарности в обществе, создавая отношения доверия, каналы коммуникации, нормы и санкции. Он связывает людей через доверие между ними.

При изучении социального капитала через бюджет времени возникает три основных вопроса: Увеличивается или уменьшается время, в течение которого люди могут заниматься социальной деятельностью? Каким образом, в зависимости от пола, меняется распределение работы и свободного времени и времени, отведенного для поддержания дружбы и участия в общественных организациях? Какие изменения произошли в характере работы – оплачиваемой и неоплачиваемой, что может повлиять на семейные и социальные связи с точки зрения личного времени социального взаимодействия?

Результаты. Обсуждение.

Накопление социального капитала и его встраивание в отношения трудно поддается количе-

ственному измерению. Это вынуждает социологов преодолевать ряд методологических и практических барьеров в эмпирических исследованиях.

Развитие измерения социальных явлений в обществе является необходимым процессом в их прогнозировании и планировании, и повышении эффективности социального управления.

В настоящее время нет единого мнения относительно измерения социального капитала и оценки его вклада в социальную жизнь и благополучие. Социальный капитал измеряется различными методами. Методологическое разнообразие является вызовом исследований социального капитала. Исследования иллюстрируют важность этого методологического разнообразия.

В последние годы целый ряд стран и международных организаций являются инициаторами в проведении исследования социального капитала. Возможно, это разграничивает **несколько подходов** для операционализации понятийного аппарата и выбора инструментария. Каждый подход связан с приоритетами действий обществу.

Всемирный банк проводит политику социального капитала с девяностых годов XX века, его подходы основаны на наращивании потенциала общества для борьбы с бедностью и предоставления населению доступа к здравоохранению, образованию и кредитным ресурсам. Был разработан инструментарий измерения социального капитала, методология [15] которого была описана Т.Сэндлером и К.Лоуни как «руководство по построению социального капитала». Они основывались на предположении, что показатели измерения социального капитала можно разделить на три группы:

- членство в ассоциациях и сообществах на местном уровне;
- показатели доверия и соблюдение норм;
- показатели коллективных действий.

На основе этих идей были разработаны средства измерения социального капитала: инструмент для оценки социального капитала (SOCAT) и интегрированный опросник по социальному капиталу (SOCAPIQ).

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) фокусируется на развитых странах-членах ОЭСР и нацелена на концепцию социального капитала. Эта концепция [16] строит индикатор благосостояния, где социальный капитал считается достижением. В данной концепции ОЭСР объединяет усилия по исследованию социального капитала, предпринятые в нескольких странах в качестве единого подхода. Они (страны-члены ОЭСР) участвуют в принятии общего определения, разрабатывают модуль вопросов для национальных или международных

исследований, для производства национальных показателей, сопоставимых в разных странах с течением времени.

Группа социальной статистики Сиены под эгидой ООН с начала нулевых годов XXI века пытается дополнить международную социальную статистику по проблемам социального капитала и гармонизировать национальные усилия. В качестве модуля стандартизированных вопросов выбраны четыре показателя социального капитала: социальное участие; социальная поддержка; социальные сети и гражданское участие.

Управление национальной статистики (ONS) Великобритании предлагает макроподход для исследования социального капитала на основе социальной интеграции с использованием пяти измерений социального капитала:

- участие и социальная вовлеченность;
- контроль и самоконтроль;
- восприятие жизненной среды;
- социальные взаимодействия, социальные сети и социальная поддержка;
- доверие, взаимность и социальная сплоченность.

Оно разработало модуль стандартизированных вопросов, связанных с проектированием социального капитала путем мониторинга домохозяйств и обеспечение распределение капитала между населением, оценкой местных сообществ и молодежи.

Национальный институт статистики и экономических исследований Франции проводит анализ концепции социального капитала. Он констатировал, что путем разработки инструментов измерения социального капитала невозможно эмпирически обосновать это понятие.

Им определены три условия преодоления этой проблемы:

- начинать необходимо с конкретных проблем концепции социального капитала;
- следует соотнести её с результатами других исследований;
- затем проанализировать социальный капитал как объясняющий фактор и определить: в каком порядке и какие переменные измеряются.

В США также пытаются разработать индексы социального капитала. Национальная комиссия по филантропии и гражданскому обновлению в сотрудничестве с исследователями из Университета штата Коннектикута разрабатывает национальный индекс гражданской активности (NICE) на основе национальной выборки из тысячи респондентов.

Он включает в себя пять измерений:

- создание благоприятного социального климата;
- вовлеченное общество;
- участие в благотворительности;
- дух волонтерства;
- активное гражданское участие.

Аналогичную работу проводит Национальная комиссия по гражданскому обновлению из университета Мэриленда, разработавшая в конце прошлого века индекс состояния национального гражданского здоровья, который показал тенденции за последнюю четверть века в политическом участии, социальном доверии, членстве в ассоциациях, целостности семьи, стабильности и преступности.

Статистика в Канаде провела общенациональное исследование социального капитала используя выборку из 25 тысяч человек. Исследовались ключевые переменные личности: сила отношений в связях, сети знаний, соседи и другие друзья, частота контактов, разнообразие друзей. Это исследование [17] повторялось трижды за первую четверть XXI века. Она уже может представить эволюцию этих показателей за два десятилетия. Проект политических исследований [13] (РКР) правительства Канады операционализирует понятие «социальный капитал». Консенсусом было принято определение: «социальный капитал относится к социальным связям, которые могут обеспечить доступ к ресурсам и социальной поддержке».

Проект политических исследований (РКР) использует альтернативный способ изучения социального капитала с точки зрения роли (вклада) государственной политики. Он фокусируется на роли социальных связей в доступе к ресурсам и поддержке.

Этот проект предлагает использовать качественные методы для изучения шести аспектов социального капитала:

- групп и связей;
- доверия и солидарности;
- информации и общения;
- коллективных действий и сотрудничества;
- социальной интеграции;
- расширения прав, возможностей и политических действий.

Этот метод используется для предоставления информации о социальных тенденциях или для оценки воздействия общественной политики. Одиннадцать индексов были созданы для описания того, что считается социальным капита-

лом или доверием, приверженностью политике, благотворительностью и волонтерской деятельностью, религиозной вовлеченностью, неформальным общением, участием в ассоциациях, гражданским лидерством, разнообразием дружеских отношений и гражданским участием. Каждое сообщество получает сравнительную оценку через индекс социального капитала для каждого измерения (высокого, среднего, низкого).

Социальный капитал имеет значение для региональной политики Европейского союза с помощью средств экономического, социального и территориального сплочения. Принятая стратегия [12] усиливает приверженность ЕС созданию европейской социальной модели. Социальный капитал рассматривается как инструмент достижения лучшего качества жизни, снижения социального неравенства и поддержания экономического роста. Проведенный сравнительный анализ стран – членов ЕС показывает, что компоненты социального капитала одинаковы в разных группах стран. Рассматриваются традиционно используемые показатели социального капитала [2], которые находятся в открытом доступе в базах данных исследования европейских ценностей и Европейского социального исследования и могут быть использованы для проведения сравнительного исследования по европейским странам. Из-за неоднородного определения социального капитала и вплоть до того, что эмпирические исследования используют собственную методологию измерения, они фокусируются

на переменных процессах и основных элементах социального капитала – доверии и членстве в группе. Европейское исследование ценностей (EVS) и Европейское социальное исследование (ESS) дают сравнительные данные о социальном капитале почти всех европейских стран. Обе базы данных доступны в интернете адресам: www.worldvaluessurvey.org и www.europeansocialsurvey.org. Эти проекты построены таким образом, чтобы предоставлять качественные данные о том, как граждане более чем тридцати стран ЕС воспринимают себя и как меняется их социальный мир.

Заключение.

В приведенной работе показана аргументированная возможность использования теории и методологии бюджета времени для изучения и измерения социального капитала. Она определяет роль социального капитала как значимого социального ресурса для социально-экономического развития личности, социальных групп и общества, который воздействует на различные сферы человеческой жизни. Важным выводом является то, что с помощью междисциплинарного подхода можно измерить социальный капитал и его влияние на сферы жизни человека. Акцент должен быть сделан на трех типах индикаторов: членство в местных ассоциациях и сообществах, доверие и соблюдение норм и коллективные действия. Эти группы показателей обеспечивают основу для разработки измерительного инструментария.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Давыдов Д.А. Теория социального капитала: от социологии к экономике и обратно / Д.А. Давыдов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 1.
2. Клинова М.В. Человеческий капитал в Европейском союзе: государственный и наднациональный контексты / М.В. Клинова, Е.А. Сидорова // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 80–97.
3. Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) / Ю.В. Латов // Polis: Journal of Political Studies, 2021 № 5. С. 161–175.
4. Мухамеджанова А.Г. Человек – исходная категория экономической теории / А.Г. Мухамеджанова // Поиск. 2002. С. 186–197.
5. Мясникова О.Ю. Социальный капитал как императив общественного благосостояния и развития / О.Ю. Мясникова // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. № 1. С. 82.
6. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // Экономическая социология, 2002. Т. 3 № 4. С. 20–32.
7. Чебунина О.А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России, 2019. Т. 8. № 1. С. 229–241.
8. Фукуяма Ф. Доверие, социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ «Ермак», 2004.
9. Who you know: The classed structure of social capital / A. Alecu [et al.] // The British Journal of Sociology, 2022. № 73. P. 505–535.

10. Campbell C. Social capital, social movements and global public health: the struggle for a healthy environment in marginalized communities / C. Campbell // *Social sciences and medicine (Society Sci Med)* 2020. Vol. 257. P. 112–153.
11. D'Agostino S. Leveling the Playing Field for Social Capital / S. D'Agostino // *Insidehighered*. 2022. URL : <https://www.insidehighered.com/news/2022/08/05/how-collegescan-level-playing-field-social-capital>
12. Ferguson K.M. Social Capital and Childrens' Wellbeing: a Critical Synthesis of the International Social Capital Literature / K.M. Ferguson // *Int. J. Soc. Welfare*. 2006. Vol. 15.
13. Franke S. Septembre 2005. La mesure du capital social. Document de reference pour la recherche, l'elaboration et reevaluation de politiques Publiques. Projet du FRF. Le capital social comme instrument de politique publique
14. Rizwan Ali. Social capital impact on economic development (a theoretical perspective)// *Int.J.Buss.Mgt.Eco.Res.* 2011. Vol. 2(4). P. 270–277.
15. Sandler T. October 2006. Social Capital Building Toolkit (Version 1.2) / T. Sandler, K. Lowney. URL : <http://www.hks.harvard.edu/saguaro/pdfs/skbuildingtoolkitversion1.2.pdf> *Science & Medicine*, 2020. Vol. 257. P. 112–153.
16. Scrivens K et C. Smith. Four Interpretations of Social Capital: An Agenda for Measurement, Documents de travail de l'OCDE 2013/06, Editions OCDE. Paris, 2013.
17. Turcotte M. Date de diffusion: le 25 mai 2024. Tendances du capital social au Canada. Sinha, M. 2014, «Rapports des Canadiens avec les membres de leur famille et leurs amis», Mettre l'accent sur les Canadiens: result ats de VEnquete sociale generale, № 89-652 au catalogue de Statistique Canada.

References:

1. Who you know: The classified structure of social capital / A. Alecu [et al.] // *The British Journal of Sociology*, 2022. № 73. P. 505–535.
2. Campbell C. Social capital, social movements and global public health: the struggle for a healthy environment in marginalized communities / C. Campbell // *Social sciences and medicine (Society Sci Med)*. 2020. Vol. 257. P. 112–153.
3. Chebunina O.A. Virtual social capital in the process of Internet socialization of youth / O.A. Chebunina // *Humanities of the South of Russia*. 2019. Vol. 8. № 1. P. 229–241.
4. D'Agostino S. Leveling the Playing Field for Social Capital / S. D'Agostino // *Insidehighered*. 2022. URL : <https://www.insidehighered.com/news/2022/08/05/how-collegescan-level-playing-field-social-capital>
5. Myasnikova O.Y. Social capital as an imperative of social welfare and development / O.Y. Myasnikova // *Bulletin of the Scientific Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. 2024. Vol. 4. № 1. P. 82.
6. Davydov D.A. Theory of social capital: from sociology to economics and vice versa / D.A. Davydov // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2015. № 1.
7. Ferguson K.M. Social Capital and Childrens' Wellbeing: a Critical Synthesis of the International Social Capital Literature / K.M. Ferguson // *Int. J. Soc. Welfare*. 2006. Vol. 15.
8. Franke S. Septembre 2005. La mesure du capital social. Document de reference pour la recherche, l'elaboration et reevaluation de politiques Publiques. Projet du FRF. Le capital social comme instrument de politique publique.
9. Who you know: The classed structure of social capital / A. Alecu [et al.] // *The British Journal of Sociology*, 2022. № 73. P. 505–535.
10. Campbell C. Social capital, social movements and global public health: the struggle for a healthy environment in marginalized communities / C. Campbell // *Social sciences and medicine (Society Sci Med)* 2020. Vol. 257. P. 112–153.
11. D'Agostino S. Leveling the Playing Field for Social Capital / S. D'Agostino // *Insidehighered*. 2022. URL : <https://www.insidehighered.com/news/2022/08/05/how-collegescan-level-playing-field-social-capital>
12. Ferguson K.M. Social Capital and Childrens' Wellbeing: a Critical Synthesis of the International Social Capital Literature / K.M. Ferguson // *Int. J. Soc. Welfare*. 2006. Vol. 15.
13. Franke S. Septembre 2005. La mesure du capital social. Document de reference pour la recherche, l'elaboration et reevaluation de politiques Publiques. Projet du FRF. Le capital social comme instrument de politique publique
14. Rizwan Ali. Social capital impact on economic development (a theoretical perspective)// *Int.J.Buss.Mgt.Eco.Res.* 2011. Vol. 2(4). P. 270–277.
15. Sandler T. October 2006. Social Capital Building Toolkit (Version 1.2) / T. Sandler, K. Lowney. URL : <http://www.hks.harvard.edu/saguaro/pdfs/skbuildingtoolkitversion1.2.pdf> *Science & Medicine*, 2020. Vol. 257. P. 112–153.
16. Scrivens K et C. Smith. Four Interpretations of Social Capital: An Agenda for Measurement, Documents de travail de l'OCDE 2013/06, Editions OCDE. Paris, 2013.
17. Turcotte M. Date de diffusion: le 25 mai 2024. Tendances du capital social au Canada. Sinha, M. 2014, «Rapports des Canadiens avec les membres de leur famille et leurs amis», Mettre l'accent sur les Canadiens: result ats de VEnquete sociale generale, № 89-652 au catalogue de Statistique Canada.

Информация об авторе

Дятлов Александр Викторович

доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой ЭСиРУ
Института социологии и регионоведения;
Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону
ORCID 0000-0001-5914-4744
avdyatlov@yandex.ru

Alexander V. Dyatlov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Head of the Department
of the Institute of Sociology and Regional Studies;
South Federal University, Rostov-on-Don
ORCID 0000-0001-5914-4744
avdyatlov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-6>

УДК 316.4

Attribution

cc by

«ЗАГРЯЗНЕНИЕ» ВНУТРИКОРПОРАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ

Калашникова И.В.¹, Несмеянов Д.В.², Акимов Д.В.³

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет,

³ООО «НИКА»

Аннотация. Исследователи трудовой занятости молодежи, ее стратегий на рынке труда традиционно выделяют четыре группы проблем: 1) компетенции, в том числе профессиональные, не отвечающие ожиданиям и требованиям работодателей; 2) не соответствующие действительности представления абитуриентов и студентов о своей будущей профессии; 3) низкая конкурентоспособность выпускников системы образования по причине отсутствия опыта; 4) поиск работы и трудоустройство не по специальности. Однако, на наш взгляд, существует малоизученное научно-исследовательское поле, касающееся работы молодых сотрудников в условиях «загрязнения» внутренней среды организации. Феномен «загрязнения» связан с деформациями базовых корпоративных ценностей и культуры управления. Чаще, чем иные группы работников, с социальным загрязнением сталкивается молодежь. Менеджмент игнорирует аналитическую функцию по выявлению трудовых установок работников, необходимость формирования комфортного внутрикорпоративного пространства, благоприятного социально-психологического климата, способствующих закреплению кадров, успешной профессиональной социализации, раскрытию трудового потенциала, удовлетворенности трудом. Возникающее несоответствие реальных, а не декларируемых базовых ценностей компании и индивидуальных ценностей молодых сотрудников в конечном итоге заканчивается увольнением по собственному желанию. Полученный негативный опыт в дальнейшем выталкивает многих из них в сферу неформальных трудовых практик. Цель данной публикации заключается в раскрытии зависимости между «загрязнением» внутрикорпоративного пространства и ценностями представителей молодежи, в выявлении социальных триггеров, с которыми они сталкиваются, работая в организациях Хабаровского края.

Ключевые слова: молодые сотрудники, ценностные установки, внутрикорпоративное пространство, социальное «загрязнение».

Финансирование: инициативная работа.

Original article

«POLLUTION» OF THE INTERNAL CORPORATE SPACE AND THE VALUES OF YOUNG EMPLOYEES

Irina V. Kalashnikova¹, Denis V. Nesmeyanov², Denis V. Akimov³

^{1,2}Pacific National University,

³LLC «NIKA»

Abstract. Researchers of youth employment and its strategies in the labor market traditionally identify four groups of problems: 1) competencies, including professional ones, that do not meet the expectations and requirements of employers; 2) the ideas of applicants and students about their future profession that do not correspond to reality; 3) low competitiveness of graduates of the educational system due to lack of experience; 4) job search and employment outside the specialty. However, in our opinion, there is a little-studied research field concerning the work of young employees in conditions of «pollution» of the internal environment of the organization. The phenomenon of «pollution» is associated with deformations of basic corporate values and management culture. More often than other groups of workers, young people face social pollution. Management ignores the analytical function of identifying employees' work attitudes, the need to create a comfortable internal corporate space, a favorable socio-psychological climate conducive to the consolidation of personnel, successful professional socialization, the disclosure of labor potential, and job satisfaction. The resulting discrep-

ancy between the real, rather than declared, basic values of the company and the individual values of young employees eventually ends with their own dismissal. The negative experience gained further pushes many of them into the sphere of informal labor practices. The purpose of this publication is to reveal the relationship between the «pollution» of the corporate space and the values of youth representatives, and to identify the social triggers they face when working in organizations in the Khabarovsk Territory.

Keywords: young employees, values, internal corporate space, social «pollution».

Funding: Independent work.

Введение.

Существует два альтернативных состояния внутрикорпоративного социального пространства: благоприятное и «загрязненное» (токсичное, деструктивное). «Загрязненное» пространство – результат деструктивных практик менеджмента, проявляющийся, в том числе через деформации корпоративных ценностей. С этой точки зрения, оно («загрязнение») представляет собой особый формат социально-трудовых отношений и коммуникаций в коллективе, которые причиняют работникам морально-нравственные страдания, негативные эмоции, переживания, когнитивный диссонанс, нанося явный и/или латентный ущерб деятельности компании.

«Загрязнение» внутрикорпоративного пространства можно также понимать как процесс, связанный с формированием токсичной внутренней социальной среды организации.

Нельзя сказать, что «загрязнения» внутренней среды компании – принципиально новый феномен в сфере труда. Так, в советский период многие исследования были посвящены проблемам климата в коллективе, создания благоприятного социально-психологического климата, который принято считать критерием благополучия, гармоничности и взаимопонимания в отношениях между сотрудниками (в том числе «работник – руководитель») [1; 2]. «Загрязнение» пространства как бы раздвигает границы климата в организации и предполагает исследование более широкого круга факторов, которые влияют на состояние социального пространства. И это объяснимо: в информационном обществе понятия «работа», «труд», «свободное время», «досуг» становятся размытыми, изменяются содержание и условия труда, требования к работникам, методы организации и охраны труда, подход к образованию, технологии менеджмента, растёт востребованность человекоцентричности [3; 4].

Потенциальных источников токсичности рабочей среды несколько. Самые распространённые из них:

- ценностные ориентации работников компании, в том числе руководителей, их ситуативные жизненные обстоятельства;
- системные ошибки менеджмента (непродуктивные регламенты и стандарты, несовершенство подходов к стимулированию труда, необоснованная дифференциация оплаты труда, игно-

рирование ценностных установок сотрудников, конкуренция среди сотрудников компании и др.);

- токсичность деструктивных практик менеджмента;
- текущее положение компании на рынке;
- распространённость случаев неисполнения трудового законодательства;
- реализация кадровой стратегии сокращения затрат на персонал и др.

Обзор результатов исследований на эту тему позволяет сделать вывод о том, что среди них есть две детерминанты: деструкции в поведении руководителя и нарушения трудового законодательства [5; 6]. Их негативное влияние приводит к избыточной частоте увольнений, длительным срокам и сложностям адаптации нанимаемых сотрудников, неудовлетворённости трудом, снижению производительности и др. Особенно это касается молодых поколений, ценности и жизненные ориентиры которых связаны с начальным этапом профессиональной социализации. IT-технологии, искусственный интеллект вносят значительную лепту в процессы аномии, ценностных ориентаций молодежи, влияя на отношение к жизни, работе, образованию, свободному времени, к приобретению компетенций, необходимых для успешности в быстро меняющемся мире. Под ускоренные процессы цифровизации всё более подстраивается индивидуальная ценностная структура представителей молодежных когорт, в то время как динамика корпоративных ценностей отстаёт, причём значительно [7].

В отношении работы, судя по научным публикациям, в молодёжной среде сложились две ведущие установки. Одни полагают, что труд является самоценностью, определяющей содержание жизни, её смысл. Другие же уверены – научно-технологический прогресс «освобождает» человека от трудностей работы, внеэкономического принуждения к труду, минимизирует затраты времени на трудовую занятость, увеличивает ценность досуга и потребления, что деструктивно сказывается на сбалансированности российского рынка труда, испытывающего сегодня кадровый голод [8]. Между тем, замещение вакансий компании осуществляют, в основном, за счёт студенчества и выпускников системы образования. Принимая решение о трудовой деятельности, они руководствуются индивидуальными ценностями, интересами, мотивами. Но даже

если выбор был сделан в соответствии с упомянутыми ориентирами, не всегда можно считать его успешным. Проходит время, и недавно трудоустроенный заявляет о желании уволиться [9]. Более того, если молодого работника что-то не устраивает на рабочем месте, не соответствует его ценностным установкам, велика вероятность, что руководитель столкнётся с его девиантным поведением в организации вплоть до гостинга, когда сотрудник исчезает из поля зрения и не только после собеседования. Покидая компанию, некоторые прекращают деловые коммуникации, общение, не заботясь о формальностях процедуры увольнения. Особенно этот феномен получил распространение среди молодёжи, совмещающей учебу с работой и испытывающей неудовлетворенность трудом и отрицательные эмоции из-за токсичности внутрикорпоративного пространства, поведения начальства, коллег. По данным сервиса hh.ru, каждый четвёртый работодатель сталкивается с одним из вариантов гостинга, но не задумывается о том, что данный феномен может иметь отношение к «загрязнению» внутрикорпоративной среды [10].

Несмотря на многообразие проявлений гостинга, его содержание сводится к тому, что в определённый момент человек, принимая решение, предпочитает бросить работу, нежели испытывать отрицательные эмоции и утрату личного комфорта.

В чём заключается токсичность рабочей атмосферы для молодёжи? Это нарушения границ личного пространства, несправедливое отношение, отсутствие признания, давление, манипуляции, нарушение договоренностей, прямой обман, введение в заблуждение, придирки, оскорбления со стороны менеджмента, унижение, сплетни и т.д. В случае деструктивного менеджмента, такая среда может либо иницироваться и поддерживаться руководством, либо игнорироваться (когда не предпринимаются меры по устранению причин токсичности среды). В результате возникают трудовые конфликтные ситуации, интриги, травля (моббинг), неудовлетворённость работой, желание сменить рабочее место.

Существует идеальная модель трудоустройства представителей молодежных поколений, когда их ценностные ориентации близки к базовым ценностям корпоративной культуры [11]. При их несовпадении, чем больше «разрыв», тем меньше вероятность удержания работника. Зачастую ценностный «разрыв» происходит именно по причине токсичности внутриорганизационной среды. Именно она, на наш взгляд, — доминирующий предиктор увольнения по собственному желанию. Даже по причине недовольства зарплатой увольнения реже.

Обсуждение.

Теоретической основой исследования является концепция социального благополучия на рабочем месте Дж. Пфедфера, выделившего феномен социального загрязнения. Его негативные

последствия могут быть еще более значительными, чем экологическое загрязнение. Это стрессы, неудовлетворенность трудом, распространение различных форм психологического давления, конфликты в коллективах, увеличение дистанции между менеджментом и рядовыми сотрудниками, непрозрачность управления, текучесть кадров, нежелание нести общественную нагрузку, абсентеизм и др.

При проведении исследования использовалась как первичная, так и вторичная социологическая информация. Первичная информация была получена на основе анкетирования и интервьюирования работающей молодёжи в организациях Хабаровского края. В стандартизированном интервью принимали участие в основном студенты дневной формы обучения университетов г. Хабаровска, совмещающие учебу с работой.

В июне-августе 2024 г. был проведён сбор социологической информации о состоянии внутрикорпоративного пространства в организациях Хабаровского края «Насколько Вам комфортно в компании» посредством рассылки опросной формы анкеты через Интернет. Сотрудникам компаний предлагалось ответить на вопросы закрытого типа, где на выбор давались четыре варианта ответа: «определённо да», «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да» и «определённо нет». Респондентам следовало выбрать один вариант ответа, в наибольшей степени отражающий их позицию в отношении конкретного заданного вопроса. В интернет-опросе, который проводился на условиях анонимности, приняли участие работники в возрасте до 35 лет (N = 127). Выборка случайная. Отвечающие не предоставляли никакой личной информации, а только выражали собственное мнение. Результаты интернет-опроса прошли обработку и представлены в агрегированном виде, что позволило говорить о некоторых тенденциях, сложившихся во внутрикорпоративном пространстве организаций Хабаровского края.

Этап, заключающийся в исследовании ценностных установок молодёжи региона, был проведён нами в августе-сентябре 2024 г. методами Интернет-анкетирования представителей молодёжи и углубленного интервью подрабатывающего студенчества (N = 151).

Результаты.

Состояние внутрикорпоративного пространства, в первую очередь, определяется базовыми ценностями, осмысленными идеологическими постулатами, соответствующими философии менеджмента конкретной организации. Они должны служить платформой для развития бизнеса, для формирования конкурентных преимуществ на рынке труда. По своей сути, ценности компании — перечень правил нравственных, этических и деловых принципов, которые являются ориентирами в работе и коммуникациях каждого сотрудника. Подобно тому, как жизненные ценности формируют культуру личности, так ценности компании формируют её культуру [11].

Есть четыре группы корпоративных ценностей. Одна из них – отношение к сотрудникам. Считается, что половина всех ценностей компании относится к ней.

На вопрос: «Внутренняя среда является благоприятной для сотрудников Вашей компании?» ответили «определенно да» лишь 12,5 %; «скорее да, чем нет» – 55 % (рис. 1).

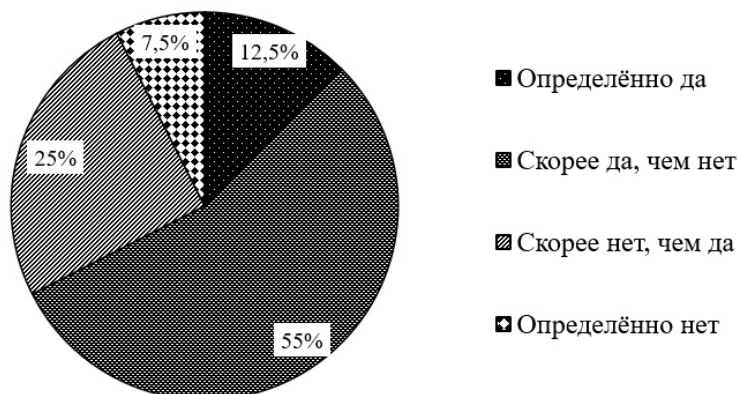

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос:
«Внутренняя среда является благоприятной для сотрудников Вашей компании?»

Фактически 32,5 % опрошенных не считают внутреннюю среду благоприятной (25 % ответили «скорее нет, чем да», 7,5 % – «определенно нет»).

Для экспресс-анализа внутрикорпоративной среды нами были установлены следующие критерии: справедливость системы вознаграждения; участие компании в развитии своих сотрудников; проявление заботы о сотрудниках; признание трудовых заслуг работников руководством; доступность руководителя для сотрудников; учет

мнения и профессионального опыта работников руководством (возможность работников участвовать в принятии решений).

Оценивая систему корпоративного вознаграждения, назвали её однозначно справедливой 12,5 % респондентов, еще 35,5 % считают её скорее справедливой, чем нет.

Можно утверждать, что в глазах каждого второго (52,5 %) оплата труда является несправедливой (рис. 2).

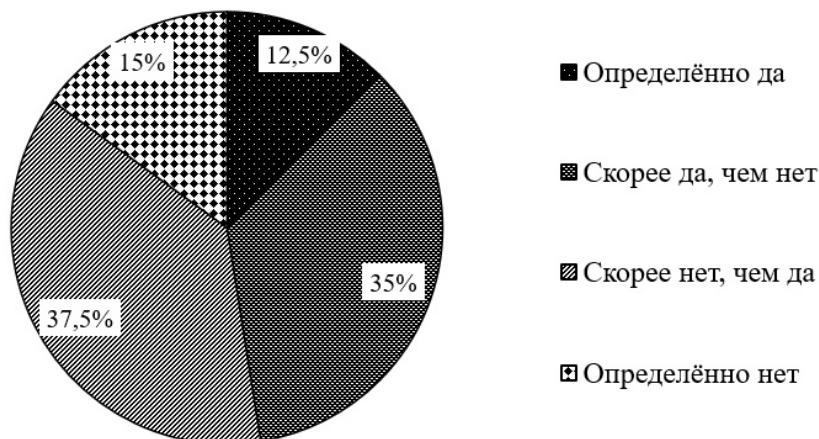

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос:
«Справедлива ли существующая система вознаграждения в Вашей компании?»

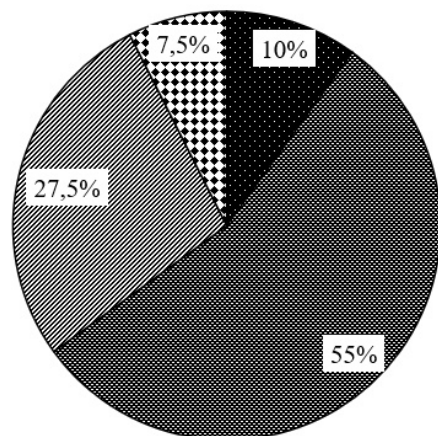
Практически 55 % ответили, что в их компаниях руководство заботится о профессиональном росте своих работников (35 % полагают «скорее нет, чем да»). По мнению 65 % респондентов, компании компенсируют расходы своих сотрудников на развитие профессиональных компетенций. Только 7,5 % на этот вопрос ответили как «определенно нет», а 27,5 % (и это высокий процент!) полагают «скорее нет, чем да» (рис. 3).

Что еще вызывает беспокойство в отношении состояния внутрикорпоративного пространства? Только 12,5 % опрошенных считают, что на работе их ценят, 27,5 % в этом сомневаются.

Настораживает фактор доступности руководителя для подчиненных, обеспечивающий обратную связь, что так важно для самооценки и самореализации сотрудников, для повышения эффективности социального управления. Доступность

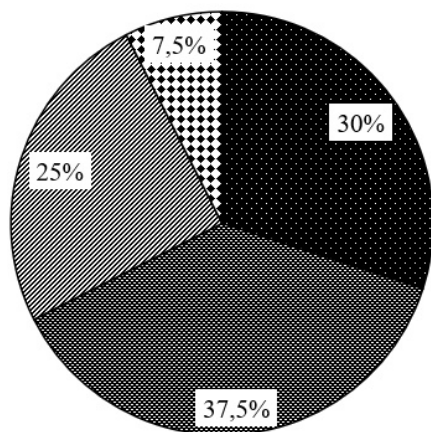
мы оценивали по таким вопросам, как «Прислушивается ли Ваш непосредственный руководитель к мнению подчиненных?», «Принимая управленческие решения, руководитель учитывает компетентность, стаж, опыт подчиненных?», «Легко ли сотруднику попасть на прием к начальству?», «Достаточно ли часто непосредственный руководитель беседует с рядовыми сотрудниками?». Почти 28 % респондентов счи-

тают, что руководитель не прислушивается к мнению подчиненных. Каждый четвертый ответил, что руководитель, принимая управленческое решение, не учитывает компетентность, опыт, квалификацию своих подчиненных. Почти для каждого третьего работника из числа опрошенных не проблема попасть на прием к руководителю. Для 1/3 респондентов проблематично встретиться с начальством (рис. 4).

- Определённо да
- ▒ Скорее да, чем нет
- ▓ Скорее нет, чем да
- ⊠ Определённо нет

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос:
«Компенсирует ли Ваша компания расходы на повышение квалификации и переподготовку?»

- Определённо да
- ▒ Скорее да, чем нет
- ▓ Скорее нет, чем да
- ⊠ Определённо нет

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос:
«Легко ли попасть работнику на прием к руководителю?»

Почти 3/4 респондентов полагают, что непосредственный руководитель достаточно часто общается со своими подчинёнными.

Резюмируя, можно утверждать, что в корпоративном пространстве организаций Хабаровского края имеются признаки деструкции, «загрязнения», которые не могут не сказаться на социальном самочувствии и качестве трудовой жизни работников, на их трудовом поведении, способном нанести вред организации в целом и деятельности ее структурных подразделений. Особенно остро на социальные внутрикорпоративные загрязнения реагирует молодежь.

Молодежь – особая социальная группа, отличающаяся высоким уровнем социальной мобиль-

ности, формированием жизненных ценностей и приоритетов, активным поиском смысла и своего места в жизни, неоднозначным отношением к наемному труду и трудовой занятости вообще. Ценностные установки имеют относительный характер. Каждый человек имеет определенную систему ценностей, руководствуясь которой он удовлетворяет свои потребности, в том числе потребность в труде.

По данным ВЦИОМа, в структуре ценностных ориентаций молодых россиян первое место занимают семейные ценности: 97 % назвали важными здоровье членов семьи и безопасность семьи; 96 % – отношения в семье; 95 % – материальное положение семьи. Далее следует

группа ценностей, связанных с условиями по месту проживания: социальная инфраструктура (94 %) и возможности для достижения поставленных целей (94 %), экологическая ситуация (90 %). Экономическая ситуация в стране важна для 89 %, полноценный досуг – 83 %. Менее значимыми для рассматриваемой категории населения стали ценности личностного развития. Перспективы карьерного продвижения важны для 81 % респондентов; социальный статус для 72 %. Для 71 % значима творческая самореализация. Почти 65 % молодежи внимательно относятся к своему здоровью, треть признались в обратном (33 %) [12].

ТОП-3 жизненных ориентиров российской молодежи на сегодняшний день – это высокий уровень благополучия (58 %); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54 %); возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26 %). Изменить мир, внедрить что-то новое хотели бы 17 % представителей молодежи, а беззаботная жизнь, без мыслей о будущем привлекает 9 % ответивших.

Каковы же ценностные установки молодежи Хабаровского края?

На вопрос: «Как бы вы хотели прожить свою жизнь?» в ТОП-5 вошли «добиться высокого уровня благополучия» (77,2 %), «иметь дружную семью» (54,5 %), «получить хорошее образование» (48,8 %), «работать и заботиться о своих близких» (46,3 %), «прежде всего, получать удовольствие от потребления» (32,5 %). Стремление к благополучию соответствует общероссийскому тренду, его ценность для молодых хабаровчан имеет большую значимость. «Хотели бы жить, не думая о будущем» 11,4 % респондентов;

«удачно выйти замуж, жениться» желают 24,4 %; «добиться популярности известности» – 8,9 %. Больше всего осложняют жизнь молодежи нерешенный жилищный вопрос (61 %), трудности материального характера (53,7 %), проблемы поиска хорошей работы и трудоустройства (40,7 %), неуверенность в завтрашнем дне (36,6 %), политическая обстановка (28,5 %). Более 21 % в качестве проблем отмечают конфликты с родителями, а также неустраиваемость личной жизни (15,4 %), характер работы, условия труда (13 %).

В беседе с подрабатывающими студентами в качестве ценностной установки часто упоминалась «карьера». Ее они привязывают к ожиданиям материального вознаграждения и благополучия. Ценность семьи связывается ими, в первую очередь, с близкими людьми, которые дают заботу, любовь, домашний уют и комфорт, обеспечивают поддержку в сложных ситуациях.

Что касается атмосферы во внутрикорпоративном пространстве, то гармоничные отношения с коллегами «однозначно важны» для 51,2 % принявших участие в анкетировании, «скорее важны» для 38,2 %. Лишь для 10,6 % ответивших хорошие отношения в коллективе «однозначно не важны», «скорее не важны» или же вопрос вызвал затруднения при ответе.

По мнению молодых сотрудников организаций региона, формирование благоприятной внутренней среды в наибольшей степени зависит от руководителя компании (57,7 %), наличия командного духа в коллективе (52 %), условий и организации труда (52 %) (рис. 5).

Рисунок 5 – Распределение ответов на вопрос: «Что по-Вашему формирует благоприятную среду в компании?»

С результативностью своей трудовой деятельности связывают уважительное отношение начальства 87,8 % респондентов (61 % ответили

«однозначно влияет», 26,8 % – «скорее влияет») (рис. 6).

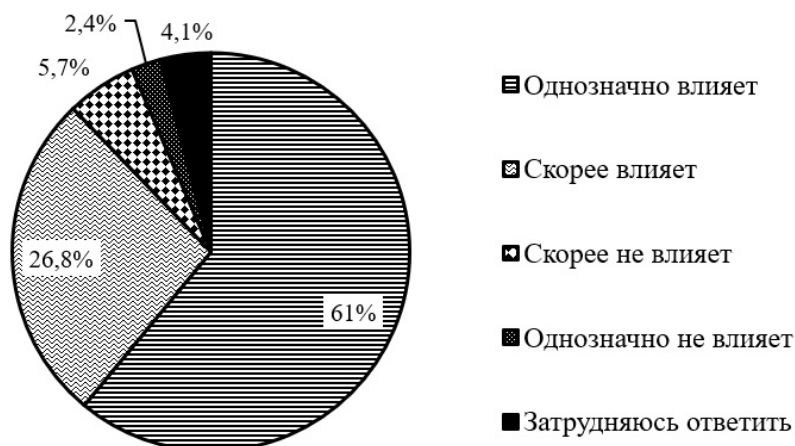

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос:
«Влияет ли на результативность Вашего труда уважительное отношение со стороны руководителя?»

Молодежь края в целом демонстрирует уважительное отношение к корпоративной власти, реагируя не столько на личность руководителя, сколько на должность. По этой причине 57,7 % полагают, что даже если задание начальства не влияет на деятельность компании, его следует «выполнять в любом случае», 22 % считают возможным его проигнорировать; 16,3 % затруднились ответить.

Опросы молодежи Хабаровского края показали, что многие в процессе трудовой деятельности сталкиваются с различного рода проявлениями деструктивности внутрикорпоративного пространства:

а) игнорирование руководителем корпоративной этики: «сплетничает и лицемерит»; «сравнивает сотрудников между собой, публично принижая одних и возвышая других»; «повышает голос, использует ненормативную лексику»; «кричит на сотрудников при всех»; «были намёки на интим»; «руководитель присваивает себе достижения других»; «хорошо премируют только любимчиков»;

б) отсутствие компетенций менеджмента у сотрудников административно-управленческого аппарата: «ограничивает доступ к информации»; «не может толком сформулировать задачу»; «выдает срочные задания в конце рабочего дня»; «премируют в зависимости от личного отношения, а не результатов работы»; «руководитель использует ресурсы компании для личных нужд»; «для участия в перспективных проектах отбирает не толковых, а своих приближенных»; «замечает только ошибки и не поощряет достижения»; «много работы ради работы»; «жизнь проходит на работе»;

в) корпоративный абьюз: «начальник настраивал коллег против меня»; «управляющий отпускал обидные сравнения»; «директор позволяет неприятные комментарии, язвительные реплики»; «опасаясь конкуренции, увольняют ценных сотрудников»; «угрожают, если человек не выйдет на работу по вызову»; «придерживается принципа «могу себе позволить, имею на это

право, вы тут никто»; «пассивная агрессия со стороны управляющей»;

г) манипуляции со стороны руководителя: «обидные и несправедливые упрёки», «частые угрозы увольнения», «угрозы, похожие на запугивание», «обещал премию или повышение, не выполнил ни то, ни другое», «затягивает сроки выполнения своих обещаний»;

д) несоблюдение трудового законодательства, локальных нормативных актов и регламентов: «управляющая заставляет разгружать коробки, хотя это не входит в мои обязанности»; «заставляют выполнять обязанности, не имеющие отношение к моей должности»; «работников не хватает, заставляют работать дольше предусмотренного законодательством»; «работаем до тех пор, пока не отпустит начальство»; «не доплачивают за выполнение обязанностей, не предусмотренных должностью»; «принимают без официального трудоустройства»; «вызывают срочно на работу, хотя сотрудник находится в отпуске».

Из интервью со студентами дневного отделения вузов г. Хабаровска следует, что каждый второй, желающий устроиться на работу, не смог реализовать свой трудовой порыв, потому что работодателю не интересен вариант неполной занятости сотрудников.

Подрабатывающее студенчество вузов Хабаровска, согласно нашим исследованиям, недовольно условиями и организацией труда, жалуется на некорректность информации при собеседовании, отсутствие ассертивности и эмпатии у работодателей. В компаниях же считают, что молодые люди излишне чувствительны, не способны нести ответственность, часто прокрастинируют, игнорируют дедлайны. По признанию опрошенных студентов, они применяли стратегию гостинга, сталкиваясь с токсичными руководителями компаний оптовой и розничной торговли и сферы HoReCa (отель, ресторан, кафе). Соприкоснувшись с хамством руководителя, неуважением личных границ, отсутствием эмпатии, молодежь предпочитает «просто не выходить на

работу». По собственной инициативе и часто прибегая к стратегии гостинга, расставался с компаниями каждый пятый студент, совмещающий учебу с работой, предпочитая «избавить себя от плохого настроения и отрицательных эмоций».

В поисках работы, молодежь Хабаровского края ориентируется, в первую очередь, на заработную плату. И это естественно, поскольку представителям молодежных поколений нерешенный жилищный вопрос осложняет жизнь, требуя таких доходов, которые бы позволили возмещать затраты на аренду жилья. Материальные затруднения, обусловленные потребительским поведением, тоже способствуют установке при выборе работы учитывать в первую очередь оплату труда, предусмотренную вакансией. Согласно устному опросу, зарплатные ожидания каждого второго студента, подрабатывающего на условиях частичной занятости (4 часа в день, с графиком, предусматривающим два выходных дня в неделю), колеблются в районе 20–25 тыс. руб.

Есть еще одно обстоятельство, вызывающее некоторое недоумение: молодые сотрудники организаций края практически не информированы о корпоративных ценностях тех компаний, где они работают. На просьбу перечислить ценности, которых придерживается организация по отношению к персоналу, называют только «оплачивают учебу», «оплачивают повышение квалификации», «наставничество». Такого рода незнание тоже можно рассматривать в качестве проявления «загрязнения» внутрикорпоративного пространства, демонстрирующего незаинтересованность, равнодушие к молодежи, их профессиональной социализации со стороны менеджмента.

Заключение.

Как и российская молодежь в целом, молодые хабаровчане демонстрируют желание «добиться высокого уровня благополучия» (77,2 %). Препятствия на этом пути они видят в нерешенности жилищного вопроса (61 %), трудностях материального характера (53,7 %), проблемах трудоустройства, поиска хорошей работы (40,7 %). По результатам наших исследований, свыше половины работников организаций Хабаровского края полагают, что сложившаяся корпоративная среда является благоприятной для сотрудников. В этом велика заслуга руководства: 57,7 % счита-

ют, что социальное пространство зависит, главным образом, от руководителя компании. Оно также складывается под влиянием командного духа в коллективе (52 %), условий труда и организации рабочего места (52 %), ценностей, которых придерживается компания (49,6 %).

Однако для 1/3 опрошенных молодых сотрудников внутреннее социальное пространство не является комфортным. Причин несколько. Так, каждый второй считает, что несправедливой является оплата труда; 27,5 % сомневается, что на работе их ценят. Неудовлетворенность внутрикорпоративной средой – следствие социального «загрязнения». Как результат, неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе, отражающийся на эмоционально-психологическом благополучии и социальном самочувствии работающих, на желании уволиться. Практически каждый из опрошенных в своей трудовой деятельности сталкивался с проявлениями корпоративного «загрязнения» (игнорирование этики со стороны руководства, отсутствие управленческих компетенций; манипуляции, корпоративный абьюз и пр.). Усугубление социального «загрязнения» происходит по причине несоответствия ценностных установок работника базовым ценностям культуры компании, в том числе культуре управления. Деструктивная рабочая среда, считаем, всегда является следствием игнорирования утверждения И. Канта о том, что самая высшая и абсолютная ценность – сам человек, его жизнь, и эта ценность должна рассматриваться исключительно как ценность-цель, и никогда – как ценность-средство.

Ценности человека определяют образ его действий, модель поведения в организации. Один, например, получает образование, развивает деловые компетенции, чтобы больше зарабатывать, другой работает, чтобы иметь возможность учиться, развиваться ради расширения возможностей самореализации. Выявление ценностных установок молодых работников руководством компаний, их учет на этапе трудоустройства, при проектировании системы компенсационного менеджмента, выработке стиля руководства положительным образом скажутся на формировании реальных корпоративных ценностей, благоприятного внутрикорпоративного пространства, что сократит случаи проявления токсичных практик, повысит трудовую мотивацию, удовлетворенность трудом, «закрепляемость» молодых специалистов, их лояльность.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Зайцев Г.Г. Управление кадрами на предприятии: персональный менеджмент / Г.Г. Зайцев, С.И. Файбушевич. СПб. : Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 1992. 208 с.
2. Спивак В.А. Системно-социологический подход к исследованию факторов, определяющих требования работодателя к молодому специалисту-экономисту / В.А. Спивак // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 1995. № 3-4(3-4). С. 77–87.
3. Социальный капитал организации: аналитические подходы и возможности измерения на уровне организации / И.Б. Олимпиева, А.А. Кондаков, Л.В. Ежова, А.Л. Слободской // Петербургская социология сегодня. 2014 Т. 1. № 1-1(5). С. 10–41.
4. Одегов Ю.Г. Чем управление человеческими ресурсами принципиально отличается от управления персоналом? / Ю.Г. Одегов // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Экономика». 2018. № 1(61). С. 106–114.
5. Гатти М. Устойчивость и двойственность в практике управления персоналом: где выход? / М. Гатти, А.Э. Фёдорова // Управленец. 2013. № 2(42). С. 56–63.
6. Фёдорова А.Э. Прекаризация занятости и её влияние на социально-экономическое благополучие наёмных работников / А.Э. Фёдорова, А.М. Парсюкевич // Известия Уральского государственного университета. 2013. № 5(49). С. 76–81.
7. Ценности и предпочтения молодежи на российском рынке труда / И.В. Калашникова, Г.Г. Медведева, М.А. Сигитова, К.В. Филиппова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2022. № 1(64). С. 145–154.
8. Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи региона: социологический анализ : монография. Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. 174 с.
9. Калашникова И.В. Корпоративная культура: нормативный уровень / И.В. Калашникова, М.А. Сигитова, С.И. Соцкова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2023. № 1(68). С. 109–118.
10. Комментарий в СМИ: На рынке труда появился новый тренд – гостинг. URL : <https://fsn.unn.ru/novosti/kommentarij-v-smi-na-rynke-truda-poyavilsya-novyj-trend-gosting/> (дата обращения: 06.06.2024).
11. Несмеянов Д.В. Организационная и корпоративная культуры: контекстно-семантический анализ определений / Д.В. Несмеянов // Kant. 2024. № 2(51). С. 100–106.
12. ВЦИОМ. Новости: Ценности молодёжи. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=m2ror0h85o258317121> (дата обращения 13.09.2024).

References:

1. Zaitsev G.G. Personnel management at the enterprise: personal management / G.G. Zaitsev, S.I. Faybushevich. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Economics and Finance, 1992. 208 p.
2. Spivak V.A. A systematic sociological approach to the study of factors determining the requirements of an employer for a young specialist in economics / V.A. Spivak // Izvestiya St. Petersburg University of Economics and Finance. 1995. № 3–4(3–4). P. 77–87.
3. Social capital of an organization: analytical approaches and measurement possibilities at the organizational level / I.B. Olympieva, A.A. Kondakov, L.V. Yezhova, A.L. Slobodskoy // St. Petersburg Sociology today. 2014 Vol. 1. № 1-1(5). P. 10–41.
4. Odegov Yu.G. How is human resource management fundamentally different from personnel management? / Yu.G. Odegov // Vestn. Om. Uni. Ser. «Economics». 2018. № 1(61). P. 106–114.
5. Gatti M. Stability and duality in the practice of personnel management: where is the way out? / M. Gatti, A.E. Fedorova // The manager. 2013. № 2(42). P. 56–63.
6. Fedorova A.E. Precarization of employment and its impact on the socio-economic well-being of employees / A.E. Fedorova, A.M. Parsyukevich // Izvestiya Ural State University. 2013. № 5(49). P. 76–81.
7. Values and preferences of youth in the Russian labor market / I.V. Kalashnikova, G.G. Medvedeva, M.A. Sigitova, K.V. Filippova // Bulletin of the Pacific State University. 2022. № 1(64). P. 145–154.
8. Berezutsky Yu.V. Social activity of the youth of the region: a sociological analysis : monograph. Khabarovsk : Far Eastern Institute of Management, RANEP Branch, 2019. 174 p.
9. Kalashnikova I.V. Corporate culture: a normative level / I.V. Kalashnikova, M.A. Sigitova, S.I. Sotskova // Bulletin of the Pacific State University. 2023. № 1(68). P. 109–118.
10. Media comment: There is a new trend in the labor market – hosting. URL : <https://fsn.unn.ru/novosti/kommentarij-v-smi-na-rynke-truda-poyavilsya-novyj-trend-gosting> (date of application 06.06.2024).
11. Nesmeyanov D.V. Organizational and corporate cultures: contextual and semantic analysis of definitions // Kant. 2024. № 2(51). P. 100–106.
12. VTSIOM. News: Values of youth. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=m2ror0h85o258317121> (date of application 09/13/2024).

Информация об авторах

Калашникова Ирина Владимировна
доктор экономических наук,
профессор,
профессор Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,

Irina V. Kalashnikova
Doctor of Economics,
Professor,
Professor at the Higher School of Management,
Institute of Economics and Management,

© Калашникова И.В., Несмеянов Д.В., Акимов Д.В.

Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск
ORCID 0000-0003-4950-5862
006013@togudv.ru

Несмеянов Денис Вячеславович
аспирант,
преподаватель Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск
ORCID 0009-0002-5750-0009
013319@togudv.ru

Акимов Денис Владимирович
аспирант,
генеральный директор ООО «НИКА», Хабаровск
ORCID 0009-0007-8747-0978
akimovdenisvladimirovich@mail.ru

Pacific State University, Khabarovsk
ORCID 0000-0003-4950-5862
006013@togudv.ru

Denis V. Nesmeyanov
Graduate Student,
Lecturer at the Higher School of Management
Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk
ORCID 0009-0002-5750-0009
013319@togudv.ru

Denis V. Akimov
Graduate Student,
General Director of NIKA LLC, Khabarovsk
ORCID 0009-0007-8747-0978
akimovdenisvladimirovich@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-8>

УДК 316.353

Attribution

cc by

ДЕВИАНТНЫЙ ХАРАКТЕР ТРЕШ-СТРИМИНГА КАК ЦИФРОВОГО ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Лебедева М.Е., Чимаров С.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Актуальность: многогранный характер тотальной цифровизации современного социума и присущие данному феномену артефакты как плод новых цифровых технологий, выступая в качестве маркера динамики научно-технического развития общества, вместе с тем, способствуют росту социального напряжения в общей системе социальной коммуникации, основу которого составляет девиантная по своей сущности модель социального взаимодействия, обращенная к тиражированию различного рода противоправных акций. Одним из элементов данной модели является «мусорный» способ конструирования взаимоотношений между личностью и персонажами, активно продвигаемыми в общество деструктивные по смыслу шаблоны поведения, эксплуатирующие популярные образцы низменной ипостаси массовой культуры. Указанное обстоятельство свидетельствует об актуальности более предметного проведения соответствующих исследований, ориентированных на девиантологический аспект социальных последствий треш-стриминга, технологии применения которого способствуют формированию особой ниши поведенческих моделей личности, в контексте ее «отрыва» от общепринятых и общественно-значимых способов социального бытия человека. Цель: выявить сущностные особенности социальной девиации явления «треш-стриминг», в контексте трансляции соответствующих акций в прямом эфире, с использованием потенциала современной парадигмы мира цифровых технологий. Методы: в основу проведенного исследования определены такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция. Кроме того, применены эвристический и аксиологический методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты: публикация содержит анализ концептуальных подходов современной научной мысли и некоторых экспертных оценок, в части осмысления социальной опасности коммуникационной технологии «треш-стриминг», основанной на трансграничном потенциале сети Интернет, являющейся атрибутом социальной жизни современного общества. Кроме того, представлена национальная модель российского законодательства, положения которого направлены на противодействие процессу треш-стриминга, наделенного несомненными признаками криминализации. Выводы и заключения: материалы данной публикации подчеркивают актуальность учета девиантного характера треш-стриминга и свидетельствуют о важности комплексного подхода к нейтрализации деструктивного влияния указанного явления на жизнь общества и личности.

Ключевые слова: социология, социальная жизнь, девиация, цифровые технологии, треш-стриминг, личность, низменность побуждений.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE DEVIANT NATURE OF TRASH STREAMING AS THE DIGITAL PHENOMENON OF SOCIAL LIFE

Maria E. Lebedeva, Sergey Yu. Chimarov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance: the multifaceted nature of the total digitalization of modern society and the artifacts inherent in this phenomenon as the fruit of new digital technologies, acting as a marker of the dynamics of scientific and technological development of society, at the same time contribute to the growth of social tension in the general system of social communication, which is based on a deviant model of social interaction aimed at replicating various kinds of illegal shares. One of the elements of this model is the «garbage» way of constructing relationships between a person and characters who actively promote destructive patterns of behavior into society, exploiting popular examples of the base

hypostasis of mass culture. This circumstance indicates the relevance of conducting more substantive relevant research focused on the deviantological aspect of the social consequences of trash streaming, the technologies of which contribute to the formation of a special niche of behavioral models of personality, in the context of its «separation» from generally accepted and socially significant ways of human social existence. Objective: to identify the essential features of the social deviation of the «trash streaming» phenomenon, in the context of broadcasting relevant actions live, using the potential of the modern paradigm of the digital technology world. Methods: the research is based on such general scientific methods as analysis, synthesis, induction, deduction. In addition, heuristic and axiological methods of cognition, as well as the method of content analysis, are applied. Results: the publication contains an analysis of the conceptual approaches of modern scientific thought and some expert assessments regarding the understanding of the social danger of the «trash streaming» communication technology based on the cross-border potential of the Internet, which is an attribute of the social life of modern society. In addition, a national model of Russian legislation is presented, the provisions of which are aimed at countering the process of trash streaming, endowed with undoubted signs of criminalization. Conclusions and conclusions: the materials of this publication emphasize the relevance of taking into account the deviant nature of trash streaming and demonstrate the importance of an integrated approach to neutralizing the destructive influence of this phenomenon on the life of society and individuals.

Keywords: sociology, social life, deviation, digital technologies, trash streaming, personality, baseness of motives.

Funding: Independent work.

Введение.

Абстрагируясь от истории различных вариаций массовой культуры, занимающей особое место в жизни социума, и учитывая контекст темы нашего исследования, представляется необходимым акцентировать внимание на феномене, общее определение которого презентовано как «треш-стриминг».

Соответствуя формату всеобщей коммерциализации обширного свода культурных ценностей и интегрируя в ткань своего культурного выражения явление «треш» (англ. «Trash» – «мусор», «хлам»), действующая парадигма «треш-стриминга» (англ. «Trash streaming» – «мусорный стриминг», «потокковая передача мусорных данных») тождественна модели художественных и/или развлекательных форм самовыражения, обладающих симбиозом предельно низкого культурного статуса и, вместе с тем, массовой привлекательности.

Демонстрируя насыщенность элементами провокации, трансгрессии, эпатажа, китча, табу и т.п., указанный вид привлекательности нацелен:

- во-первых, на пренебрежение традициями общества;
- во-вторых, на эксплуатацию наивности потребителя треш-стриминговой продукции;
- в-третьих, на «уничтожение необразованного халтурщика, озобоченного в основном быстрым заработком» [1].

Наряду с отмеченным, треш-стриминговые деяния относятся к разряду явлений, которые согласно аксиологии уголовно-правовой теории подпадают под криминализацию.

В России подтверждением тому являются нормативные правовые установления:

- во-первых, пункта 5 части 1 статьи 10.6 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ, касающейся особенностей распространения информации в социальных сетях [2];
- во-вторых, части 12 статьи 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), закрепляющей понятие «треш-стрим» и вводящей штрафа за новый вид злоупотребления свободой массовой информации [3];
- в-третьих, Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [4]. Исходя из новых поправок в уголовное законодательство, организация онлайн-трансляции треш-стримингового характера, в случае совершения преступления признано обстоятельством, отягчающим наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и квалифицирующим признаком для отдельных составов преступления (статьи 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 127.2 УК РФ).

К примеру, применительно к теме административного наказания, за трансляцию треш-видео, виновное лицо подвергается штрафу в размере: для граждан – от 50000 до 100000 рублей; для должностных лиц – от 100000 до 200000 руб.; для юридических лиц – от 800000 до 1 млн рублей. Кроме того, у нарушителей могут быть изъяты техника и соответствующее оборудование, используемое для создания треш-стрима.

По нашему мнению, отмеченные правовые новеллы подтверждают устойчивость вектора российского законодательства, в части признания девиантности трансляций в системе координат цифрового мира различных акций треш-

стриминга и позиционирования данного явления в качестве цифрового феномена социальной жизни, требующего особого внимания к последствиям его негативного воздействия на общество и личность.

Обсуждение.

Исследуя социальные последствия треш-стриминга, следует отметить девиантный характер поведения акторов треш-процесса, популярность которого обусловлена особенностями потенциала цифрового пространства сети Интернет, позволяющими идеологам продвижения потокового контента и его потребителям оперативно, наглядно, а иногда и анонимно удовлетворять свои персональные потребности, как правило, диссонирующие с общепринятыми в конкретном обществе, и по форме своего выражения, являющиеся экстремальными.

Выявляя девиантный аспект треш-стриминга, некоторые ученые возводят отмеченную девиантность в разряд социальной патологии.

В данном случае, мы считаем небезынтересными рассуждения польских ученых-философов Б. Цирк и М. Пепелек. В соответствии с выводом указанных исследователей, польской академической науке при оценке социальных последствий треш-стриминга уже свойственно употребление лексемы «патостриминг», а также ее двух форм: «патостримерщик» и «патострим», англоязычными эквивалентами которых являются ранее отмеченные лексемы «мусорный стример» и «мусорный поток» [5, р. 448].

Согласно логике данных специалистов, не проводя различия между локальным термином «патостриминг» и глобальным – «треш-стриминг» как отдельными понятиями, важно учитывать тот факт, что в польском языке приставка «пато-», употребляемая в сочетании с существительным «стрим», указывает на их патологический характер, в смысле социальной патологии. По нашему мнению, указанное пояснение в полной мере свойственно и российской социологической науке.

Апеллируя к социальному аспекту криминализации треш-стрима, отечественные правоведы Ю.В. Грачева и С.В. Маликов обращают внимание на психологию указанного явления, выделяя при этом стремление личности к выбору линии поведения, основу которой составляет следующая триада мотивов:

- 1) раскрепощение человека;
- 2) ощущение безнаказанности;
- 3) стремление к контролю над ситуацией [6, с. 202].

Наряду с отмеченным, треш-стримеры активно используют субкультуру видеохостинга «YouTube», слоган которого представлен выра-

жением «транспируй себя сам», и ряда других Web-сервисов, получая при этом коммерческую выгоду за предельно наглядную трансляцию оскорблений личности конкретных людей. К примеру, подлинный смысл указанного слогана «YouTube» аналогичен следующему призыву пользователей данной цифровой платформы: «Делись с другими частичками своей жизни, раздвигая при этом границы дозволенного».

Признавая маргинальный характер треш-стриминга как нового жанра формируемой цифровой культуры, признаками которой выступают мультимодальность и перформативность треш-стримов, а также иллюзорность персонального участия акторов стримингового онлайн-процесса, мы замечаем:

– во-первых, тождественность отмеченного феномена линзе, позволяющей более отчетливо оценить фрагменты базовых ценностей цифровой культуры первой четверти XXI в.;

– во-вторых, интегрирование сцен насилия и иных сценариев девиантного поведения в процесс товарообмена, при котором ключевая роль принадлежит эмоциям личности, выступающим в качестве побуждающего фактора активности сторонников треш-стриминга в построении транзакционной схемы онлайн-отношений, на коммерческой основе;

– в-третьих, утверждение в сознании треш-стриминговой аудитории особой эстетики отношений, характерной для современной практики фандома (англ. «fandom» – «поклонники»), наполненного тематическим контентом радикализации межличностных отношений между пользователями сети Интернет.

Обращая особое внимание на феномен потоковой передачи информации «мусорного характера» посредством цифрового обмена и социальную опасность отмеченного явления, мы однозначно усматриваем преступные замыслы и корреспондирующие им деяния организаторов треш-вечеринок, в ходе которых обретают популярность идеи физического и/или сексуального насилия, а также словесного оскорбления. В случае блокирования на стриминговых платформах «YouTube», «Twitch» и других основных каналов треш-стримеров, последние, во избежание «бана» (англ. «ban» – «запрещать»), имеют возможность продвижения эксклюзивного контента резервным способом, в частности, через такой мессенджер, как «Telegram» или иные файлообменные сервисы.

Признавая изощренность путей обхода корпорацией онлайн-вещателей суть стримеров требований действующего закона, некоторые представители экспертного сообщества предлагают:

– во-первых, вариант принудительной регистрации стримеров как организаторов прямого эфира, в качестве индивидуальных предпринимателей с последующей их обязанностью платить налоги с получаемого дохода;

– во-вторых, существенное «наращивание» полномочий полиции в части более эффективно-го отслеживания деятельности стримеров и своевременного выявления их общественно-опасной деятельности [7].

Анализ генезиса и последующей эволюции треш-стриминга как феномена цифрового мира и массового явления современного периода интегрирования цифровых технологий в практику социальной коммуникации, свидетельствует о начале активного появления в первое десятилетие XXI в. треш-стриминга как онлайн-тренда на отмеченных стриминговых платформах «YouTube» и «Twitch». При этом треш-стримеры как источники маргинальных акцидентных артефактов из области игровой видео-индустрии, преимущественно представлены геймерами (англ. «gamer» – «игрок»), профессионально сформированными в ходе трансляций видеоигр и переместившимися на бесцензурной основе в экосистему «YouTube» после испытаний на фоне перманентных запретов на платформе «Twitch».

Важно отметить, что генерация нового импульса интереса Интернет-аудитории к треш-стриминговой продукции как варианту развлечения, исторически обусловлена фактом распространения пандемии «COVID-19». Впрочем отмеченная пандемия как поветрие вообще, способствовала переходу на более высокий уровень применения цифрового способа общения в различных сферах жизни современного социума.

По нашему мнению, очередной всплеск треш-стримингового интереса также обусловлен действием кумулятивного эффекта, сводимого к интеграции отдельных зрителей, испытывающих состояние одиночества, и стримеров, нуждающихся в эмоциональной и/или финансовой поддержке своих треш-акций.

Социальным последствием действия данной кумуляции выступает сформированность особой общности пользователей сети Интернет, в значительной степени подверженных организации своего досуга за счет получения удовольствия от просмотра аудио-визуальных сцен насилия и иных экстремальных актов, а также погружения в состояние вуайеризма, входящего в номинацию сексуальной девиации.

Как нам представляется, в основе отмеченных явлений несомненно лежит психическое расстройство личности, относящееся к области социальной девиации индивида. Наиболее ярким выражением отмеченного психического расстройства является демонстрируемая треш-стримерами жестокость, как морально-психологическое свойство личности, выражаемое в антигуманном (грубом, оскорбительном, агрессивном, и т.п.) отношении авторов треш-сцен к другим людям.

Что касается поклонников мусорного контента, то одним из мотивов их участия в отмеченных зрелищах может служить факт пребывания неко-

торых из них ранее в состоянии жертвы насильственных действий и/или унижения. При этом факт испытания в ходе треш-стриминговых акций ощущения того, что бывшие жертвы не одиноки в своих прежних страданиях, позволяют последним получить необходимую эмоциональную компенсацию. Достижение аудиторией определенного уровня эйфории от наблюдения в ходе треш-стримингового представления за страданиями жертвы и экзальтацией ее мучителя обусловлено:

– во-первых, принижением масштаба ранее полученного травматического опыта;

– во-вторых, обретением восторженного чувства от страдания другого человека;

– в-третьих, безопасным просмотром наблюдаемой картины и возможностью выброса новой порции адреналина.

Как нам представляется, «живучесть» и способность треш-стриминга к трансграничному продвижению, даже при режиме жестких санкций национального законодательства, обусловлены:

во-первых, глобализацией отмеченного явления, способствующей: ужесточению конкуренции между самими треш-стримерами и насыщению их технологической обоемы инновационными приемами продвижения своих акций, которые, в целях повышения их конкурентоспособности, требуют более изощренных шагов радикальной направленности;

– во-вторых, непреходящей тягой к проведению в социуме прямых трансляций, в процессе которых происходит реализация участия индивида в цифровой жизни общества.

Данное обстоятельство приемлемо как для стримеров, так и для широкой аудитории. Существенным также является соответствие исследуемого феномена «духу» всеобъемлющей коммерциализации медиа-сферы, важным атрибутом которой выступает, используемое стримерами потоковое вещание с его прямой опорой на современные технологии цифрового обмена. Что касается доли коммерции в процессе треш-стриминга, то о ее ведущей роли в указанном стриминге свидетельствует научная работа «Насилие по требованию: коммерциализация цифрового насилия в потоковом трэше», автором которой является польско-американский ученый М. Войтина [8].

Согласно констатации данного специалиста, презентуя радикально жестокий, странный и трансгрессивный контент, стримеры любыми способами привлекают внимание зрителей, прививая им иллюзорное чувство своей самостоятельности. При этом целеполагание их стриминговой деятельности заключается в том, чтобы заручиться финансовой поддержкой со стороны поклонников и получить репутационные выгоды. Как следует из размышлений отмеченного автора,

процесс треш-стриминга содержит перформативные аспекты онлайн-трансляции, демонстрируя при этом, что «насилие – это не просто событие, представленное на экране, но и перформативный продукт режимов власти, которые устанавливаются между авторами и аудиторией» [8, p. 49].

Таким образом, акцентируя внимание на девиантных паттернах поведения личности, погруженной в процесс треш-стримингового вещания на специализированных цифровых платформах, мы однозначно квалифицируем контент продвигаемых при этом сюжетов в качестве социально-опасного, блокирование которого требует опережающих действий со стороны государства, при его опоре на современную инфраструктуру цифровых способов по оперативному и тотальному выявлению противоправной треш-стриминговой продукции, сочетаемых с эффективным применением необходимых технических средств, алгоритмы функционирования которых позволяют создавать надежные барьеры на пути различных устремлений корпорации треш-стримеров.

Выходя за пределы традиционного восприятия пагубных последствий треш-стриминга, сопряженного с различными видами насилия, особого внимания заслуживает работа по адекватной оценке треш-стриминга, в ходе которого осуществляется демонстративное цифровое вещание различного рода казней и подобных им акций, совершаемых боевиками экстремистских и террористических организаций, в том числе на религиозной или националистической основе.

Наследуя тактические приемы средневековых казней противников своей веры и/или традиций, современные приверженцы трансформации общества и поведения индивида в контексте их реинкарнации, суть перевоплощения в свое прежнее состояние, полны решимости вернуть общество и личность до уровня их примитивного состояния, при котором верховная власть будет принадлежать идеологам религиозных или националистических учений экстремистского толка.

Добиваясь в интересах достижения своих деструктивных целей порождения в обществе хаоса, паники и состояния ужаса, проповедники указанных разрушительных идей активным образом задействуют арсенал цифровых приемов, с целью формирования соответствующего массива треш-стримингового вещания на потенциальную аудиторию.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет заключить следующее:

1. Динамичный по характеру и необратимый по вектору своей перманентной трансформации, современный мир цифровых технологий установил как данность факт устойчивого обращения общества к достижениям этого мира. Указанная

трансформация находит свое воплощение в новых реалиях глобального общества, основанного на Интернете и сопутствующего ему массиву социальных сетей, цифровых платформ, видеохостингов, видео-стриминговых сервисов, мессенджеров, и т.п.

Указанное свидетельствует об актуальности нового осмысления феномена цифровой социальной жизни, с акцентом не только на достоинствах этого феномена, но и с уточнением новых угроз и вызовов, таящихся в недрах цифрового мира. Данный тезис непосредственно обращен, в том числе к области стриминга, одновременно являющегося процессом прямой трансляции как одной из популярных форм потребления контента в социальных сетях, основанного на технологии потокового вещания и обеспечивающего прямой доступ к мировым новостям, а также способствующего формированию онлайн-сообществ и нового отряда поклонников стриминга, включая его треш-варианты.

2. Современный мир цифровых технологий, создавая приемлемые условия для перевода всей системы информационной коммуникации на принципиально новые основы, не утратил прежнего признака аналоговых технологий, метафорично именуемого в качестве «двуликого Януса». Указанное обстоятельство позволяет признать действующую модель экстремального и эпатажного, а во многих случаях - угрожающего личности и обществу такого явления, как треш-стриминг в качестве негативной и потенциально опасной формы коммуникации, проявляемой в процессе онлайн-трансляции различного рода видео-контента, несомненно, имеющего девиантный характер, по отношению к действующим в обществе морали и нормам права.

3. Понимая под треш-стримингом феномен расширения границ всего того, что считается законным, безопасным и нравственным, следует обратить особое внимание на циркулирующую в ходе цифрового онлайн-обмена треш-стриминговой информации, преследующей целью продвижения которой выступает получение репутационных предпочтений и коммерческой выгоды для стримеров посредством задействования ими «грязных» технологий по оскорблению достоинства человека, демонстративному пренебрежению интересами общества, а также - совершению откровенно хулиганских действий и прочих низменных проявлений, квалифицируемых в качестве девиантных.

4. Фактор публичного продвижения посредством современных цифровых технологий различных вариантов треш-стриминга соизмерим с целенаправленным воздействием по подрыву традиционных устоев российского общества и посягательством на психическое здоровье личности и ее нравственность.

Указанное обстоятельство:

– во-первых, несомненно предопределяет общественную опасность акций треш-стриминга;

– во-вторых, свидетельствует об очевидно девиантном поведении участников треш-стримингового процесса;

– в-третьих, заслуживает общественного осуждения и соответствующей квалификации отмеченных деяний, в части адекватного применения к нарушителям мер административной и уголовной ответственности.

5. Признавая несомненную значимость формирования у граждан правовой культуры и определенную действенность принимаемых мер правового характера, направленных на противодей-

ствии деструктивному проявлению треш-стриминга, важно понимать природу полной непреодолимости отмеченного стримингового феномена, что, в принципе, тождественно невозможности тотального запрета на продвижение в сознание общества и личности, к примеру, фейковых новостей. Вместе с тем, очевидным для нас является обстоятельство, сводимое к непреходящему значению формирования в общественном сознании и сознании личности каждого человека негативных последствий треш-стриминга, способствующего деградации общества и личности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вербицкий М.С. Против культуры. URL : https://royallib.com/read/verbitskiy_misha/protiv_kulturi.html#0 (дата обращения 29.12.2024).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 08 августа 2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 08.08. 2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Cyrek B. Trash streaming: Characteristics and methodological guidelines / B. Cyrek, M. Popiołek // Arts & Cultural Studies Review. 2022. Iss. 3(53). P. 445–458.
6. Грачева Ю.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Vol. 16. № 6(127). P. 202–210.
7. Malavika P. «Trash streaming» is a disturbing YouTube subculture where streamers get paid to broadcast abuse / P. Malavika // Сайт «Screenshot». Jun 07, 2021. URL : <https://screenshot-media.com/culture/internet-culture/trash-streaming-subculture> (date of application 04.01.2025).
8. Wojtyna M. Violence on Demand: Commodification of Digital Violence in Trash Streaming / M. Wojtyna // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. 2021. Vol. 13. № 1. P. 49–78.

References:

1. Verbitsky M.S. Against Culture. URL : https://royallib.com/read/verbitskiy_misha/protiv_kulturi.html#0 (date of access 12/29/2024).
2. Federal Law of 07/27/2006 № 149-FZ «On Information, Information Technologies and the Protection of Information» (with amendments and additions, entered into force on 01/01/2025) // SPS «ConsultantPlus».
3. Federal Law of August 08, 2024 No. 217-FZ «On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» // SPS «ConsultantPlus».
4. Federal Law of August 08, 2024 № 218-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
5. Cyrek B. Trash streaming: Characteristics and methodological guidelines / B. Cyrek, M. Popiołek // Arts & Cultural Studies Review. 2022. Iss. 3(53). P. 445–458.
6. Gracheva Yu.V. Trash Stream: Social Determination of Criminalization / Yu.V. Gracheva, S.V. Malikov // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16. № 6(127). P. 202–210.
7. Malavika P. «Trash streaming» is a disturbing YouTube subculture where streamers get paid to broadcast abuse / P. Malavika // Сайт «Screenshot». Jun 07, 2021. URL : <https://screenshot-media.com/culture/internet-culture/trash-streaming-subculture> (date of application 04.01.2025).
8. Wojtyna M. Violence on Demand: Commodification of Digital Violence in Trash Streaming / M. Wojtyna // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. 2021. Vol. 13. № 1. P. 49–78.

Информация об авторах

Лебедева Мария Евгеньевна

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID ID: 0000-0001-5058-2537
mlebedeva030@mail.ru

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Maria E. Lebedeva

Candidate of Psychological Sciences,
Senior Lecturer at the Department
of Internal Affairs in Special Conditions,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID ID: 0000-0001-5058-2537
mlebedeva030@mail.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-21>

УДК 316.4.05

Attribution

cc by

ПУТИ ЦЕЛЕВОГО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕСКОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Передумов М.А.

*Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии Российской Федерации*

Аннотация. Раскрыты уровни проектного формирования культуры бесконфликтного профессионального взаимодействия в контексте функционирования современного воинского коллектива. Раскрыта комплексная модель формирования культуры бесконфликтного взаимодействия членов воинского коллектива. Обоснованы ее два системных компонента. Первый: образовательный, который определяет целевое развитие устойчивой конфликтологической компетентности, определяемой как способность к эффективному профессиональному функционированию и решению задач, связанных с управлением конфликтами. Основная цель здесь заключается с формированием у военнослужащих практических навыков, позволяющих осуществлять анализ, профилактику, оценку и прогнозирование социальных конфликтов. Второй: социокультурный, который предполагает создание условий для развития ценностей, норм и практик бесконфликтного взаимодействия, а также формирование у военнослужащих навыков конструктивного общения, медиации и разрешения деструктивных конфликтов. Доказано, что реализация комплексной модели призвана не только обеспечить устойчивое развитие культуры бесконфликтного взаимодействия членов воинского коллектива, но и способствует снижению уровня социальной напряженности и повышению эффективности профессиональной деятельности военнослужащих.

Ключевые слова: военная организация, военнослужащие, культура бесконфликтного взаимодействия, культура, служебно-профессиональная деятельность, культура бесконфликтного взаимодействия, воинский коллектив.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PATHS TO TARGETED FORMATION OF A CULTURE OF CONFLICT-FREE INTERACTION AMONG MILITARY PERSONNEL

Mikhail A. Peredumov

*Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute
of the National Guard of the Russian Federation*

Abstract. The article explores the levels of project-based formation of a culture of conflict-free professional interaction within the context of a modern military collective. A comprehensive model for fostering a culture of conflict-free interaction among members of a military collective is presented. The model is justified through two systemic components. The first is the educational component, which focuses on the targeted development of sustainable conflict resolution competence, defined as the ability to effectively perform professional duties and manage conflict-related tasks. The primary goal here is to equip military personnel with practical skills for analyzing, preventing, assessing, and predicting social conflicts. The second is the sociocultural component, which involves creating conditions for the development of values, norms, and practices of conflict-free interaction, as well as fostering skills in constructive communication, mediation, and resolution of destructive conflicts. It is proven that the implementation of this comprehensive model not only ensures the sustainable development of a culture of conflict-free interaction within the military collective but also contributes to reducing social tension and enhancing the professional efficiency of military personnel.

Keywords: military organization, military personnel, culture of conflict-free interaction, culture, professional military activity, conflict-free interaction culture, military collective.

Funding: Independent work.

© Передумов М.А.

Введение. В современных условиях обостряются обстановка в мировой системе, модернизируются гражданско-военные взаимодействия в российском обществе. Отдельные воинские коллективы функционируют как зеркальное отражение общественной жизнедеятельности. Во-первых, воинские подразделения аккумулирует социокультурные проблемы и противоречия внешней общественной системы. Во-вторых, определяет деструктивные практики, проявления неэффективной культуры служебно-трудового взаимодействия военных субъектов. В новых условиях создается необходимость диагностировать социальные конфликтные практики военнослужащих, выявлять и регулировать безответственные действия в воинских подразделениях, сопровождающиеся конфликтными столкновениями, социокультурной борьбой и противоборством социальных групп. Возрастает внешняя напряженность воинских групп, формируются социокультурные противоречия как внутри, так и вне функционального взаимодействия. Обусловливается необходимость формирования ценностей бесконфликтного профессионального действия военных: активизация военных мировых конфликтов и социальных противоборств; реформирование социальных отношений военной организации России, расширения потребностей развития технического, технологического, информационного, социально-культурного потенциала военнослужащих; обновление формальных ценностей, социальных норм административного контроля социального самоконтроля взаимодействия военнослужащих.

Теоретическое обоснование проблемы. В научной литературе мы находим исследования, посвященные проблеме формирования культуры бесконфликтности. О.Г. Карпов [1], М.К. Магомедов [2], Е.И. Стрелкова [3] обосновывают, что культура бесконфликтного взаимодействия обновляется в рамках общей социокультурной динамики воинских подразделений. Н.И. Кузнецов [4] представляет принципы обновления общих ценностей военнослужащих как важнейший фактор формирования культуры бесконфликтного взаимодействия профессиональных групп военных. А.М. Пихтелёв [5] и Ю.Г. Быченко [6] доказывают, что в рамках универсальных норм и принципов служебного поведения военнослужащих формируется их культура бесконфликтного решений служебно-трудоовых задач. Несложно заметить, что формирование культуры бесконфликтности – это процесс планируемый и контролируемый военной администрацией. Последняя устанавливается требования при определении путей проектного развития учитывать корреляцию между преднамеренными и непреднамеренными результатами. Современные военные социологи представляют базовые принципы формирования бесконфликтной культуры. А. Бандурина [7], А. Башарина [8] акцентируют внимание на необходимости оптимизации принципов управления социальными конфликтами в формальных организациях. М. Барановский [9] раскрывает феномен бесконфликтности в контексте практик

целевого развития пререрия в воинском коллективе. С. Хвостанцев [10] выявляет формы целевого развития культуры бесконфликтности действия военных акторов. В данном контексте культура бесконфликтной коммуникации и взаимодействия выступает элементом конструирования. При этом отметим, что акторы выступающие носителями культуры бесконфликтного взаимодействия трактуются как агенты и как продукт выполнения задач, в результате которых образуются конструктивные организационные системы. В рамках этого научного подхода социальные разногласия необходимо ранжировать как комплекс задач направленных на развитие у групп военных акторов социально-культурного потенциала. Важны в этой связи разработки профессора Т. Баландиной [11], которая раскрывает процессы модернизации культуры бесконфликтности в системе конструирования организационной культуры воинского коллектива. Детализация и претворение в жизнь направлений социального плана развития организационной культуры подразумевает под собой, реализацию положений с целью саморегулирования противоречивых, конфликтных ситуаций, предотвращение дестабилизирующего диссонанса воинских коллективов. Воинские коллективы необходимо трактовать как самостоятельную социально-культурную организацию, для которой свойственен комплекс определенных социальных парадоксов, конфликтных ситуаций, а равно и как комплексный набор направлений, определяющих разрешение этих конфликтных ситуаций в процессе формирования и воплощения целевых социально-культурных проектов, в соотношении трансформации структурированной системы. Необходимо иметь в виду, что любое социальное различие в обществе будет являться обязательным критерием образования социальной напряженности и конфликтности между акторами воинского коллектива. М. Вебер [12] по этому поводу констатирует, что всякая организационная система имеет объективную потребность в явной или скрытой фиксации проблемных задач, направленных на преодоление деструктивных, регулирования конструктивных социальных конфликтов. Здесь реализуются конкретные формы проектного воздействия, определенной степени авторитета субъекта труда, создаваемого в результате конкретной «позиции, а также возможности достичь особого рода монополии».

Следовательно, начальный этап формирования целевого проекта развития культуры конфликтного взаимодействия необходимо отождествлять с предварительным анализом наличия либо отсутствия культуры конфликтологического взаимодействия. Следующим этапом формирования целевого проекта конфликтного взаимодействия будет выступать определение наличия социальных конфликтов, которые могут выступать факторами (триггерами) этих социальных противоречий, влияющих на их урегулирование.

Таким образом, содержание планирования процессов формирования конфликтного взаимодей-

ствия включает в себя аналитическую оценку культуры бесконфликтности военнослужащих, а также уточнение направлений проектного ее формирования. Данное планирование должно быть предназначено, для урегулирования предварительно выявленных социокультурных проблем (задач). Разрешение каждой из конкретных проблем (задач), должно выражать повышение культуры служебно-трудового функционирования военных акторов и направлено на формирование объективного восприятия ситуаций в системе социально-культурного взаимодействия. По сути, целевой план развития культуры конфликтного взаимодействия военнослужащих необходимо рассматривать как целенаправленный процесс анализа и разрешения ключевых проблемных задач, ориентированных на оптимизацию конфликтного взаимодействия в воинских коллективах.

Эмпирическая база исследования.

Детализируем положения целевого проекта формирования у военнослужащих культуры бесконфликтного взаимодействия на основе исследования солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров («Культура бесконфликтного профессионального взаимодействия военнослужащих национальной гвардии России», n = 633).

Аналитическое обоснование социального проектирования культуры бесконфликтности. Рассмотрим некоторые результаты обработки данных социологического опроса. Военнослужащие подтверждают необходимость наличия целевого проекта формирования культуры бесконфликтного взаимодействия, который бы обеспечивал беспрепятственное и эффективное развитие в системе военных социальных отношений. 74,8 % опрошенных солдат, сержантов и прапорщиков подчеркивают необходимость социального проектирования культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих.

Военнослужащие трактуют такое развитие в отношении осуществления серии определяющих проектов. Детализируем компоненты социального проекта, сосредоточенные на формирование культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих.

Первый компонент социального проекта формирования культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих – образовательное социокультурное развитие. 43 % опрошенных солдат, сержантов, прапорщиков, 60 % офицеров убеждены, что обучение выступает фундаментальным механизмом поддержания готовности военнослужащих к конфликтным ситуациям и их разрешению в процессе реализации профессионального взаимодействия. Необходимо отметить, что на современном этапе развития военно-социальных отношений в воинских коллективах частично осуществляется проектное планирование мероприятий, способствующих формированию у военнослужащих потенциала конфликтологической готовности. Для активации

этого процесса важна интеграция комплекса определенных целенаправленных действий по обучению и других, не мало важных мер самореализации ценности бесконфликтного профессионального взаимодействия.

Данный раздел ориентирован на гиперактивное целевое развитие бесконфликтного профессионального потенциала различных групп военнослужащих.

Ключевым аспектом является образовательная подготовка, направленная на формирование у военнослужащих навыков поиска компромиссов между участниками социальных конфликтов в условиях профессиональной деятельности. Респонденты подчеркивают значимость такого обучения, отмечая, что умение находить баланс интересов и достигать взаимоприемлемых решений способствует снижению уровня конфликтности и повышению эффективности служебного взаимодействия.

Реализация данного раздела предполагает внедрение просветительных программ, тренингов и методик, которые позволят военнослужащим не только теоретически осваивать принципы бесконфликтного общения, но и применять их на практике в реальных ситуациях. Это включает развитие навыков медиации, ведения переговоров и управления конфликтными ситуациями, что в совокупности способствует укреплению социально-психологического климата в воинских коллективах.

Согласно результатам исследования, 33,5 % респондентов среди солдат, сержантов и прапорщиков, а также 73,3 % офицеров подтверждают, что просветительское развитие готовности к конфликтам является действенным инструментом, применяемым в воинских коллективах для разрешения конфликтных ситуаций. На практике образовательные процессы в воинских частях способствуют формированию конфликтологической готовности, которая включает:

- 1) системные конфликтологические знания, позволяющие понимать природу и динамику конфликтов;
- 2) навыки и умения диагностировать и анализировать конфликтологические ситуации, что обеспечивает своевременное выявление потенциальных источников напряженности;
- 3) способность к самоуправлению процессами профилактики деструктивных конфликтов, включая разработку и реализацию превентивных мер.
- 4) умение отстаивать законные социально-трудовые интересы и права, не нарушая при этом права других участников взаимодействия;
- 5) реализацию профессиональных потребностей без причинения дискомфорта или вреда окружающим.

Таким образом, просветительское формирование готовности к конфликтам выступает важным элементом укрепления морально-нравственного климата в воинских коллективах, способствуя снижению уровня конфликтности и повышению эффективности служебной деятельности.

Второй компонент социального проекта формирования культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих – непосредственное осуществление социологической оценки, а также планирование обновления служебных ценностей, социальных норм взаимодействия, принципов действия, коммуникаций, общения. Результаты исследования свидетельствуют о том, что военнослужащие идентифицируют низкий уровень культуры бесконфликтного профессионального взаимодействия как значимый фактор, способствующий возникновению социальных конфликтов в воинских коллективах. Участники исследования демонстрируют осознанное понимание данной проблемы и способны дать объективную оценку текущего состояния культуры бесконфликтного взаимодействия в условиях современной воинской среды. Подобное восприятие подчеркивает важность развития коммуникативных компетенций и формирования навыков конструктивного взаимодействия как ключевого элемента профилактики конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности военнослужащих.

Согласно полученным данным, 68 % респондентов из числа солдат, сержантов и прапорщиков, и 83,8 % офицеров отмечают, что в современных воинских коллективах доминируют практики, способствующие реализации потенциала бесконфликтной коммуникации. Участники исследования отмечают, что в современных условиях большинство профессиональных задач решается в условиях служебной толерантности, военно-профессионального партнерства, а также при активном использовании принципов взаимовыручки и взаимопонимания. Это свидетельствует о преобладании конструктивных подходов к организации взаимодействия в воинской среде, что способствует снижению уровня конфликтности и укреплению социально-психологического климата в коллективах. Согласно результатам исследования, приблизительно треть солдат, сержантов и прапорщиков, а также около 10% офицеров отмечают, что в воинских подразделениях преобладают практики конфликтной коммуникации. Указанные респонденты утверждают, что значительная часть профессиональных задач решается в условиях противоборства, противостояния, а в некоторых случаях – открытых конфликтных противоречий между субъектами служебно-трудовых отношений. Это свидетельствует о наличии деструктивных тенденций в отдельных воинских коллективах, где доминируют конфликтные формы взаимодействия, что может негативно сказываться на эффективности выполнения служебных задач и общем социально-психологическом климате.

Таким образом, реализация предложенных направлений проекта создает предпосылки для системного развития конфликтологической готовности военнослужащих, что способствует снижению уровня деструктивных конфликтов и формированию устойчивой культуры конструктивного взаимодействия в воинских коллективах. Данный подход не только повышает эффективность служебной деятельности, но и укрепляет социально-психологический климат, что является важным условием успешного функционирования военной организации в современных условиях.

Заключение. Формирование культуры бесконфликтного взаимодействия в условиях современного воинского коллектива представляет собой результат целенаправленного проектного воздействия на военнослужащих. Этот процесс предполагает проведение диагностики существующей культуры взаимодействия, анализ конфликтных отношений и трансформацию социальных конфликтов в управляемый и рациональный формат, что способствует снижению социальной напряженности и повышению эффективности служебно-трудовой деятельности.

В рамках структурных подразделений военной организации необходимо разрабатывать и внедрять стратегии, направленные на целевое формирование культуры профессионального взаимодействия. Данная задача носит социокультурный характер и требует интеграции различных разделов специализированных проектов. При этом каждая проблемная задача социокультурного проекта тесно связана со стратегией управления конфликтными ситуациями, что обуславливает необходимость урегулирования социальных противоречий, возникающих в процессе распределения ресурсов, получения доходов и оптимизации служебно-трудовых отношений.

Таким образом, решение задач социокультурного проектирования предполагает не только формирование бесконфликтной среды, но и создание механизмов, обеспечивающих гармонизацию интересов военнослужащих, что в конечном итоге способствует укреплению социальной сплоченности и повышению эффективности профессиональной деятельности в воинских коллективах.

В современных условиях актуализируется необходимость перехода от фрагментарной (периодически функционирующей) модели к комплексной (постоянно действующей) системе проектного целевого формирования культуры бесконфликтного взаимодействия военнослужащих.

Комплексная модель проекта, ориентированного на формирование культуры бесконфликтного взаимодействия в воинских коллективах, включает три основных направления: аналитико-проектный блок, образовательно-информационный блок, контрольно-регулятивный блок.

В свою очередь наполнение этих проектных направлений должно в себя включать следующие блоки:

1. Аналитико-проектный блок: проведение комплексного социологического исследования для оценки текущего состояния культуры взаимодействия в воинских подразделениях; разработку и внедрение обновленных ценностных ориентиров, поведенческих стандартов и принципов профессиональной коммуникации, направленных на минимизацию конфликтных ситуаций и укрепление социальной интеграции.

2. Образовательно-информационный блок: целенаправленное развитие профессиональных компетенций военнослужащих в области бесконфликтного взаимодействия; внедрение просветительных программ, способствующих формированию конфликтологической готовности, включая развитие навыков самоконтроля, саморегуляции и адаптивного поведения у представителей различных статусных групп.

3. Контрольно-регулятивный блок: организация систематического мониторинга и анализа поведения военнослужащих с использованием со-

циологических методов; выявление и предотвращение деструктивных поведенческих моделей среди отдельных групп военнослужащих; расширение инструментов социального контроля за конфликтными ситуациями, включая привлечение внешних субъектов, таких как СМИ, военные профсоюзы и общественные организации; стимулирование развития практик самопрофилактики и саморегуляции, направленных на предотвращение служебно-трудовых конфликтов.

Реализация указанных направлений способствует созданию устойчивой социокультурной среды воинских коллективов, определяющей оптимизацию процессов формирования культуры бесконфликтного взаимодействия. Последнее призвано не только снижать уровень социальной напряженности, но и укрепляет профессиональную сплоченность, повышая общую эффективность служебной деятельности воинских подразделений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Карпов О.Г. Особенности конфликта в воинском коллективе / О.Г. Карпов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 2(10). С. 134–138.
2. Магомедов М.К. Государственное регулирование межэтнических конфликтов в условиях перехода России к информационно-цифровому обществу / М.К. Магомедов // Дыльновские чтения: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 12 февраля 2019 года. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2019. С. 340–346.
3. Стрелкова Е.И. Культурная среда и ее системообразующие компоненты / Е.И. Стрелкова // Теория и практика общественного развития. 2014. –№ 13. С. 121–122.
4. Кузнецов Н.И. Социальная адаптация курсантов как социологическое явление / Н.И. Кузнецов // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 101–107.
5. Пихтелев А.М. Ценностные ориентации военнослужащих в современных условиях / А.М. Пихтелев; Под общей редакцией А.В. Евстифеева // Актуальные проблемы военных и социальных наук: Сборник трудов Межвузовской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Саратов, 23 апреля 2020 года. Саратов : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2020. Т. 2(2). С. 79–82.
6. Быченко Ю.Г. Пути совершенствования культурно-досуговой работы с курсантами в условиях роста социальной напряженности в обществе / Ю.Г. Быченко // Primo Aspectu. 2023. № 4(56). С. 19–25.
7. Бандурин А.П. Социальная регуляция (Рациональное и иррациональное): специальность 09.00.11 «Социальная философия» : дис. ... на соиск. ученой степени доктора философских наук / Бандурин Александр Петрович. Ростов-н/Д., 2005. 363 с.
8. Башарина А.В. Управление социальной напряжённостью персонала современного вуза, реализующего дистанционные образовательные технологии : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Рукопись]. М. : СГА, 2005. 26 с.
9. Барановски М.В. Социальные аспекты отношений доверия в процессе руководства воинским подразделением / М.В. Барановский, В.И. Веремчук // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2015. № 1(24). С. 94–99.
10. Хвостанцев С.В. Профессиональная адаптация офицеров национальной гвардии России / Т.М. Баландина, С.В. Хвостанцев // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3(67). С. 167–171.

11. Баландина Т.М. Управленческое конструирование организационной культуры воинского подразделения / Т.М. Баландина, А.Н. Болдырев // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 32–35.
12. Вебер М. Хозяйство и общество. Глава II. Основные социологические категории хозяйствования / М. Вебер // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 1. С. 46–68.

References:

1. Karpov O.G. Features of conflict in a military collective / O.G. Karpov // Science of Man: Humanitarian Research. 2012. № 2(10). P. 134–138.
2. Magomedov M.K. State regulation of interethnic conflicts in the context of Russia's transition to an information and digital society / M.K. Magomedov // Dylnovsky Readings: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, February 12, 2019. Saratov : Saratovsky Isthchnik Publishing House, 2019. P. 340–346.
3. Strelkova E.I. Cultural environment and its system-forming components / E.I. Strelkova // Theory and practice of social development. 2014. № 13. P. 121–122.
4. Kuznetsov N.I. Social adaptation of cadets as a sociological phenomenon / N.I. Kuznetsov // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2017. Vol. 17. № 5. P. 101–107.
5. Pikhtev A.M. Value orientations of military personnel in modern conditions / A.M. Pikhtev; Under the general editorship of A.V. Evstifeev // Actual problems of military and social sciences: Collection of works of the Interuniversity scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Saratov, April 23, 2020. Saratov : Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education «Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation», 2020. Vol. 2(2). P. 79–82.
6. Bychenko Yu.G. Ways to improve cultural and leisure work with cadets in the context of growing social tension in society / Yu.G. Bychenko // Primo Aspectu. 2023. № 4(56). P. 19–25.
7. Bandurin A.P. Social regulation (Rational and irrational): specialty 09.00.11 «Social Philosophy» : dis. ... for the degree of Doctor of Philosophy / Bandurin Alexander Petrovich. Rostov-on/D., 2005. 363 p.
8. Basharina A.V. Managing social tension of the personnel of a modern university implementing distance learning technologies : abstract of dis. ... candidate of sociological sciences [Manuscript]. M. : SGA, 2005. 26 p.
9. Baranovsky M.V. Social aspects of trust relations in the process of managing a military unit / M.V. Baranovsky, V.I. Veremchuk // Scientific and educational problems of civil defense. 2015. № 1(24). P. 94–99.
10. Khvostantsev S.V. Professional adaptation of officers of the Russian National Guard / TM Balandina, SV Khvostantsev // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2017. № 3(67). P. 167–171.
11. Balandina T.M. Managerial construction of the organizational culture of a military unit / T.M. Balandina, A.N. Boldyrev // Social and humanitarian knowledge. 2023. № 11. P. 32–35.
12. Weber M. Economy and society. Chapter II. Basic sociological categories of management / M. Weber // Economic sociology. 2005. Vol. 6. № 1. P. 46–68.

Информация об авторе

Передумов Михаил Андреевич
преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт войск
национальной гвардии Российской Федерации
ORCID 0000-0003-0886-2126
svki@rosgvard.ru

Mikhail A. Peredumov
Lecturer at the Department
of Theory and History of State and Law,
Saratov Military Order of Zhukov
of the Red Banner Institute of the National Guard
of the Russian Federation
ORCID 0000-0003-0886-2126
svki@rosgvard.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-20>

УДК 316.4

Attribution

cc by

ИМИДЖ РЕГИОНА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тыкин А.А.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Актуальность. Процесс формирования имиджа региона, страны, территории не достаточно исследован в социологии. Понятие «имидж региона», признанное в обществоведческой науке, несколько аморфно ввиду отсутствия методологической определенности, однообразия интерпретации, а существующие разработки неоднородны, что не позволяет отнести их к сложившейся системе взглядов. Цель и задачи работы состоят в теоретико-методологическом анализе имиджа региона; выделении проверяемых опытным путем показателей имиджа региона и его классификации. Выводы. Имидж региона – это образующийся по отношению к определенной территории специфичный исторический, политический, социально-экономический, природно-климатический, этнографический, морально-психологический набор убеждений и ощущений. Субъективные представления о территории проживания возникают из личного опыта, или из информации, полученной от очевидцев, материалов СМИ и т.д.

Ключевые слова: имидж, регион, массовая коммуникация, бренд региона, имиджевые структуры, символический интеракционизм.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

IMAGE OF THE REGION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE RESEARCH

Anatoly A. Tykin

Kuban State Technological University

Abstract. Relevance. The process of forming the image of a region, country, territory has not been sufficiently studied in sociology. The concept of the image of a region, recognized in social science, is somewhat amorphous due to the lack of methodological certainty, uniformity of interpretation, and existing developments are heterogeneous, which does not allow them to be attributed to the established system of views. The purpose and objectives of the work are to theoretically and methodologically analyze the image of a region; identify empirically verifiable indicators of the image of a region and its classification. Conclusions. The image of a region is a specific historical, political, socio-economic, natural and climatic, ethnographic, moral and psychological set of beliefs and feelings formed in relation to a certain territory. Subjective ideas about the territory of residence arise from personal experience, or from information received from eyewitnesses, media materials, etc.

Keywords: image, region, mass communication, regional brand, image structures, symbolic interactionism.

Funding: Independent work.

Введение.

Процесс формирования имиджа региона, страны, территории не достаточно исследован в социологии. Есть несколько защищенных диссертаций, как правило, касающихся отдельных регионов страны. Существует ряд работ по политологии, филологии, журналистики. Каждое из названных направлений смотрит на объект исследования под собственным углом зрения. Нас же интересуют теоретико-методологические ас-

пекты формирования имиджа региона в контексте социального взаимодействия.

Обсуждения. Результаты.

Носитель определенного имиджа, желающий получить поддержку и одобрение какой-то группы, должен совмещать две противоречивые тенденции: с одной стороны, он некий идеал олицетворяющий общность, с другой, такой же, как и все, проживающий их жизнь. Идеализация и

© Тыкин А.А.

отождествление с определенной общностью, выступают основой конструирования имиджа.

Происходит трудный процесс идеализации и идентификации «Я» с социальной группой, что является первостепенным в формировании имиджа. Это актуально и для имиджа региона, при роду которого сложно понять вне концепции «социального Я» [1].

Р.Н. Мингалеев предлагает понятие «региональное Я», в качестве одной из форм «группового Я», что выводит нас на исследование центральной части нашей работы – имидж региона.

Разговор об имидже в привычном звучании, это имидж человека, организации, кампании. Воспринимая имидж как «идеальное Я», можно вести разговор и о социальных группах, территориальном социуме, государстве, если они обладают собственной идентичностью, а они не могут ею не обладать. Имидж региона – это нечто иное чем «идеальное региональное Я», а процесс его формирования, это процесс «идеализации регионального Я» [1].

Под имиджем региона следует понимать совокупность черт, эмоциональных и рациональных представлений, появляющихся при сравнении имеющихся признаков, которыми обладает территория, слухов, повседневного опыта, содействующих формированию определенного образа [2].

А.А. Добрикова представляет имидж региона как: «в эстетическом отношении привлекательный, эмоционально наполненный, рационально формируемый, транслируемый путем социокультурной коммуникации, основанный на социокультурном укладе региона, представленном в знаковой форме постоянных показателей [3].

Среди значимых для имиджа региона признаков выделены: рациональность в процессе формирования, эстетичность, эмоциональность, знаковая, неизменяемые параметры. Среди выделенных признаков дискуссионным остается «неизменные показатели», так как на формирование имиджа оказывает влияние и динамический процесс.

И.С. Важенина понимает под имиджем территории, «образующийся по отношению к определенной территории специфичный исторический, политический, социально-экономический, природно-климатический, этнографический, морально-психологический набор убеждений и ощущений. Субъективные представления о территории проживания возникают из личного опыта, или из информации, полученной от очевидцев, материалов СМИ и т.д. [4]. В данном определении, из основных источников распространения имиджа выделены: информация, подаваемая СМИ; личный опыт взаимодействия субъекта; слухи.

А.В. Сасим предлагает, пожалуй, самое краткое определение имиджа: «Имидж – это образ (тер-

ритории, региона, страны) в представлении различных групп населения. Сформированный верно и рационально, он выступает эффективным механизмом воздействия на массовое сознание» [5].

Автор не различает имидж и образ, акцентирует на функционале имиджа, или на результатах, которые можно получить используя его в плане воздействия на массовое сознание.

Анализ интерпретаций имиджа, позволяет выделить основные признаки, это акцент на внедрение в сознание большой аудитории, целенаправленность формирования, оценочность. Среди основных элементов конструирования имиджа региона, можно выделить: культурный, политический, экономический, криминальный, главы региона. Зачастую, какой-то из них преобладает над другими, допустим руководителя региона, это бывает в тех случаях, когда лидер региона яркая политическая личность.

Условно можно выделить три типа имиджа региона: целенаправленно проектируемый, идеальный для общественного сознания и реальный.

Из элементов имиджа региона выделяются объективная и субъективная составляющие. Основной объективной составляющей выступает комплекс конкурентных преимуществ и упущений: уровень развития социальной сферы, экспортный потенциал территории, производственные и транспортные возможности, интеллектуальный потенциал, инвестиционная привлекательность и т.п. Преимущества повышают конкурентные возможности региона, а упущения и недостатки уменьшают возможности рыночных отношений.

Субъективная составляющая, зависит от следующих факторов: личного опыта и наблюдений, эмоционального восприятия зарубежных и отечественных туристов, предпринимателей; работы органов власти, отдельных лиц, проявляющих политические амбиции и способности; односторонняя характеристика позитивного/негативного характера в средствах массовой информации.

С позиции синергетического подхода, имидж региона формируется под влиянием внутренней и внешней флуктуации. Внутренняя флуктуация – самоуправление внутри региона, самоорганизация. Внешняя флуктуация - посредством государственной информационной политики, властное государственное управление.

В социологии под имиджем региона понимаются обобщенные, суммарные представления о географической территории и проживающей там социальной группе. Сформированный в массовом сознании, в качестве устойчивого образования, имидж региона оказывает влияние на население, моделирует и манипулирует его реакцией, создает к определенной территории и проживающим там людям, социально-психологическую установку определенной направленности. Имиджем региона целенаправленно формируемое

заинтересованными акторами и распространяемое при помощи средств массовой информации позитивное представление о территории, которое будет способствовать увеличению ее культурного, социального, экономического, политического и иных статусов.

Е.В. Бондаренков качестве наиболее перспективных выделяет два уровня исследования имиджа территории: социологический и культурный. На первом уровне (социологическом) под образом территории понимаются обобщенные представления о городе, крае, области, республике, социальной группе, местном населении. Формируемый целенаправленно социологический образ называют имиджем. На культурном уровне, образ территории предстает в виде совокупности символов и архетипов, имеющих отношение к ней, собранных и репрезентированных посредством продуктов разного вида творчества, документальных источников, а также местных городских ландшафтов, архитектурных памятников [6].

Социологический и культурный подходы к определению имиджа региона тесно взаимосвязаны. В основе распространения, корректировки массового социального образа региона, лежит культурный образ. Потребителями представлений, сформированных культурными носителями, выступают социальные носители. Исходя из этого, имидж региона можно определить, как воспроизводимый в индивидуальном и массовом сознании, устойчивый комплекс убеждений, представлений рационального или эмоционального характера существующих по отношению к какому-то региону. Основу имиджа, составляют личный опыт и впечатления, плюс содержащаяся в различных источниках информация о регионе. Это эмоциональный, искусственный образ существующий в общественном сознании.

Следующие признаки позволяют классифицировать имидж региона:

1. По воспринимаемому образ субъекту имидж подразделяется на внешний и внутренний. Носителями внешнего образа выступают туристы, население из другой местности. Носителями внутреннего образа выступает население данного региона. Формируемый целенаправленно имидж региона в этом контексте можно отличать на принимаемый и подаваемый. Мнения населения других территорий о регионе составляют принимаемый имидж. Мнение населения о восприятии их региона остальным населением отражает подаваемый имидж.

2. Индивидуальный и групповой имидж отличаются и выделяются по количеству носителей образа региона. Любой индивидуальный образ индивидуален, его содержание, как правило, не передается другим, но в общих чертах соответствует групповому, общественному имиджу. Путем наложения разных имиджей группового и индивидуального характера создается общественный имидж.

3. Образ региона по восприятию можно разделить на неоощуаемый и оощуаемый. Эмоциональная связь с местом составляет неоощуаемый образ, основы которого в большей мере формируют СМИ.

Оощуаемый образ возникает на основе следующих чувств: возможности увидеть, дотронуться, услышать, осязать, почувствовать.

Внешний имидж формируется зарубежными и федеральными средствами массовой информации, внутренний главным образом региональными СМИ.

Важным показателем имиджа региона выступает его репутация, которая формируется продолжительное время, являясь изменяющейся характеристикой жизни региона. Формируется репутация посредством существующей информации, личного опыта взаимодействия людей, различных социальных групп. Хорошая репутация, есть конкурентное преимущество территории, в плане продвижения своих интересов разными акторами.

Немаловажен и бренд (абстрактное название, комплекс мнений, эмоций, представлений, ассоциаций, ценностных характеристик объекта, либо услуге в сознании людей) территории, элементом которого выступает репутация. Бренд региона формируется на базе позитивного имиджа, является можно сказать активом, существенным фактором конкурентных преимуществ.

Выделяют проверяемые опытным путем показатели имиджа региона:

1. Статус региона, определяется уровнем развития ресурсного потенциала, культурной, образовательной, научной, экономической, политической и др. сфер; существующими связями и отношениями как внутри страны, так и за ее пределами.

2. Облик региона – историческое наследие, природа, географическое местоположение, архитектура, развитость инфраструктуры и т.д.

3. Региональная власть – авторитет и степень популярности главы региона, как внутри него, так и за его пределами; эффективность работы властных структур и институтов.

4. Стереотипы восприятия региона местным населением, гражданами страны, возможно и иностранцами.

Это не полный перечень показателей, по которым можно судить о имидже региона, его месте в структуре страны, но он может служить отправной точкой исследования, в процессе которого откроются новые индикаторы.

В образе любого региона есть эти показатели, и ряд других, от которых зависит его имидж.

Среди специфических свойств которыми обладает имидж региона, подлежащих вниманию при

определении коммуникативных стратегий его формирования можно выделить:

1. Историю региона. Любой регион имеет историческое прошлое и настоящее, собственную судьбу, каждый этап его развития связан с определенным восприятием региона. Образ региона текуч, вместе с тем в каких-то аспектах просматривается его специфика, как органического, не меняющегося целого.

2. Устойчивость и изменчивость региона. Устойчивость региона связана с его известностью, местом в хозяйственных отношениях и существующих стереотипов. В то же время имидж не статичен, формируется целенаправленно или стихийно. Факторы перемен: технические изменения, социально-экономическая ситуация, государственная политика.

4. Системность. Системность региона определяется взаимосвязанностью составляющих его частей, изменения в которых приводит к изменениям в системе.

5. Зависимость имиджа региона от объективных характеристик регионального развития, которые необходимо учитывать: экономики, населения, культуры, образования, власти, инфраструктуры, географии, исторического прошлого.

В.Г. Бондаренко акцентирует на пяти составляющих имиджа региона:

– на географической составляющей – представления населения о положении региона, граничащих с ним территорий. Подобные представления, это географическая память, состоящая из знаний о положении региона. Образы регионов, воспринимаются в качестве особых самостоятельных единиц, со своей культурой;

– на культурной составляющей имиджа региона, которую представляют религия, этнический компонент, образ жизни, образование;

– на исторической составляющей имиджа региона, которую представляют важные события,

происходившие на территории, запечатленные в памяти поколений; экономическая составляющая включает хозяйственную деятельность, являющуюся символом или визитной карточкой региона, отличающего его от других территорий [6].

Заключение.

Под имиджем региона следует понимать совокупность черт, эмоциональных и рациональных представлений, появляющихся при сравнении имеющихся признаков, которыми обладает территория, слухов, повседневного опыта, содействующих формированию определенного образа.

Имидж региона – это образующийся по отношению к определенной территории специфичный исторический, политический, социально-экономический, природно-климатический, этнографический, морально-психологический набор убеждений и ощущений. Субъективные представления о территории проживания возникают из личного опыта, или из информации, полученной от очевидцев, материалов СМИ и т.д.

Социологический и культурный подходы к определению имиджа региона тесно взаимосвязаны. В основе распространения, корректировки массового социального образа региона, лежит культурный образ. Потребителями представлений, сформированных культурными носителями, выступают социальные носители.

Исходя из этого, имидж региона можно определить как воспроизводящийся в индивидуальном и массовом сознании, устойчивый комплекс убеждений, представлений рационального или эмоционального характера существующих по отношению к какому-то региону. Это эмоциональный, искусственный образ существующий в общественном сознании. Основу имиджа, составляют личный опыт и впечатления, плюс содержащаяся в различных источниках информация о регионе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Мингалеев Р.Н. Конструирование имиджа региона российскими СМИ (на примере Республики Татарстан) : дис. ... канд. социол. наук. 2004. 157 с.
2. Черная И.П. Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга / И.П. Черная // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 4.
3. Добрикова А.А. Имидж региона в социокультурной коммуникации (на примере Челябинской области) : автореф. канд. культурологи. Челябинск, 2012.

© Тыкин А.А.

4. Важенина И.С. Имидж как конкурентный ресурс территории / И.С. Важенина // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 47–64. С. 48.
5. Сасим А.В. Маркетинг в туристской индустрии: Конспект лекций (для студентов направления подготовки 100400.62 Туризм). Омск, 2013. С. 15.
6. Бондаренко Е.В. Манифестирование имиджа региона средствами массовой информации : дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2012. С. 20. 169 с.

References:

1. Mingaleev R.N. The design of the image of the region by the Russian media (on the example of the Republic of Tatarstan) : dis. ... candidate of sociological sciences. 2004. 157 p.
2. Black I.P. Image marketing as a strategic direction of territorial marketing / I.P. Black // Marketing in Russia and abroad. 2002. № 4.
3. Dobrikova A.A. The image of the region in sociocultural communication (on the example of the Chelyabinsk region) : abstract of a candidate of cultural studies. Chelyabinsk, 2012.
4. Vazhenina I.S. Image as a competitive resource of the territory / I.S. Vazhenina // Marketing in Russia and abroad. 2006. № 6. P. 47–64. P. 48.
5. Sasim A.V. Marketing in the tourism industry: lecture notes (for students of training 100400.62 Tourism). Omsk. 2013. P. 15.
6. Bondarenko E.V. Manifestation of the image of the region with the media : dis. ... candidate of sociological sciences. Stavropol. 2012. P. 20. 169 p.

Информация об авторе

Тыкин Анатолий Алексеевич

аспирант кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
anatoly.mrykin@yandex.ru

Anatoly A. Tykin

Graduate Student of the Department of History,
Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
технологический университет
anatoly.mrykin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-15>
УДК 316.013

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ДИНАМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: КЕЙС ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ясников Н.Н.

Вологодский научный центр РАН

Аннотация. Изучение социального капитала городского сообщества имеет практическое значение, поскольку может дать ответы на вопросы относительно наблюдаемых различий в их социально-экономическом развитии. Информационной базой представленного исследования послужили материалы опросов Вологодского научного центра РАН, проводимые с 2016 по 2021 года. Результаты исследования показали, что до начала пандемии обстановка с социальным капиталом была достаточно благополучная, наблюдался небольшой, но постепенный рост. Пандемия оказала негативное влияние на запасы социального капитала, а после преодоления первичного пандемийного удара население начало восстанавливать свой уровень социального капитала, в некоторых районах даже превзойдя доковидные показатели.

Ключевые слова: социальный капитал, городское сообщество, Вологодская область, промышленный центр, административный центр.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL CAPITAL IN A DYNAMIC MEASUREMENT: THE CASE OF THE VOLOGDA REGION

Nikolai N. Yasnikov

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The study of the social capital of an urban community is of practical importance, since it can provide answers to questions regarding the observed differences in their socio-economic development. The information base of the presented study was the materials of surveys of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, conducted from 2016 to 2021. The results of the study showed that before the start of the pandemic, the situation with social capital was quite prosperous, there was a small but gradual increase. The pandemic had a negative impact on social capital stocks, and after overcoming the initial pandemic impact, the population began to restore their level of social capital, in some areas even surpassing pre-Covid levels.

Keywords: Social capital, Urban community, Vologda region, Industrial center, Administrative center.

Funding: Independent work.

Введение.

В последнее время концепция социального капитала всё более активно изучается научным сообществом, а охватившая мир в 2020 году пандемия коронавируса, заставляющая людей в том числе и держать дистанцию друг от друга, лишь сильнее актуализировала эту идею.

Социальный капитал изучали такие известные ученые как М. Вебер [1], Дж. Коулман [2], Р. Патнем [3], П. Сорокин [4] и Ф. Фукуяма [5].

Первым социологический анализ этой концепции произвёл П. Бурдьё, определив социальный ка-

питал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания или, другими словами, с членством в группе» [6]. Он же обосновал теоретическую возможность конвертации социального капитала в другие формы капитала.

Бурдьё видел концепцию социального капитала в контексте классового анализа и, по его мнению, она служила инструментом (одним из) описания процесса социального структурирования современного общества.

Основную популярность работы Бурдьё получили в конце 1980-х годов после публикаций результатов исследования Дж. Коулмана. Американский социолог рассматривал социальный капитал как сеть взаимосвязей, которые могут быть использованы в качестве инструментов для производства товаров и услуг, и трактовал социальный капитал как культурный потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях – обязательствах и ожиданиях, информационных каналах и социальных нормах [2].

Продолжая исследования Бурдьё, профессор Дюкского университета описывает социальный капитал как «инвестиции в социальные отношения с ожидаемой доходностью на рынке», по мнению исследователя «он должен быть определен как ресурсы, встроенные в социальные структуры, которые доступны и/или мобилизуются в целенаправленных действиях» [7].

«Мировой банк» относит социальный капитал к институтам, отношениям и нормам, которые определяют качество и количество социальных взаимоотношений в обществе и называет его «социальным клеем» способным удерживать общество в его единстве [8].

Сторонники реляционного подхода описывают социальный капитал как способность акторов мобилизовать свои социальные контакты для достижения ценных и значимых ресурсов (материальных, информационных, социальной поддержки, общественного влияния и др.) [9].

Социальный капитал активно изучается исследователями.

Исследование Э. Остром показало, что те общества, в которых образовались высокие запасы социального капитала эффективнее производят общественные блага (в частности, при управлении ресурсами общего доступа) [10].

Экономическую значимость социального капитала измеряли С. Нэк и Ф. Кифер [11], исследование которых обозначило основные направления для многих других работ в этой сфере.

Связь кооперации в обществе со стандартами, предъявляемыми к поведению, изучал Г. Табеллини [12].

Социологи университета Бригама Янга выяснили, что внутрисемейный социальный капитал является одним из доминирующих факторов в формировании подросткового поведения [13].

Исследованием влияния, формирующегося в университетской среде социального капитала на развитие идентичности, занимались Dorthe H. Jensen и Jolanda Jetten [14].

Изучение социального капитала городского сообщества имеет практическое значение, поскольку может дать ответы на вопросы относи-

тельно наблюдаемых различий в их социально-экономическом развитии.

Рассмотрим эти различия и проанализируем имеющиеся данные относительно городских сообществ двух крупных городов Вологодской области – Вологды и Череповца.

Особенностью территориальной организации населения области является двоецентрие¹. Концентрация населения в двух крупнейших городах и их пригородных зонах привела к поляризации пространства, во многом способствовала демографической и экономической деградации остальных территорий области.

Вологда и Череповец представляют собой два полюса развития: Вологда – административная и культурная «столица» области, Череповец – промышленный центр региона. Череповец рос быстрее в советское время, Вологда усилила свое развитие в переходный период.

Различия в развитии городов сказываются не только в социально-экономической сфере, но и с точки зрения характера ментальности их жителей, общественных интересов. Сложившуюся ситуацию можно считать во многом уникальной, что создает перспективные возможности для социологических исследований на территории региона.

Вологда и Череповец, находясь в границах одной области, имеют много общего, например, по таким характеристикам, как численность населения, численность занятых, транспортные коммуникации и т.д. Но все же, у них больше различий по самым разным показателям. Наиболее существенные различия лежат в культурно-исторической и экономической сферах.

Вологда отсчитывает свою историю, начиная с XII столетия. В городе сохранилось 224 памятника истории, культуры и архитектуры, около 100 из них являются памятниками федерального значения². В настоящее время Вологда включена в перечень городов, обладающих особо ценным наследием. Как полноценная административная единица, Вологодская область конституируется в 1937 г. В ходе реформы территориального устройства, в эти годы в состав области был включен и Череповецкий район.

С распадом СССР Вологодская область стала субъектом РФ, за Вологодой остался статус областного центра [15].

История Череповца как будущего индустриального города, входящего, по данным на 2011 г., в первую десятку крупнейших промышленных цен-

¹ Социальный атлас российских регионов. Вологодская область. URL : http://atlas.socpol.ru/portraits/volgd.shtml#social_sphere

² Историко-культурное наследие Вологодской области. URL : <http://cultinfo.ru/nasledie/register.htm> (дата обращения 16.03.2021).

тров страны, складывалась иначе. Череповецкий посад получил статус города лишь в 1777 году в границах Новгородской губернии. Экономическое значение города возросло с созданием Мариинской водной системы. Строительство Волго-Балта превратило его в крупный промышленный порт. Череповец получил бренд «Города пяти морей». Со строительством металлургического завода поменялся тип города. Из провинциального малого города он превратился в крупный

промышленный центр. Тем самым, был дан импульс для его дальнейшего развития [15].

Череповец стал развиваться на новой основе по модели индустриальных городов советского периода: черная металлургия, в комплексе с коксохимией, стала стержнем функциональной структуры Череповца [16]. Строительство крупного предприятия чёрной металлургии при нехватке трудовых ресурсов обусловило масштабные миграционные процессы (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности жителей гг. Вологды и Череповца в 1939–2020 гг. (тыс. чел.)

Год	г. Вологда	г. Череповец
1939	95,0	32,0
1959	139,1	92,4
1970	177,8	188,3
1979	236,5	265,9
1989	282,8	310,4
1999	301,0	324,0
2009	286,2	309,0
2015	311,2	318,1
2016	320,7	318,5
2020	310,3	314,8

Источник: Данные Вологдастата.

В экономическом отношении города различаются также весьма значительно. В совокупном объеме производства промышленной продукции Вологодской области город Череповец занимает 1 место – его доля 70 %, Вологда занимает 2 место с долей в 10,0 %. Большая часть населения г. Череповца занята на производстве и в строительстве. Структура занятости в Вологде иная, поскольку именно там сосредоточены образовательные учреждения, областные и городские медицинские учреждения.

В определенной мере, «столичный» статус города и его жителей в настоящее время поддерживается развитием новых брендов. Наиболее популярными стали проекты «Вологда – новогодняя столица России (Русского Севера)», «Вологда – кружевная столица России» и др. На решение этой задачи направлен проект «Вологда – культурная столица Русского Севера» реализация которого заложена в соответствующую программу¹. Фактически между городами произошло разделение функций: административные и культурные сосредоточены в Вологде, экономические в Череповце.

Методология.

Информационной базой для проведения исследования послужили опросы, проведенные ВолНЦ РАН в рамках гранта РФФИ № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» в 2020 и 2021 году.

Опрос 2020 года проводился в Вологде и Череповце, а также среди 8 районов области. Объем выборки – 1918 человек.

В 2021 году опрос проводился в Вологодской области, охватив административный центр – Вологду, индустриальный центр – Череповец и 5 малых городов – Никольск, Сокол, Великий Устюг, Шексну и Грязовец. Выборка составила 1550 человек.

В 2019 году в Вологодской области было проведено исследование, посвященное изучению социального капитала «Барьеры гражданского участия, механизмы преодоления на региональном уровне». Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с половозрастной структурой взрослого населения.

В 2017 году Опрос проводился только в крупнейших городах Вологодской области – Вологде и Череповце. Выборка составила 600 человек.

В 2016 году проводился опрос «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» в городах Вологде и Череповце, а также – в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Выборка квотная по полу и возрасту, объем выборки составляет 1500 человек.

На основании полученных данных респонденты были распределены на пять групп, в зависимости от их уровня социального капитала (подробнее об используемой модели социального капи-

¹ Историко-культурное наследие Вологодской области. URL : <http://cultinfo.ru/nasledie/register.htm> (дата обращения 16.03.2021).

тала см. [14], о методике расчетов [18, с. 113–114].

Для того, чтобы охарактеризовать социальный капитал населения Вологодской области, которая считается одной из самых развитых среди регионов Северо-Западного федерального округа (*Рейтинг социально-экономического положения регионов*. URL : <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html>), мы изучили динамику его изменения в различных точках области. Районы области будут рассматриваться на фоне двух крупных городов областного значения - Вологды и Череповца, что фактически представляют собой два полюса развития: Вологда – административная и культурная «столица» области, Череповец – промышленный центр региона. Города различаются по уровню развития в социально-экономической сфере, по характеру ментальности их жителей, по общественным интересам. Вологда и Череповец, находясь в границах одной области, схожи по таким характеристикам, как численность населения, численность занятых, транспортные коммуникации и т.д. Сложившуюся ситуацию можно считать во многом уникальной, что создает перспективные возможности для социологических исследований на территории региона. Всего в составе области находятся 15 городов и 8 поселков городского типа, они являются центрами муниципальных образований. За исключением упомянутых Во-

логды и Череповца – это города или посёлки с численностью населения до 50 тыс. человек. Такое количество жителей образует весьма значимую социальную группу общества, что определяет важность и необходимость ее исследования.

Анализ данных.

Для изучения социального капитала населения Вологодской области мы обратимся к пятилетнему опыту наблюдений, в процессе которых регулярно высчитывался уровень социального капитала респондентов. С учетом исследовательской модели, был дан анализ распределения социального капитала в зависимости от территориальной принадлежности его носителей (внутри региона). Исследование 2016 года показало, что в области сравнительно высокие показатели социального капитала. В крупных городах порядка трети респондентов обладали социальным капиталом высокого или выше среднего уровня, однако нельзя не обратить внимание на тот факт, что в районах таких людей было только около 1/5 и из-за этого, в среднем по области, доля людей с социальным капиталом высокого или выше среднего уровня составила четверть населения.

Общее количество обладателей социального капитала минимального и ниже среднего уровня примерно одинаково во всех районах Вологодской области (рис. 1).

2016

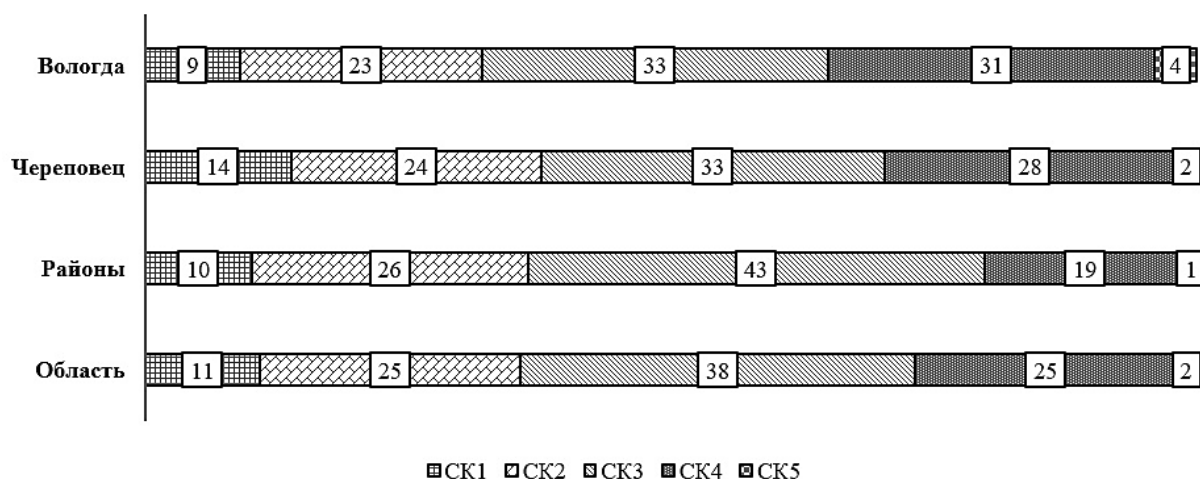

Рисунок 1 – Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2016 году

В 2017 году исследование проводилось только в крупнейших городах Вологодской области. В сравнении с предыдущим годом, в Вологде произошел сдвиг доли носителей в сторону более высокого уровня социального капитала. Череповец, в свою очередь, отметился некоторым «усреднением» изучаемого показателя – обладателей минимального и максимального уровней социального капитала стало несколько меньше, в то время как количество людей со средним уровнем увеличилось (рис. 2).

В 2019 году был сделан вывод о том, что за рассматриваемые три года ситуация с социальным капиталом в Вологодской области показала позитивную тенденцию к увеличению доли носителей социального капитала высокого и относительно высокого уровня. На 4 % уменьшилось количество носителей социального капитала первого уровня (низшего), при этом количество обладателей социального капитала пятого уровня (высокого) возросло на 2 % (рис. 3). Это может

свидетельствовать, о том, что в области есть потенциал к дальнейшему улучшению ситуации в этом плане, особенно если предпринимать

целенаправленные действия, способствующие накоплению социального капитала населением.

2017

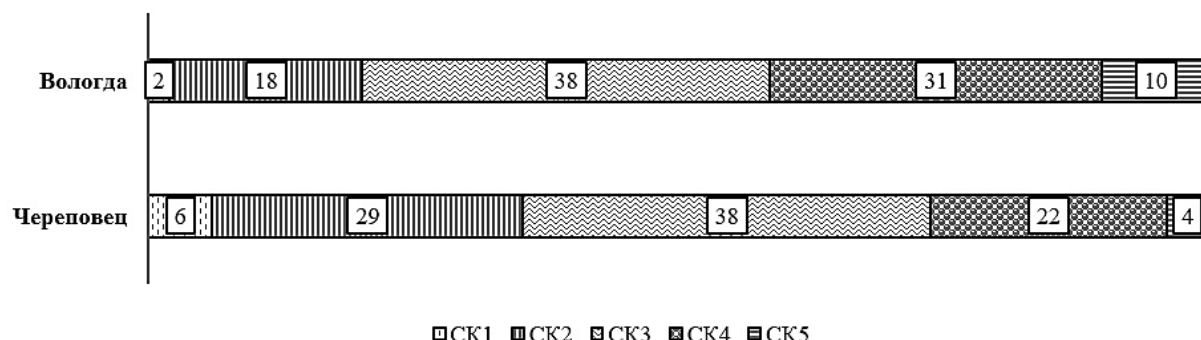

Рисунок 2 – Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в городах Вологодской области в 2017 году

2019

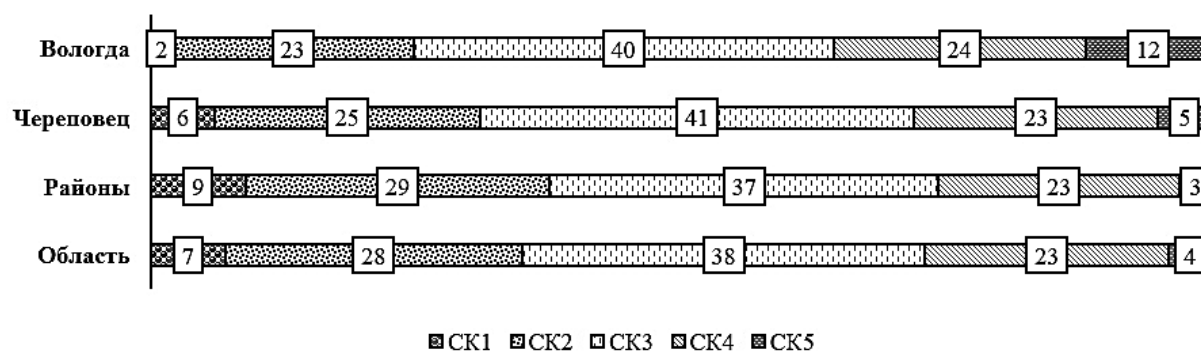

Рисунок 3 – Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2019 году

В процессе изучения населения Вологодской области, нами было установлено соотношение обладателей социального капитала в различных точках проведения исследования. Ожидается, что большинство респондентов обладают социальным капиталом среднего уровня, в то время как наименее многочисленными являются представители крайних позиций шкалы.

Подобно 2016 году, Вологда продемонстрировала наилучшие показатели социального капитала.

В Череповце значительно снизилось количество обладателей социального капитала минимального уровня.

Как показали результаты исследования, социальный капитал общностей, входящих в территориальное сообщество региона может быть неоднороден, что говорит о его неравномерном распределении между обладателями и одним из факторов, влияющих на его состояние и объем является территория проживания и масштаб поселения.

В 2020 году анализ социального капитала населения Вологодской области показал некоторое падение его уровня в сравнении с докоронавирусным 2019 годом (рис. 4). Если в 2019 году в Вологодской области более четверти населения обладали относительно высоким и максимальным уровнем социального капитала, то в 2020 году таких респондентов едва набралась пятая часть.

Количество респондентов с низким и минимальным уровнем социального капитала, напротив, возросло с чуть более чем трети до без малого половины опрошенных (45 %).

Количество людей со средним уровнем социального капитала, незначительно сократилось.

Пандемический год нанес социальному капиталу серьезный ущерб. Самоизоляция, ограничения контактов, дистанцирование привели к ощутимым потерям в социальных отношениях. Усилилась настороженность, психологическая напряженность. Резко увеличилась доля негативных суждений, что и отразилось на снижении индекса

социального капитала региона. Значительно снизилась доля тех, кто ранее входил в группы с высоким и относительно высоким социальным

капиталом; соответственно, выросла доля тех, кто вошел в группы, обозначенные социальным капиталом низкого и минимального уровня.

2020

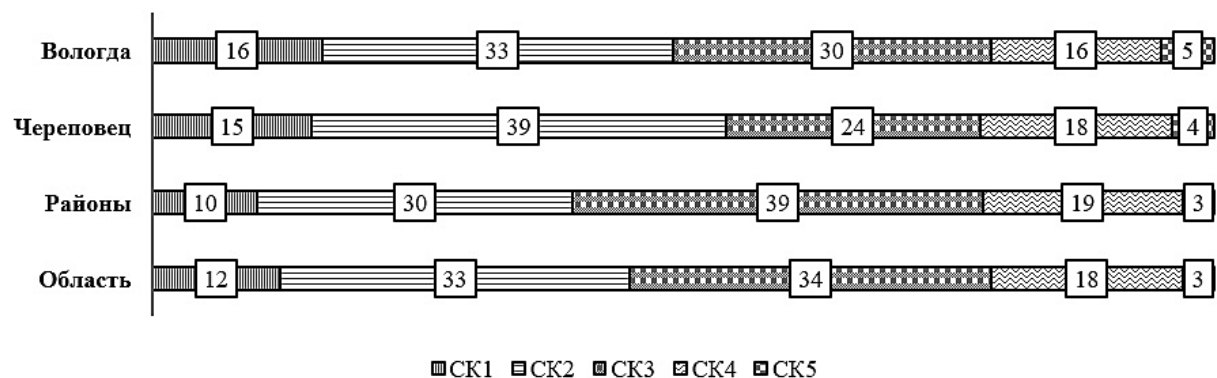

Рисунок 4 – Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2020 году

Изучение населения Вологодской области показало, что количество накопленного социального капитала в 2021 году увеличилось в сравнении с первым годом пандемии, однако, «допандемийный» уровень пока не достигнут. Число носителей социального капитала минимального и низкого уровня хотя и существенно сократилось, но всё ещё превышает показатели 2019 года (рис. 5). По состоянию на момент 2021 года мы можем наблюдать, что почти 1/10 часть жителей Вологодской области являются обладателями минимального уровня социального капитала, т.е.

не могут никому доверять (ни людям, ни институтам), не могут никуда обратиться за помощью, не готовы объединяться с другими людьми и не считают себя способными повлиять на свою собственную жизнь в значимых масштабах. Чуть больше четверти опрошенных продемонстрировали обладание социальным капиталом высокого и относительно высокого уровня, им свойственна высокая готовность к объединению, уверенность в возможности оказать влияние на свою жизнь и положительный опыт в вопросе межличностного и институционального доверия.

2021

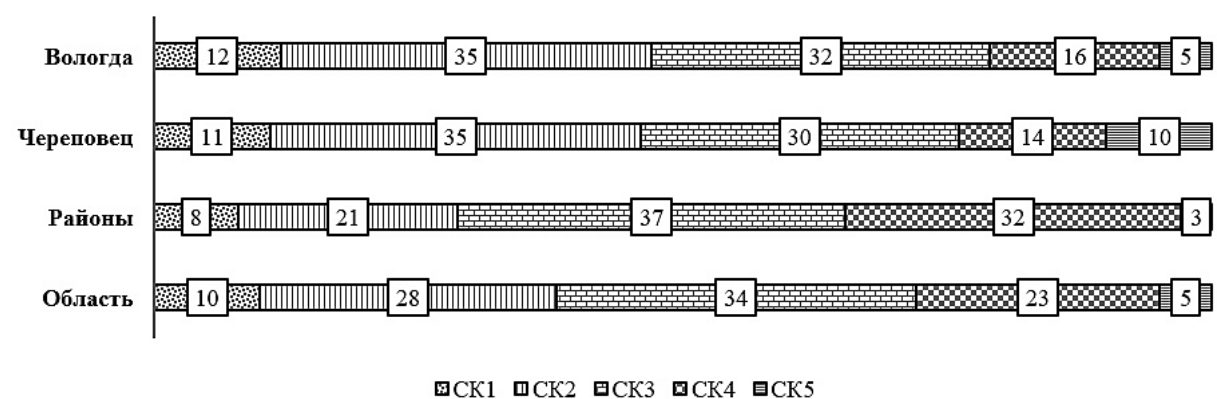

Рисунок 5 – Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2021 году

Позитивная динамика в сравнении с кризисным 2020 годом, позволяет делать оптимистические прогнозы относительно будущего социального капитала жителей региона. Пережив первый год пандемии, в 2021 году население Вологодской области начало постепенно восстанавливать утраченные уровни социального капитала, однако, на данный момент ещё не смогло выйти на доковидные показатели социального капитала.

Следует отметить, что сказанное в большей степени относится к жителям крупных городов.

В районах ситуация напротив, изменилась в лучшую сторону, как за счет более низкого падения уровня социального капитала в пандемию (в сравнении с крупными городами), так и за счет более высоких темпов восстановления в постковидный период.

В 2021 году жители районов Вологодской области смогли улучшить показатели социального капитала, превзойдя даже уровень доковидного 2019 года.

Заключение.

Таким образом наше исследование позволило обнаружить, что обстановка с социальным капиталом в Вологодской области достаточно благополучная. До начала пандемии область демонстрировала небольшой, но стабильный рост социального капитала у жителей. Пандемия коро-

навируса и вызванные ею ограничения оказались мощным ударом по запасам этого нематериального ресурса, однако, после преодоления первичного ковидного «шока» население начало с переменным успехом восстанавливать свой уровень социального капитала.

В крупнейших городах области, административном и промышленном центрах, восстановление шло несколько меньшими темпами, в то время как в районах темпы роста социального капитала в постпандемийный период позволили превысить показатели допандемийного этапа.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
3. Putnam D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA : Princeton University Press. 122 p.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соромонов; Пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
5. Fukuyama, Francis. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New-York : Free Press. 1995. 457 p.
6. Bourdieu, Pierre. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital*, in: Kreckel, Reinhard (ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)*. Goettingen : Otto Schwartz & Co. 1983. P. 183–198.
7. Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
8. Woolcock M. *Measuring Social Capital / M. Woolcock // An Integrated Questionnaire*. WorldBank, Washington D.C., 2003.
9. Brunie A. *Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective and generalized social capital / A. Brunie // Social science research*. Amsterdam, 2009. Vol. 38. № 2. P. 252.
10. Ostrom E. *Collective Action and the Evolution of Social Norms / E. Ostrom // Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14. № 3. P. 137–158.
11. Knack S. *Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, Ph. Keefer // Quarterly Journal of Economics*, 1997. Vol. 112. № 4. P. 1251–1288.
12. *Social Capital and Political Accountability*. CEPR Discussion Papers / T. Nannicini, A. Stella, G. Tabellini, U. Troiano. 2010. № 7782.
13. *Examining the Effects of Family and School Social Capital on Delinquent Behavior / M.J. Dufur, J.P. Hoffmann, D.B. Braudt, T.L. Parcel, K.R. Spence // Deviant Behavior*. 2015. № 36:7. P. 511–526.
14. *Jensen D.H. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation D.H. / Jensen, J. Jetten // Front. Psychol*. 2015. Vol. 6. 126 p.
15. *Вологда и Череповец: городская жизнь в восприятии населения: препринт / Под науч. рук. д.э.н. А.А. Шабуновой; Кол. авт. Вологда : ИСЭРТ РАН. 2016. 120 с.*
16. Колокольчикова Р.С. *Череповец как феномен индустриального города (сер. 1960 – сер. 1980) : монография*. Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ. 2009. 275 с.
17. *Региональный социальный капитал в условиях кризиса / Т.А. Гужавина [и др.]. Череповец : ЧГУ, 2018. 220 с.*
18. Ясников Н.Н. *Связь социального капитала с коллективными действиями в молодежной среде. Кейс Вологодской области / Н.Н. Ясников, Т.А. Гужавина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2022. Т. 8. № 2. С. 106–123.

References:

1. Weber M. *Selected Works*. M. : Progress, 1990. 808 p.
2. Coleman J. *Social and Human Capital / J. Coleman // Social Sciences and Modernity*. 2001. № 3. P. 121–139.

3. Putnam D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, New Jersey, USA : Princeton University Press. 122 p.
4. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society / P.A. Sorokin; General editor, compiler and foreword by A.Yu. Sogomonov; Transl. from English. M. : Politizdat, 1992. 543 p.
5. Fukuyama, Francis. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New-York : Free Press. 1995. 457 p.
6. Bourdieu, Pierre. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Goettingen : Otto Schwartz & Co. 1983. P. 183–198.
7. Lin N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
8. Woolcock M. Measuring Social Capital / M. Woolcock // An Integrated Questionnaire. WorldBank, Washington D.C., 2003.
9. Brunie A. Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective and generalized social capital / A. Brunie // Social science research. Amsterdam, 2009. Vol. 38. № 2. P. 252.
10. Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms / E. Ostrom // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. № 3. P. 137–158.
11. Knack S. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, Ph. Keefer // Quarterly Journal of Economics, 1997. Vol. 112. № 4. P. 1251–1288.
12. Social Capital and Political Accountability. CEPR Discussion Papers / T. Nannicini, A. Stella, G. Tabellini, U. Troiano. 2010. № 7782.
13. Examining the Effects of Family and School Social Capital on Delinquent Behavior / M.J. Dufur, J.P. Hoffmann, D.B. Braudt, T.L. Parcel, K.R. Spence // Deviant Behavior. 2015. № 36:7. P. 511–526.
14. Jensen D.H. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation D.H. / Jensen, J. Jetten // Front. Psychol. 2015. Vol. 6. 126 p.
15. Vologda and Cherepovets: urban life as perceived by the population: preprint / Under the scientific supervision of doctor of economics A.A. Shabunova; co-authors: Vologda : ISEDT RAS. 2016. 120 p.
16. Kolokolchikova R.S. Cherepovets as a phenomenon of an industrial city (mid. 1960s – mid-1980s) : monograph. Cherepovets : State Educational Institution of Higher Professional Education ChSU. 2009. 275 p.
17. Regional social capital in times of crisis / T.A. Guzhavina [et al.]. Cherepovets : ChSU, 2018. 220 p.
18. Yasnikov N.N. The relationship between social capital and collective actions among young people. Case of the Vologda Oblast / N.N. Yasnikov, T.A. Guzhavina // Scientific result. Social and humanitarian research. 2022. Vol. 8. № 2. P. 106–123.

Информация об авторе

Ясников Николай Николаевич
преподаватель-исследователь,
младший научный сотрудник,
Вологодский научный центр РАН
nyasnikov94@mail.ru

Nikolay N. Yasnikov
Research Teacher,
Junior Researcher,
Vologda Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
nyasnikov94@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-2>
УДК 314.74

Attribution
cc by

ОБНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Жихарев А.И.³

*¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

*^{2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Проблема внешней миграции в современных условиях представляется весьма актуальной, поскольку она широко обсуждается в средствах массовой информации, привлекает пристальное внимание депутатов, политиков, чиновников, рядовых граждан. После террористического акта в «Крокус Сити Холл» проводится значительная работа по обновлению миграционного законодательства. Приняты поправки в федеральные законы, связанные с регулированием внешней миграции [1–7]. Цель статьи состоит в рассмотрении обновления правового регулирования в области внешней миграции. Объектом исследования являются правовое регулирование внешней миграции. К полученным результатам относится обзор существенных изменений в правовом регулировании внешней миграции. Рассмотрены порядок учета иностранных граждан, эксперимент по сдаче биометрии иностранными гражданами и лицами без гражданства в пунктах пропуска через государственную границу, борьба с фиктивными браками, выдворение иностранных граждан, нарушающих порядок пребывания, пилотное испытание курса по адаптации мигрантов. Показана ответственность работодателя за мигрантов, которые к нему приезжают работать, ответственность за организацию незаконной миграции, за подделку, изготовление, оборот поддельных документов, за преступления, связанные с фиктивной регистрацией и постановкой на учет иностранных граждан, ответственность мигрантов, необходимость подтверждения мигрантами владения русским языком, запрет принимать в школы детей иностранных граждан без знания русского языка, предоставление вида на жительство в упрощенном порядке для соотечественников, проживающих за рубежом. К основному выводу можно отнести положение о том, что осуществляется значительное обновление существенного изменения российского законодательства, регулирующего внешнюю миграцию. Процесс обновления будет продолжаться, поскольку существуют еще нерешенные вопросы в этой сфере. Обзор отечественной литературы позволяет отметить, что опубликовано большое количество работ по актуальным проблемам миграции.

Ключевые слова: адаптация, брак, внешняя миграция, дети, документ, запрет, иностранный гражданин, миграционная карта, мигрант, незаконная миграция, ответственность, преступление, работодатель, реестр, русский язык, соотечественник, штраф, эксперимент.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

UPDATING THE LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF EXTERNAL MIGRATION

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Artem I. Zhikharev³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

*^{2, 3}South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract. The problem of external migration in modern conditions seems to be very relevant, since it is widely discussed in the media and attracts close attention of deputies, politicians, officials, and ordinary citizens. After the terrorist attack at Crocus City Hall, significant work is being done to update migration legislation. Amendments have been adopted to federal laws related to the regulation of external migration [1–7]. The purpose of the article is to consider the renewal of legal regulation in

the field of external migration. The object of this research is the legal regulation of external migration. The results include an overview of significant changes in the legal regulation of external migration. The procedure for registering foreign citizens, an experiment on the submission of biometrics by foreign citizens and stateless persons at checkpoints across the state border, the fight against fictitious marriages, the expulsion of foreign citizens who violate the order of stay, and a pilot test of a course on the adaptation of migrants are considered. The author shows the responsibility of the employer for migrants who come to work with him, responsibility for the organization of illegal migration, for forgery, production, circulation of forged documents, for crimes related to fictitious registration and registration of foreign citizens, the responsibility of migrants, the need for migrants to confirm their knowledge of the Russian language, the ban on admitting children of foreign citizens to schools without knowledge of the Russian language, the provision of a residence permit in the simplified procedure for compatriots living abroad. The main conclusion is that a significant update of the Russian legislation regulating external migration is being carried out. The updating process will continue, as there are still unresolved issues in this area. A review of domestic literature allows us to note that a large number of works on topical problems of migration have been published.

Keywords: adaptation, marriage, external migration, children, document, prohibition. foreign citizen, migration card, migrant, illegal migration, liability, crime, employer, register, Russian language, compatriot, fine, experiment.

Funding: Independent work.

Введение.

Миграционная ситуация в стране непростая. В 2023 году численность мигрантов составила 8,5 млн. чел., в 2024 году она сократилась более чем на 2 млн чел. В стране находится 6,2 млн иностранных граждан. 1,8 млн чел. – это выходцы из Узбекистана, 1,2 млн чел. – Таджикистана. Много иностранцев прибыли в Россию из Казахстана и Киргизии. Поэтому в нашей стране признаются выданные в этих странах водительские права, дипломы вузов. Мигранты из этих стран работают водителями такси, врачами в поликлиниках. Работодатели могут оформлять казахов и киргизов по трудовому договору, как и российских сотрудников.

Больше всего иностранных сотрудников приезжают из стран СНГ и Евразийского экономического союза – почти половина от общей численности, третья часть – из Евросоюза, 28 % – из стран Азии, немного – из стран Африки и Ближнего Востока [8].

Российские работодатели хотят, чтобы они работали в жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве, сельском хозяйстве. Мигранты же предпочитают в основном работать курьерами и таксистами.

Результаты. Обсуждение.

Существует единая база учета иностранных граждан. Иностранец заполняет миграционную карту, в которой указывает фамилию, имя отчество, из какой страны, куда едет, цель приезда. В пункте пропуска через государственную границу после проверки документов одна часть миграционной карты отрывается, ставится дата-штамп о пересечении государственной границы, другая часть сканируется и передается в электронном виде в единую базу учета иностранных граждан. Принимаются ре-

шения о депортации иностранных граждан в случае их нелегального пребывания в стране. В первом полугодии 2024 года было принято 98,2 тыс. решений об их высылке, больше всего было выслано граждан Таджикистана – 17 тыс. [9].

С 2025 года максимальный срок пребывания иностранцев, приехавших в безвизовом порядке, составляет не более 90 дней в календарном году. Это требование не распространяется на приехавших на учебу, на оформивших патент, на тех, у кого есть трудовые отношения с работодателем. Во время проживания приезжие обязаны воздерживаться от деятельности, которая наносит ущерб российским интересам. Обсуждаются предложения об ограничении для трудовых мигрантов срока постановки на учет в хостелах и гостиницах до одного месяца в году, о введении штрафов за долгое пребывание мигрантов во временном жилье.

В нашей стране не ставится цель запретить внешнюю трудовую миграцию. Задача заключается в том, чтобы разрешить ее в рамках закона. Работодатель должен нести ответственность за тех людей, которые к нему приезжают работать. Он должен предоставлять жилье, где трудовые мигранты будут проживать, организовывать для них необходимые условия. Речь идет о том, чтобы закрепить мигрантов за работодателями, которые организовали их прибытие в нашу страну. Предполагается, что подготовка документов, медицинский осмотр, профессиональная подготовка мигрантов будут проводиться на их родине.

Работодатели должны обеспечивать официальное трудоустройство мигрантов, компенсировать транспортные расходы, создавать финансовый депозит на случай выдворения. Существует проблема «резиновой квартиры», в которой проживает значительное количество мигрантов. В Московской области принято решение о том, что

владельцы складов, логистических комплексов, торгово-распределительных центров площадью более 30 тыс. квадратных метров должны обеспечить жильем не менее 70 % наемной рабочей силы, не имеющей постоянного места жительства на территории области [11]. Работодатели могут построить или арендовать места в общежитиях или хостелах. На каждого мигранта должно приходиться в общежитии не менее шести квадратных метров жилой площади, в хостеле – не менее четырех.

В некоторых регионах для мигрантов введен запрет работать таксистами, в производстве продуктов питания, розничной торговле, общественном транспорте, в гостиничном и ресторанном бизнесе, в службах обеспечения безопасности, образовании, физической культуре и спорте, переводчиками, секретарями, редакторами, кадровиками, финансистами, добыче полезных ископаемых, заниматься рыболовством, охотой, разведением диких животных. Запреты относятся к мигрантам, работающим на основании патента, прибывающих в рамках безвизового режима из Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, Украины.

За организацию незаконной миграции, фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении, фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания предусмотрены наказания в виде лишения свободы, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, принудительных работ [7].

Иностранные граждане и лица без гражданства также несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность за осуществление экстремистской деятельности [6].

Повышается ответственность за подделку, изготовление, оборот поддельных документов, за преступления, связанные с фиктивной регистрацией и постановкой на учет иностранных граждан.

За 8 месяцев 2024 года выявлено 4,6 тыс. фактов подделки документов мигрантам. Речь идет о нарушении установленных правил въезда, миграционного учета, передвижения, порядка выбора места пребывания или жительства, транзитного проезда через российскую территорию, незаконного осуществления трудовой деятельности. Предусматривается наказание в виде штрафа от 5 до 10 млн руб. с конфискацией имущества, за повторное нарушение – от 10 до 60 млн руб. За фальшивые бланки и печати установлен штраф от 40 до 80 тыс. руб. с конфискацией орудий совершения административного правонарушения, за повторное нарушение – от 100 до 200 тыс. руб. [12].

За 11 месяцев 2024 года Следственный комитет направил в суд 2779 дел о преступлениях, совершенных иностранными гражданами. Из них

609 иностранцев находились в стране незаконно. Передано в суд 221 уголовное дело в отношении должностных лиц, совершивших преступление в миграционной сфере. К уголовной ответственности привлечено 206 должностных лиц, в том числе 122 сотрудника подразделений по вопросам миграции органов внутренних дел. Переданы в суд дела в отношении 702 российских граждан, не являющихся должностными лицами, за преступления, связанные с организацией незаконной миграции [13].

Имеются предложения ввести внесудебную блокировку интернет-ресурсов, содержащих предложения о предоставлении незаконных услуг для мигрантов и реализации поддельных документов для оформления миграционного статуса.

Приезжающие мигранты для оформления документов на право проживать и работать должны подтвердить владение русским языком. Исключены из работы по приему экзамена частные коммерческие организации, которые в качестве посредников за плату выдавали справки о сдаче экзаменов, состоянии здоровья. Отказались от посреднических услуг при сдаче экзамена. Экзамен проводят государственные учреждения, включенные в правительственный перечень. Запрещается государственным учреждениям передавать третьим лицам права и обязанности по проведению экзамена, выдаче сертификата о владении русским языком, знании российской истории, основ российского законодательства для получения мигрантами разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу, патента. В 2024 году 30 % мигрантов не смогли сдать экзамен по русскому языку, 14 тыс. не сдали экзамен в присутствии сотрудников полиции. 5 тыс. сертификатов не приняли у мигрантов, поскольку они не владели русским языком [14].

Введен запрет принимать в школы детей иностранных граждан без знания русского языка. В школе нередко учатся дети, которые не могут освоить образовательную программу из-за того, что плохо понимают, что говорит им учитель. Не могут быть приняты в школу дети, которые не прошли тест на знание русского языка, дети, незаконно находящиеся на российской территории. В России обучается свыше 200 тыс. детей мигрантов. 41 % детей мигрантов, которые приходят в школы, либо не знают, либо плохо знают русский язык [15].

Значительное место в миграционных процессах занимает борьба с фиктивными браками. Для получения вида на жительство необходимо проживать в зарегистрированном браке не менее трех лет либо состоять в браке при наличии общего ребенка, рожденного или усыновленного в этом браке. Если у иностранного гражданина ребенок-россиянин родился вне брака, то для получения вида на жительство нужно предварительное разрешение на временное проживание после подтверждения в суде участия в его содержании и воспитании. Разрешение на временное проживание и вид на жительство аннулируют

ется при расторжении брака, признания его недействительным, лишения или ограничении в родительских правах, отмене усыновления, исключении сведений об отцовстве из записи акта о рождении ребенка.

В январе-сентябре 2024 года на основании признания судом брака недействительным принято 107 решений об аннулировании разрешений на временное проживание, 75 решений – об аннулировании вида на жительство [16].

Актуальной проблемой является адаптация мигрантов. В пяти регионах – Пермском и Краснодарском краях, Калининградской и Московской областях, Саха (Якутии) проведено пилотное испытание курса по адаптации мигрантов из Центральной Азии.

Курс рассчитан на месяц. Он состоит из четырех блоков:

- язык – как говорить и в какой форме обращаться;
- этикет – нормы поведения в общественных местах;
- культура – доступность культурных сред и правил поведения, например, на детских площадках и рынках;
- закон – меры ответственности за неисполнение закона.

Курс для мигрантов проводился на добровольной и бесплатной основе. Однако охват иностранцев этим курсом низкий. В Краснодарском крае – 45 % иностранных работников, в других регионах – 17–23 % [17]. Будет внедряться добровольно этот курс в других регионах на бесплатной основе для мигрантов

Обсуждается вопрос о запрете иностранцам, временно прибывающим в страну, являющимися неквалифицированными специалистами и осуществляющими трудовую деятельность, привозить с собой семьи. Приезд жен и детей мигрантов увеличивает нагрузку на медицинскую и социальную инфраструктуру, число международных конфликтов, в школах много детей, не знающих русского языка, что мешает учебному процессу.

Можно выдворять иностранных граждан, нарушающих порядок пребывания, без решения суда.

При высылке иностранного гражданина:

- ему не позволено менять место жительства или место пребывания без разрешения органа внутренних дел;
- выезжать за пределы региона или муниципального образования, в котором он живет;
- запрещено управлять транспортными средствами;

- получать водительские права;
- покупать или продавать недвижимое имущество, транспортные средства, самоходные механизмы, регистрировать это имущество;
- запрещено заключать брак, регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя;
- создавать компании;
- подписывать кредитный договор;
- открывать банковские счета;
- делать денежные переводы.

При воинском учете многие мигранты, получившие российское гражданство, не предоставляют в военные комиссариаты необходимые данные.

Иностранцы, получившие российское гражданство и не прошедшие процедуру присяги – прочтение текста присяги и подпись на специальном бланке, лишаются статуса российского гражданина.

От присяги освобождены иностранцы младше 18 лет и те, кто родился в России. Обсуждается вопрос об увеличении срока прохождения службы в армии до двух лет и повышения призывного возраста для иностранцев, получивших российское гражданство.

Большое значение в сфере миграции имеет привлечение в нашу страну соотечественников, проживающих за рубежом.

В этой связи следует отметить, что участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию, проживающих за рубежом, предоставляется вид на жительство в упрощенном порядке без выдачи разрешения на временное проживание.

Заявление о выдаче вида на жительства можно подать в российское дипломатическое представительство или консульство в стране, в которой было подано заявление об участии в государственной программе.

После дактилоскопической регистрации, фотографирования, представления необходимых медицинских документов территориальный орган Министерства внутренних дел по выбранному региону выдает вид на жительство. Он будет аннулирован при утрате статуса участника государственной программы.

Заключение.

В качестве вывода можно подчеркнуть, что законодательные поправки и обсуждаемые предложения по обновлению внешней миграции предоставляют возможность для дальнейшего существенного изменения внешних миграционных процессов.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 08 августа 2024 года № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
2. Федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 517-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
3. Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Глава V. Миграционный учет иностранных граждан и федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции. URL : <https://ivo.garant.ru>
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Статья 15 URL : <https://ivo.garant.ru>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Статьи 322.1; 322.2; 322.3. URL : <https://ivo.garant.ru>
7. Жандарова И. Пограничные предложения // Российская газета. 2024. 22 октября.
8. Жандарова И. Сила есть – рабочие руки будут // Российская газета. 2024. 07 октября.
9. Рыбникова И. Ото всех подальше // Российская газета. 2024. 11 марта.
10. Чепрунова Н. Фальшивка обойдется дороже // Российская газета. 2024. 27 ноября.
11. Козлова Н. Ордер на арест // Российская газета. 2025. 15 января.
12. Замахина Т. Сертификат с качеством // Российская газета. 2024. 29 октября.
13. Замахина Т. Тест-контроль // Российская газета. 2024. 11 декабря.
14. Гончарук Д. Паспорт без уловок // Российская газета. 2024. 24 октября.
15. Емельяненко В. Как жить бесплатно // Российская газета. 2024. 23 июля.

References:

1. Federal Law of August 08, 2024 № 260-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
2. Federal Law of December 28, 2024 № 517-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
4. Federal Law of July 18, 2006 №109-FZ «On Migration Accounting of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation. URL : <https://ivo.garant.ru>
5. Federal Law of July 25, 2002 № 115-FZ «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation». Chapter V. Migration Registration of Foreign Citizens and Federal State Control (Supervision) in the Sphere of Migration. URL : <https://ivo.garant.ru>
6. Federal Law of July 25, 2002 № 114-FZ «On Counteracting Extremist Activity». Article 15. URL : <https://ivo.garant.ru>
7. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ. Article 322.1; 322.2; 322.3. URL : <https://ivo.garant.ru>
8. Zhandarova I. Border proposals // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 22 October.
9. Zhandarova I. Strength is there – working hands will be // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 07 October.
10. Cheprunova N. Fake will be more expensive // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 27 November.
11. Kozlova N. Order for arrest // Rossiyskaya gazeta. 2025. 15 January.
12. Zamakhina T. Certificate with quality // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 29 October.
13. Zamakhina T. Test-control // Rossiyskaya gazeta. 2024. December 11.
14. Goncharuk D. Passport without tricks // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 24 October. 1
15. Emelianenko V. How to Live for Free // Rossiyskaya Gazeta. 2024. July 23.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophy Sciences,
Professor,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Жихарев Артем Иванович
аспирант кафедры политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
milena.555@mail.ru

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ORCID 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov
Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Artem I. Zhikharev
Graduate Student of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
a branch of RANEPА
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-4>
УДК 343.2

Attribution
cc by

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ С УЧЕТОМ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Варданян Н.Х.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. В статье проведен анализ основных проблем, связанных с назначением уголовного наказания при наличии смягчающих вину обстоятельств. Данный анализ основан на изучении понятия и значения смягчающих обстоятельств. Важным моментом является оставление законодателем перечня обстоятельств, смягчающих наказание, открытым. В данной связи, суд, по своему усмотрению, вправе признать любое обстоятельство в качестве смягчающего. Изучены примеры судебной практики, в которых суд признавал те или иные обстоятельства в качестве смягчающих. Особенность таких обстоятельств заключается в том, что они не оказывают влияния непосредственно на квалификацию, но свидетельствуют о том, что степень общественной опасности совершенного преступного деяния снижается. Соответственно, суд с учетом личности виновного, вправе снизить размер наказания, а также избрать более мягкий вид наказания, предусмотренный санкцией соответствующей статьи УК РФ. Кроме того, при наличии нескольких смягчающих обстоятельств суд вправе применить положения ст. 64 УК РФ, назначить наказание ниже, по сравнению с тем, которое установлено санкцией. Это способствует назначению справедливого наказания.

Ключевые слова: обстоятельства, смягчающие наказание, уголовное наказание, мера наказания, гуманизм.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SENTENCING, TAKING INTO ACCOUNT MITIGATING CIRCUMSTANCES

Norik Kh. Vardanyan

I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Abstract. The article analyzes the main problems associated with the imposition of criminal punishment in the presence of mitigating circumstances. This analysis is based on the study of the concept and meaning of mitigating circumstances, established in the legislation by the list. An important point is that the legislator leaves this list open, and therefore the court, at its discretion, has the right to recognize any circumstance as mitigating. In this regard, we have studied examples of judicial practice in which the court recognized certain circumstances as mitigating. The peculiarity of such circumstances is that they do not directly affect the qualification, but indicate that the degree of public danger of the committed criminal act is decreasing. Accordingly, the court, taking into account the identity of the perpetrator, has the right to reduce the amount of punishment, as well as choose a milder type of punishment provided for in the sanction of the relevant article of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, if there are several mitigating circumstances, the court has the right to adopt the provisions of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation, to impose a lower penalty than that established by the sanction. This helps to resolve the problem of fair punishment.

Keywords: circumstances mitigating punishment; criminal punishment; punishment measure, humanism.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что защита конституционных прав и свобод

человека и гражданина представляет собой обязанность государства. Во исполнение данной обязанности устанавливается уголовная ответственность за совершение преступлений.

© Варданян Н.Х.

Уголовная ответственности выступает в качестве способа защиты. Современное понимание сущности и содержания обстоятельств, смягчающих наказание, основано на длительной истории формирования и развития российского уголовного законодательства. Многие источники российского уголовного права содержали соответствующие положения в различных вариациях.

Цель исследования заключается в проведении анализа законодательной регламентации перечня смягчающих наказание обстоятельств, а также в рассмотрении особенностей назначения уголовного наказания при наличии данных обстоятельств.

Задачи исследования предусматривают установление закономерностей формирования и развития российского уголовного законодательства, которое предусматривает перечень смягчающих наказание обстоятельств, а также изучение особенностей их правовой регламентации, понятия и значения в настоящее время.

Обсуждение.

В Русской Правде содержались предписания, где были рассмотрены наиболее типичные обстоятельства, оказывающие влияние на оценку личности, а также на уровень опасности преступления. Например, Воинский Артикул 1715 г. учитывал смягчающие вину обстоятельства как основания для дифференциации уголовной ответственности. Прежде всего, смягчающим обстоятельством выступали состояние аффекта и малолетний возраст преступника. Крайняя необходимость также рассматривалась как смягчающее вину обстоятельство [6, с. 57].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержится перечень смягчающих наказание обстоятельств, к которому относится крайняя необходимость, явка с повинной.

После изменения социального строя как последствия Октябрьской революции 1917 г., изменилось и уголовное законодательство. Перечень смягчающих наказание обстоятельств был предусмотрен в основных источниках уголовного права начального периода установления советской власти – в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [3].

Сегодня правовой основой для обстоятельств, смягчающих наказание, выступают положения ст. 61 УК РФ. В настоящее время из норм уголовного законодательства следует, что на законодательном уровне предусмотрен открытый перечень, который позволяет признать смягчающим любое обстоятельство по усмотрению суда. Важно отметить, что такие обстоятельства не должны и не могут оказать воздействие на квалификацию, однако говорят о том, что степень общественной опасности содеянного снизилась. В ходе рассмотрения дела суд может установить, что совокупность смягчающих об-

стоятельств является достаточной для применения положений ст. 64 УК РФ, а также установить наличие оснований для назначения более мягкого наказания [5, с. 80].

Как показывают материалы обобщенной судебной практики, в качестве смягчающих обстоятельств выступают и те, которые не указаны в положениях уголовного законодательства. В данной связи, приобретает актуальность вопрос о пересмотре положений уголовного законодательства, прежде всего, в части установленного в нем перечня обстоятельств, смягчающих наказание. Чистосердечное раскаяние и признание вины наиболее часто учитываются судом в качестве смягчающих, несмотря на то, что не содержится в перечне, предусмотренном УК РФ [2, с. 25].

Среди обстоятельств, установленных в перечне ст. 61 УК РФ, чаще всего, судами учитываются совершение преступления в состоянии принуждения, привлечение к уголовной ответственности впервые, оказание медицинской помощи потерпевшему, явка с повинной, деятельное раскаяние, наличие на иждивении малолетних детей и состояние беременности, аморальное поведение потерпевшего.

Физическое или психическое принуждение к совершению преступления также выступают в качестве смягчающего обстоятельства. Важно, чтобы при установлении и оценке данного обстоятельства принималась во внимание обстановка, в которой было совершено преступление, а действия виновного были вынужденными. Нередко преступления совершаются, когда виновный находится в зависимом состоянии, например, в материальной зависимости, которая характеризуется наличием долговых обязательств, нахождением на иждивении, а также в состоянии подчиненности [1, с. 91].

Привлечение к уголовной ответственности впервые нередко учитывается судом в качестве смягчающего обстоятельства. В качестве таковых следует признать случаи, когда лицо ранее вовсе не привлекалось к ответственности. Лицо считается юридически несудимым в случае истечения сроков давности привлечения к ответственности или исполнения приговора, а также при наличии погашенной судимости в установленном законом порядке.

Судами часто учитывается аморальное поведение потерпевшего как смягчающее наказание обстоятельство. Такое поведение противоречит общеустановленным нормам морали, выражается в предательстве, хамстве, обмена, домогательствах. Аморальное поведение потерпевшего должно прямо затрагивать личность обвиняемого, выражаться в психологическом воздействии. Например, распускание слухов о нетрадиционной ориентации виновного [10], попытки совершить сексуальный акт [11], поведение потерпевших, допустивших супружескую измену [12].

Оказание медицинской или иной помощи потерпевшему после совершения преступления также зачастую учитывается судами как смягчающее обстоятельство. Такая помощь предусматривает совершение активных действий, например, обращение за медицинской помощью.

Реализации принципа гуманизма в уголовном законодательстве способствует установление в качестве смягчающего обстоятельства беременность виновной. Это позволяет обеспечить интересы материнства и детства. На практике, учету в качестве смягчающего вину обстоятельства подлежит не только состояние беременности обвиняемой, но и беременность супруги обвиняемого. При назначении судом наказания учету подлежит наличие у виновного малолетних детей, а также иждивенцев.

Понятие «иждивенец» шире по своему содержанию чем понятие «малолетний ребенок». В качестве смягчающего обстоятельства подлежит учету тяжелое финансовое положение. Оно устанавливается путем оценки совокупности различных обстоятельств, например, суд при исследовании сведений, характеризующих личность подсудимого, может установить, что назначение штрафа станет инструментом подавления экономической самостоятельности подсудимого [8, с. 17].

Среди обстоятельств, не приведенных в перечне ст. 61 УК РФ обстоятельствами, смягчающими наказание суд зачастую признает положительные характеристики с места учебы, работы, проживания, поскольку они говорят о наличии у виновного потенциала для изменения в положительную сторону, об уровне социализации и положительном отношении к труду. Вместе с тем, такие характеристики следует учитывать в совокупности с иными сведениями о личности виновного.

Смягчающим обстоятельством суд может признать состояние здоровья подсудимого, ухудшение которого может указывать на снижение степени общественной опасности личности. Вместе с тем, не всегда наличие психического расстройства говорит о состоянии невменяемости, выступает основанием для замены наказания на принудительные меры медицинского характера. Однако наличие психического расстройства может осложнять процесс восприятия и мышления, что говорит о снижении степени общественной опасности содеянного, личности виновного. Кроме того, из положений судебной практики следует, что смягчающими обстоятельствами признается занятие общественно полезным трудом, участие в боевых действиях, инвалидность, а также наличие наград и почетных званий. Но, само по себе, это не говорит о снижении степени общественной опасности.

Необходимо, чтобы суд, проводя детальный анализ обстоятельств, смягчающих наказание, оценил их в совокупности, а также мотивировал в приговоре. Обстоятельства, смягчающие нака-

зание, могут указывать направленность жизнедеятельности личности, характеризовать подсудимого и совершенное им деяние, указывать на последствия назначения и исполнения наказания. Кроме того, такие обстоятельства должны учитываться судом при выборе режима исправительного учреждения.

Таким образом, смягчающие обстоятельства обеспечивают индивидуализацию наказания.

На практике важно избегать смешения смягчающих обстоятельств и сведений, характеризующих личность подсудимого. Иногда суд вовсе не проводит разделения [7, с. 70]. В настоящее время судебное применение обстоятельств в качестве смягчающих не имеет единообразного характера, положения практики по-прежнему остаются противоречивыми. Ряд понятий остается без законодательного определения, что затрудняет правоприменительный процесс. Необходимо при назначении наказания принимать во внимание сведения о наличии детей, учитывать их возраст. Однако законодательное определение ряда ключевых понятий отсутствует. Наличие детей, даже одного малолетнего ребенка нельзя считать смягчающим обстоятельством, если подсудимый совершил против него преступление, лишен родительских прав или не представил сведений об отцовстве [9, с. 91].

Указание судом обстоятельства, которое не предусмотрено в перечне ст. 61 УК РФ смягчающим, позволяет обеспечить реализацию принципов справедливости и индивидуализации наказания. Установленные в ходе правоприменения обстоятельства также подлежат закреплению в УК РФ. Это позволит обеспечить единообразное применение. Совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств может быть рассмотрено в качестве смягчающего вину обстоятельства, если имеются такие обстоятельства, как возникновение негативных жизненных обстоятельств, субъективное восприятие виновным их как тяжелых, а также их влияние на его поведение.

Результаты.

Таким образом, смягчающие наказание обстоятельства не могут влиять на квалификацию, но позволяют установить снижение степени общественной опасности содеянного и личности виновного. Перечень, предусмотренный ст. 61 УК РФ, является открытым, что позволяет правоприменителю использовать расширительный подход. Это служит проявлением принципа гуманизма уголовного права.

Заключение.

Таким образом, учет судом обстоятельств, которые смягчают наказание, приводит к снижению пределов санкций статьи Особенной части УК РФ. Именно данный аспект обуславливает важность и значение рассматриваемых обстоятельств.

Наличие в уголовном законодательстве перечня обстоятельств, смягчающих наказание, выполняет две функции – обязывающую и ориентирующую. Так, суд обязан учесть в качестве смягчающего то обстоятельство, которое указано в ст. 61 УК РФ, отразить в приговоре и указать, какое влияние они оказывают на принятия итогового решения. Ориентирующая функция предусматривает, что суд, используя право, предусмотренное в ч. 2 ст. 61 УК РФ, вправе признать в качестве смягчающего иные обстоятельства. В каждом конкретном случае такие обстоятельства должны быть исследованы и мотивированы в приговоре, поскольку позволяют установить снижение степени общественной опасности личности преступника. Оставление данного перечня открытым связано с тем, что закон не может предусмотреть все обстоятельства, которые встречаются на практике.

Установить в качестве смягчающего обстоятельство, которое не предусмотрено законом, является сложной задачей, требующей тщательной оценочной деятельности суда.

Для обеспечения единообразного применения и исключения пробелов в уголовном законодательстве, требуется уточнить отдельные формулировки. Прежде всего, необходимо установить, что смягчающим вину обстоятельством является наличие малолетних детей у виновного на его воспитании или иждивении. Требуется также уточнить формулировки, связанные с тяжелым жизненным положением, которое побудило совершить преступление.

Положения п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ следует дополнить «по обстоятельствам, которые ранее не были известны суду и принесли практическую пользу следствию».

Приведенные изменения и дополнения позволяют исключить излишне широкое толкование, обеспечат более четкое понимание, что положительно отразится на единообразии судебной практики в части учета судом смягчающих обстоятельств.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аметова Н.К. Теоретические и практические аспекты смягчения наказания при назначении наказания / Н.К. Аметова, М.Ш. Нажимов // Форум молодых ученых. 2021. № 4(56). С. 90–99.
2. Базаров Р.А. Уголовно-правовая регламентация учёта обстоятельств, смягчающих наказание / Р.А. Базаров // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 20–28.
3. История отечественного государства и права / Под ред. Ю.М. Поникидина. М., 2009. С. 54.
4. Козаренко Ю.И. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств / Ю.И. Козаренко // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3(50). С. 12–19.
5. Колкина Л.А. Некоторые проблемы признания явки с повинного и активного способствования раскрытию и расследованию преступления в качестве обстоятельства, смягчающих наказание при назначении наказания / Л.А. Колкина // Вестник науки. 2023. № 12(69). С. 9–15.
6. Салех А.Х. Назначение наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств / А.Х. Салех // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 78–84.
7. Тарасенко В.В. Уголовно-правовая презумпция в законодательной конструкции обстоятельств, смягчающих наказание / В.В. Тарасенко // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 4(43). С. 56–59.
8. Хабибуллин Н.Э. Вопросы индивидуализации наказания на основе смягчающих и отягчающих обстоятельств, характеризующих личность виновного / Н.Э. Хабибуллин // ВЭПС. 2022. № 2. С. 67–74.
9. Черненко Т.Г. Смягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве: некоторые проблемные вопросы / Т.Г. Черненко // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2024. № 52. С. 89–94.
10. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 декабря 2020 г. по делу № 77-2739/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. по делу № 77-5638/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 марта 2022 г. по делу № 77-1092/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Ametova N.K. Theoretical and practical aspects of mitigation of punishment in sentencing / N.K. Ametova, M.S. Nazhivov // Forum of Young Scientists. 2021. № 4(56). P. 90–99.

2. Bazarov R.A. Criminal law regulation of consideration of circumstances mitigating punishment / R.A. Bazarov // Gaps in Russian legislation. 2019. № 3. P. 20–28.
3. History of the Russian state and law / Edited by Yu.M. Ponikhidin, M., 2009. P. 54.
4. Kozarenko Yu.I. The appointment of punishment in the presence of mitigating circumstances // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(50). P. 12–19.
5. Kolkina L.A. Some problems of recognizing self-incrimination and actively contributing to the detection and investigation of a crime as circumstances mitigating punishment when sentencing / L.A. Kolkina // Bulletin of Science. 2023. № 12(69). P. 9–15.
6. Saleh A.H. The appointment of punishment, taking into account mitigating and aggravating circumstances / A.H. Saleh // Civil service and personnel. 2024. № 3. P. 78–84.
7. Tarasenko V.V. Criminal law presumption in the legislative structure of circumstances mitigating punishment / V.V. Tarasenko // Bulletin of the All-Russian State University. Series: Law. 2020. № 4(43). P. 56–59.
8. Khabibullin N.E. Issues of individualization of punishment based on mitigating and aggravating circumstances characterizing the personality of the perpetrator / N.E. Khabibullin // VEPS. 2022. № 2. P. 67–74.
9. Chernenko T.G. Mitigating circumstances in criminal law: some problematic issues / T.G. Chernenko // Vestn. Volume of the State University. Right. 2024. № 52. P. 89–94.
10. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated December 29, 2020 in case № 77-2739/2020 // SPS «ConsultantPlus».
11. Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 30, 2021 in case № 77-5638/2021 // SPS «ConsultantPlus».
12. Ruling of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction dated March 22, 2022 in case № 77-1092/2022 // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Варданян Нарек Хачикович
аспирант кафедры криминалистики,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
nar1301@yandex.ru

Norik Kh. Vardanyan
Postgraduate Student
of the Department of Criminology,
I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University
nar1301@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.01.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-9>
УДК 340

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Матюшева Т.Н.

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. Подлинное образование предполагает становление свободной, инициативной, ответственной личности, успешной и эффективной. Актуальность темы данного исследования связана с особенностями реализации права на образование, необходимостью обеспечения безопасности детей, повышения уровня жизни, физического, духовного и интеллектуального развития человека и гражданина. Основная цель данной публикации - осмысление роли конституционной составляющей в правовом развитии современного образования на основе прямого действия и максимального раскрытия ценностного потенциала Конституции в российской муниципальной образовательной политике. Методология, методы и методики. При анализе реализации права на образование на муниципальном уровне применялись сравнительно-правовые, качественные и количественные методы исследования: изучение научных источников по теме исследования, основных нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике, наблюдение и оценка современного уровня образования на муниципальном уровне. Результаты исследования. Выявлены проблемы несоответствия действующего законодательства конституционным принципам в ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Установлено, что муниципальные образовательные организации находятся в сфере модернизации образования, что требует пересмотра отдельных положений образовательной политики государства.

Ключевые слова: конституция, естественное право человека, конституционность, местное самоуправление, органы местного самоуправления, территория, муниципалитет, вопросы местного значения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE QUESTION OF CONSTITUTIONALIZATION OF RUSSIAN MUNICIPAL EDUCATIONAL POLICY

Tatiana N. Matyusheva

North Caucasus branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. Introduction. Genuine education presupposes the formation of a free, proactive, responsible, successful and effective personality. The relevance of the topic of this study is related to the specifics of the realization of the right to education, the need to ensure the safety of children, improve living standards, physical, spiritual and intellectual development of man and citizen. The main purpose of this publication is to understand the role of the constitutional component in the legal development of modern education, based on the direct action and maximum disclosure of the value potential of the Constitution in Russian municipal educational policy. Methodology, methods and techniques. When analyzing the implementation of the right to education at the municipal level, comparative legal, qualitative and quantitative research methods were used: the study of scientific sources on the research topic, the main normative legal acts on the subject under consideration, observation and assessment of the current level of education at the municipal level. The results of the study. The problems of inconsistency of the current legislation with the constitutional principles in Federal Law № 273-FZ «On Education in the Russian Federation» have been identified. It has been established that municipal educational organizations are in the field of education modernization, which requires a revision of certain provisions of the state's educational policy.

Keywords: constitution, natural human right, constitutionality, local self-government, local self-government bodies, territory, municipality, issues of local importance.

Funding: Independent work.

Введение. В сложных условиях выбора концептуальных путей развития системы образования в России в целом происходит ее конституционализация, под которой понимается расширение круга конституционного регулирования.

Исследование сложных, многоуровневых взаимосвязей между правом, Конституцией, правовой жизнью общества приобретает принципиальное значение, лежит в основе закономерностей развития конституционализма.

Деятельность муниципальных образовательных организаций в реализации принципа общедоступности образования в Российской Федерации малоисследованна, что является одним из показателей актуальности работы.

Нельзя недооценивать, прежде всего, значение понятийного аппарата в праве.

Неточное, нечеткое определение терминологии способствует созданию «темной водички», что влечет существенные различия в понимании смысла нормы.

Обзор литературы.

Н.В. Колотова считает, что «процесс включения в конституционное регулирование социальных прав как тенденция развития конституционализма», а социализацию конституций автор связывает с включением «в конституционное регулирование многих аспектов социальной политики, принципов социального государства, социальной справедливости, социально ориентированной рыночной экономики, а также социальных прав как части общей системы прав и свобод человека» [1].

Можно сказать, что без образования в совокупном своем содержании, личность не сформируется полностью.

Ей необходимы знания навыки, чтобы достигнуть поставленных перед собой целей, реализовать свои права, выполнить обязанности.

Юридическая наука, как правило, исходит из того, что в ст. 2 Конституции РФ установлено, что все основные права и свободы человека без ранжирования их по видам являются неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения.

Поэтому обосновывается возможность «рассматривать закрепленные Конституцией социальные права не только как ориентиры для законодателя, но именно как основные права, равные по значимости конституционным гражданским и политическим правам» [2].

По нашему мнению, целесообразно отнесение права на образование к правам, отражающим как степень экономического развития государства, так и его способность обеспечивать социальную защиту обучающихся.

Конституция РФ вместе с ФЗ № 131 на законодательном уровне наделяют местную администрацию определенным кругом полномочий, закрепляют её правовой статус, порядок формирования и работы.

Проблемы конституционного регулирования образования актуальны также и потому, что Россия живет в мировом сообществе, которое имеет тенденцию к социализации.

Этим в настоящее время создана предпосылка для становления и должного закрепления основных механизмов обеспечения реализации гражданином РФ конституционного права на образование, приоритетности отрасли и выводит проблему образования на уровень проблем национальной безопасности.

В Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации говорится: «Проведение конституционной реформы 2020 г. во многом было обусловлено необходимостью более четкой правовой регламентации обязательств органов и должностных лиц всех уровней публичной власти по обеспечению конституционных гарантий реализации, охраны и защиты социальных прав граждан [3].

Главной задачей всей системы органов публичной власти является «обеспечение высоких стандартов жизни, равных возможностей для каждого человека, причем, на всей территории страны, и на это направлены все национальные проекты и планы развития» [4].

В Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5] эти положения отражены в основных принципах государственной политики РФ и правового регулирования отношений в сфере образования, таких, как признание приоритетности образования; обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности.

Право на образование, начиная с середины XX в., стало неотъемлемой частью современного конституционализма.

В аспекте анализа проблем реализации права на образование, особое внимание вызывает тот факт, что в процессе конституционализации системы образования Российской Федерации предполагает расширение субъектного состава обучающихся.

Оно реализуется участниками образовательных отношений – обучающимися, родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся, педагогическими работниками и их представителями, и участниками образовательных отношений: федеральными государственными органами, органами государственной

власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, работодателями и их объединениями.

По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина: «Местное самоуправление – самая близкая к человеку власть... И от того, насколько эффективно работает конкретная управа, поселковая или районная администрация, судят о дееспособности всего государства в целом» [6].

Методология, материалы и методы.

При анализе реализации права на образование на муниципальном уровне применялись сравнительно-правовые, качественные и количественные методы исследования, изучение научных источников по теме исследования, основных нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике, наблюдение и оценка современного уровня образования на муниципальном уровне.

Муниципальные образовательные организации в системе реализации принципа доступности образования в Российской Федерации значимы в совокупности их отдельных элементов функционирования и зависимых связей, иерархических уровней, определенной структуры, включающей в себя права, свободы и обязанности, также характеризующихся согласованностью, устойчивостью, упорядоченностью связи.

В настоящее время, прежде всего, требует большего внимания разработка новых методов обучения, исследование разновозрастного подхода, индивидуализации планов обучения, особенностей организации самостоятельной работы обучающихся муниципальных образовательных организаций, многопредметности в работе учителей, что в совокупности может способствовать развитию образования и культуры в муниципалитетах.

Степень реальности принципа доступности образования зависит от сочетания составляющих элементов муниципальных образовательных организаций.

«Принцип высшей ценности прав и свобод человека означает, что права, свободы определяют весь строй государственно-общественных отношений. Признание Конституцией Российской Федерации этого принципа определяет и основную ценность самой Конституции» [7].

Справедливо было отмечено, что российское образовательное законодательство «... действующее образовательное законодательство можно смело сравнить с наспех склеенным ковром» [8].

Безусловность нормы Конституции связана с гарантированностью, что получение образования не является привилегией, что каждый человек, независимо от пола, национальности, соци-

ального происхождения и даже способностей, вправе получать любое образование.

«Каждый» – так записано в Конституции.

Конституционные основы для местного самоуправления сформированы более 20 лет назад.

В соответствии с Законом № 131-ФЗ местное самоуправление формально юридически осуществляется на всей территории Российской Федерации [9].

В научной литературе отмечалась необходимость принятия ряда законов об образовании, так, как и сегодня можно повторить слова В.И.Шкатуллы: «На уровне субъектов РФ законодательство об образовании только начинает складываться» [10].

Результаты.

Конституционное обеспечение реформирования системы образования длительное время было осложнено неясностью целей и задач образовательной политики.

Развитие образования существенно затормозил социально-экономический кризис 1990-х годов.

Государство с конца 1980-х годов во многом ушло из образования, государственное и местное внимание к формированию образования постоянно снижалось.

Все это привело к серьезным разрывам в системе «государство – образование – общество».

Именно поэтому в настоящий момент российская муниципальная образовательная политика приобретает общенациональный характер.

Одним из направлений развития регионального законодательства справедливо считается систематизация и кодификация региональных нормативных правовых актов об образовании.

«Отсутствие определенности воспринимается как дефект законодательства, поскольку влечет противоречивую и произвольную правоприменительную практику, приводящую к нарушению прав, свобод и законных интересов граждан» [11].

Необходимость подготовки отраслевых законов с учетом в них специфики регионов и национальных отношений продиктована разнородностью правовых актов на уровне как Российской Федерации, так и самих субъектов РФ [12].

Обсуждение.

В муниципальных образованиях разрабатываются современные модели функционирования образования.

В какой степени способствуют этому изменения, внесенные законодательными новациями?

Согласно Федеральному закону № 122 от 22.08.2004 г., значительные изменения претерпела ст. 31 Закона РФ «Об образовании» [13].

Изменено было даже ее название.

Ст. 6 ФЗ № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» к числу вопросов местного значения уже относила организацию, содержание и развитие муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессионального образования, т.е. конституционная норма трансформировалась, гарантии граждан были сужены. Вызывало сомнение ограничение круга указанных вопросов.

Таким образом, изменения Закона РФ «Об образовании» не были соотнесены как с Конституцией РФ в этой части, так и с ФЗ № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Многие нормы старой редакции п. 2 ст. 31 были исключены из Закона «Об образовании».

Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, для законодателя, требование определенности правовых норм – это и важная цель, и одновременно показатель качества, эффективности законотворческой деятельности [14].

Обратимся к содержанию реформы местного самоуправления начала 2000-х гг., когда принимался Закон № 131-ФЗ.

Преобразования осуществлялись по направлениям:

1. Разграничение полномочий между уровнями публичной власти.
2. Формирование новой территориальной организации местного самоуправления.
3. Формирование экономических основ местного самоуправления.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (п. 11 ст. 15) установил полномочия органов местного

самоуправления муниципальных районов, которые в регулировании реализации права на образование классифицируем следующим образом:

1. Организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях;
2. Организация предоставления дополнительного образования детей.
3. Создание условий для осуществления присмотра и ухода за детьми, содержания детей в муниципальных образовательных организациях.

Ю.А. Тихомиров акцентирует внимание на том, что «разноречиво используются понятия в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [15].

Заключение.

Однако очевидно, что коренного качественного скачка в развитии реализации права на образование органами местного самоуправления за время действия Закона № 131-ФЗ не произошло.

Не секрет, что некоторым обучающимся сегодня сподручнее заниматься чем-либо без получения высшего образования. Вместо этого на них тратятся бюджетные средства, они получают дипломы о высшем образовании, при этом являясь абсолютно некомпетентными специалистами.

Муниципальные образовательные организации находятся в сфере модернизации образования.

Максимальное внимание муниципальным образовательным организациям должно быть одним из значимых направлений образовательной политики государства.

Проблемы несоответствия действующего законодательства конституционным принципам в ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» также ликвидированы только частично.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Колотова Н.В. Конституционализация социальных прав – тенденция развития современного права / Н.В. Колотова // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 5–9.
2. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы социализации / В.Д. Зорькин // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1.

3. Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. № 7. 16 января 2020 г.
4. Федеральный Закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2012. № 303.
5. Владимир Путин. Нужно вернуть престиж местного самоуправления / Владимир Путин // Российская газета. 28.02.2001.
6. Лебедев В.А. Концепция прав и свобод человека и гражданина как элемент отечественного конституционализма / В.А. Лебедев // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 3–8.
7. Гавришук В.В. Право и образование: актуальные аспекты темы / В.В. Гавришук // Право и образование. 2008. № 10.
8. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
9. Шкатулла В.И. Право на образование / В.И. Шкатулла // Государство и право. 1997. № 7.
10. Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине / С.В. Нарутто // Lex russica. 2018. № 10. С. 40–49.
11. Васецкий Н.А. Российское законодательство на современном этапе. Государственная Дума в формировании правового пространства России (1994–2003) / Н.А. Васецкий, Ю.К. Краснов // Издание Государственной Думы РФ. М., 2003.
12. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» Утратил силу // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797.
13. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–10.
14. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. 2000. № 10.

References:

1. Kolotova N.V. Constitutionalization of social rights – a trend in the development of modern law / N.V. Kolotova // Constitutional and municipal law. 2019. № 1. P. 5–9.
2. Zorkin V.D. Social state in Russia: problems of socialization / V.D. Zorkin // Comparative constitutional review. 2008. № 1.
3. Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. № 7. January 16, 2020.
4. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ «On Education in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 12/31/2012. № 303.
5. Vladimir Putin. It is necessary to return the prestige of local government / Vladimir Putin // Rossiyskaya Gazeta. 02/28/2001.
6. Lebedev V.A. The concept of human and civil rights and freedoms as an element of domestic constitutionalism / V.A. Lebedev // Constitutional and municipal law. 2015. № 12. P. 3–8.
7. Gavrishchuk V.V. Law and education: current aspects of the topic / V.V. Gavrishchuk // Law and education. 2008. № 10.
8. Federal Law of 06.10.2003 № 131-FZ «On the general principles of local self-government in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822.
9. Shkatulla V.I. The right to education // State and Law. 1997. № 7.
10. Naruto S.V. Certainty of legislation as a guarantee of human and civil rights and freedoms in the constitutional and judicial doctrine / S.V. Naruto // Lex russica. 2018. № 10. P. 40–49.
11. Vasetsky N.A. Russian legislation at the present stage. The State Duma in the formation of the legal space of Russia (1994–2003) / N.A. Vasetsky, Yu.K. Krasnov // Publication of the State Duma of the Russian Federation. M., 2003.
12. Law of the Russian Federation of 10.07.1992 № 3266-1 «On Education» Has ceased to be effective // Vedomosti of the SND and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. № 30. Art. 1797.
13. Bondar N.S. Legal certainty is a universal principle of constitutional norm control (practice of the Constitutional Court of the Russian Federation) / N.S. Bondar // Constitutional and municipal law. 2011. № 10. P. 4–10.
14. Tikhomirov Yu.A. Theory of competence / Yu.A. Tikhomirov // Journal of Russian Law. 2000. № 10.

Информация об авторе

Матюшева Татьяна Николаевна
доктор юридических наук,
академик РАН,
Почетный работник сферы образования
Российской Федерации,
заведующая кафедрой
государственно-правовых дисциплин,

Tatiana N. Matyusheva
Doctor of Law,
Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences,
Honorary Worker of Education
of the Russian Federation,
Head of the Department of State and Legal Disciplines,

Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
matyushevatn@rambler.ru

North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
matyushevatn@rambler.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-10>
УДК 343.1

Attribution
cc by

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВА ЭКСПЕРТА НА СБОР ОБЪЕКТОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Михайличенко Н.А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. В статье исследуется проблема процессуальной независимости эксперта в контексте законодательного регулирования запрета, адресованного эксперту на самостоятельный сбор объектов и иных материалов для проведения исследования. В процессе изучения были использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания. При подготовке публикации использованы данные судебной практики, а также отечественные исследования в области уголовного судопроизводства и судебной экспертизы. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в целях устранения правовой неопределенности законодательной регламентации процессуального статуса эксперта, оптимизации и повышения эффективности судебно-следственной практики.

Ключевые слова: судебная экологическая экспертиза, судебно-экспертная деятельность, независимость эксперта.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

UNCERTAINTY OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE RIGHT OF AN EXPERT TO COLLECT OBJECTS FOR RESEARCH

Natalia A. Mikhailichenko

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract. The article examines the problem of procedural independence of an expert in the context of legislative regulation of the ban addressed to an expert on independent collection of objects and other materials for conducting research. In the process of study, general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal) methods of cognition were used. In preparing the publication, data from judicial practice, as well as domestic research in the field of criminal proceedings and forensic examination were used. Findings and conclusions: the materials of the publication can be used to eliminate legal uncertainty in the legislative regulation of the procedural status of an expert, optimization and improvement of the efficiency of forensic practice.

Keywords: forensic environmental expertise, forensic expert activity, independence of the expert.

Funding: Independent work.

Введение.

Гарантией конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства является однозначность, точность, ясность законодательного регулирования процессуального порядка получения доказательств. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, неопределенность правовой нормы препятствует надлежащему ее уяснению и открывает перед правоприменителем возможность неограниченного усмотрения [1].

Обсуждение. Результаты.

Одним из средств доказывания в уголовном судопроизводстве является назначение и производство судебной экспертизы. Повышение эффективности института судебной экспертизы путем укрепления гарантий процессуальной независимости эксперта – потребность судебно-следственной практики.

Проведение исследования экспертом, незаинтересованным в исходе дела, не находящимся под влиянием каких-либо обстоятельств и факторов,

способствует объективизации процесса доказывания и укреплению гарантий прав и свобод участников судопроизводства.

Независимость эксперта может быть поставлена под сомнение в случае нарушения им запрета на сбор материалов для исследования.

Адресованный эксперту законодательный запрет самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования порождает неоднозначность толкования в правоприменительной практике и вызывает полемику в научной среде.

Одна из причин дискуссионности вопроса, вероятно, лежит в плоскости используемой законодателем терминологии. Так, при конструировании норм УПК РФ, законодатель говорит:

- о материалах для экспертного исследования (п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ);
- о дополнительных материалах, необходимых для дачи заключения (п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ), материалах, предоставляемых в распоряжение эксперта (ст. 195 УПК РФ);
- об объектах исследования и материалах, представленных для производства судебной экспертизы (п. 7 ч. 1 ст. 204 УПК РФ) и образцах для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ).

В статье 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» также содержится запрет эксперту самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. При этом законодатель, наряду с общим термином «материалы для производства судебной экспертизы», дифференцирует объекты исследований и материалы дела.

Запрет на самостоятельный сбор материалов для проведения экспертизы содержится и в п. 2 ст. 85 гражданско-процессуального кодекса РФ, п. 6 ст. 46 кодекса административного судопроизводства РФ.

Для преодоления законодательной неопределенности в обозначенном вопросе судебной практикой выработана правовая позиция, в соответствии с которой необходимо различать понятия: материалы в значении «материалы дела, подлежащие исследованию» и материалы в значении «информация, необходимая для производства судебной экспертизы».

Материалы дела, подлежащие исследованию (объекты исследования, сведения), являются частью материалов дела. Основными признаками материалов дела, подлежащих исследованию, является то, что они определяют идентификационные признаки объекта исследования, его связь с обстоятельствами дела, а также содержат информацию, отсутствующую в открытых

источниках. Такие материалы эксперту запрещено самостоятельно собирать, их получение возможно только от инициатора назначения экспертизы (суда, следственных органов).

Информация, необходимая для производства судебной экспертизы, относится к методике (процессу исследования), которую эксперту не запрещено самостоятельно собирать.

Следовательно, «использование экспертом для сравнительного анализа в качестве образца документов, источник которых установлен, и к тому же, полученных не от сторон по делу, суд не может квалифицировать как самостоятельный сбор материалов для проведения экспертизы» [2].

Вместе с тем, судебная практика не дает ответа на вопрос: Может ли эксперт самостоятельно собирать материалы, необходимые для производства судебной экспертизы в тех случаях, когда это является частью экспертного исследования?

В соответствии с ч. 4 ст. 204 УПК РФ, если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом.

При производстве судебных экологических экспертиз экспертами нередко проводится, так называемый экспертный осмотр места происшествия, который рассматривается как один из этапов проведения судебно-экспертного исследования. Целью производства экспертного осмотра является, в том числе и получение дополнительных сведений о негативном антропогенном воздействии на объекты окружающей среды, необходимых эксперту-экологу для производства экспертизы. В рамках экспертного осмотра места происшествия, экспертами проводится изъятие образцов (проб) воды, воздуха, почвы и иных компонентов окружающей среды [3].

Необходимость проведения экспертом дополнительного осмотра места экологического правонарушения обусловлена рядом причин, среди которых низкое качество проведения следственного осмотра, неполная фиксация в протоколе осмотра места происшествия фактических данных об антропогенно измененных объектах окружающей среды или их частях, нарушение правил обнаружения, фиксации и изъятия следов негативного антропогенного воздействия на компоненты окружающей среды, что приводит к их непригодности для дальнейшего экспертного исследования.

Таким образом, экспертный осмотр места происшествия позволяет получить более точную и полную информацию об объектах исследования, чем в тех случаях, когда экспертиза основывается только на представленных следователем или судом материалах.

Вместе с тем, можно констатировать, что самостоятельный осмотр экспертом места происше-

ствия и изъятие им новых следов, образцов (проб) может поставить под сомнение его независимость, а также повлечь нарушение прав и свобод участников процесса.

Статьей 57 УПК РФ закреплено, что эксперт может участвовать в следственных действиях только с разрешения властных участников, в производстве которых находится уголовное дело. Следовательно, ходатайство эксперта перед дознавателем, следователем или судом о проведении дополнительного осмотра места происшествия и о допуске самого эксперта к участию в этом следственном действии представляется единственным процессуально корректным способом получения экспертом объектов и материалов, необходимых ему для проведения исследования.

Иная ситуация складывается в том случае, если объектом экологической экспертизы является локальный земельный участок, подвергшийся антропогенному воздействию, а поставленная перед экспертом задача непосредственно связана с этим объектом. В этом случае, самостоятельный осмотр экспертом представленного ему объекта по месту его нахождения не противоречит действующему нормативно-правовому регулированию, поскольку такие действия являются частью экспертной методики и относятся к прерогативе эксперта.

Дальнейшее совершенствование правовой регламентации процессуального статуса эксперта должно базироваться на соблюдении баланса укрепления независимости эксперта и укрепления гарантий прав и свобод участников судопроизводства, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Как нам представляется, именно в таком направлении возможно дальнейшее реформи-

рование процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы.

Заключение.

Для устранения правовой неопределенности содержания ст. 57, 195, 202, 204 УПК РФ необходимо указать на то, что эксперту запрещено самостоятельно собирать объекты и любые иные материалы для исследования, если такие действия связаны с получением новых объектов, которые ранее не изымались дознавателем, следователем или судом в рамках проведения следственных и судебных действий за исключением тех случаев, когда экспертом самостоятельно проводится осмотр представленного на исследование объекта по месту его нахождения. При этом в соответствующем разделе заключения эксперта должно быть указание не на проведенный экспертом осмотр места происшествия, а на осмотр конкретного объекта (к примеру, локального земельного участка), представленного ему для проведения исследования и указанного в постановлении (определении) о назначении экспертизы, по месту его нахождения.

Предоставление дополнительных материалов, проведение осмотра места происшествия являются процессуальными действиями, связанными с рассмотрением ходатайства эксперта и входят компетенцию суда, органов предварительного расследования.

Таким образом, существующая законодательная регламентация порядка прекращения уголовного дела (преследования) и назначения судебного штрафа нуждается в уточнении и конкретизации, что позволит избежать правовой неопределенности, укрепить независимость эксперта, повысить гарантии прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2017 года № 22-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года № 1-П.
2. Решение Арбитражного суда Самарской области от 20 апреля 2022 г. по делу № А55-28990/2020 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 21.07.2024).
3. Методические рекомендации по судебнo-экологическому исследованию почвенно-геологических объектов / Г.Г. Омелянюк [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 3(15). С. 88–116.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

References:

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2017 № 22-П; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 14, 2016. № 1-П.
2. Decision of the Arbitration Court of the Samara Region dated April 20, 2022, in case № А55-28990/2020 // Internet resource Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAkt). URL : <https://sudact.ru> (date of application 21.07.2024).
3. Methodological recommendations for forensic environmental research of soil-geological objects / G.G. Omelyanuk [et al.] // Theory and practice of forensic examination. 2009. № 3(15). P. 88–116.

Информация об авторе

Михайличенко Наталья Александровна
кандидат юридических наук,
доцент департамента экологии человека
и биоэлементологии института экологии,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
mikhaylichenko_na@rudn.ru

Natalia A. Mikhailichenko
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Human Ecology and Bioelementology,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
mikhaylichenko_na@rudn.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-22>

УДК 342.6

Attribution

cc by

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОДДЕРЖКИ СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ Г. МОСКВЫ

Мхиссин С.М.

*Московский городской педагогический университет;
Институт экономики, управления и права*

Аннотация. В статье анализируются конституционно-правовые основы поддержки соотечественников, осуществляемой органами государственной власти Москвы. Описываются ключевые направления государственной политики в отношении российских граждан, проживающих за рубежом, включая правовое обеспечение их прав и интересов, а также меры, принимаемые московскими властями для поддержки русскоязычной диаспоры. Рассматриваются федеральные законы, программы, и деятельность структур Правительства Москвы, таких как Департамент внешнеэкономических и международных связей и Московский дом соотечественника. Основное внимание уделяется мерам поддержки в сферах образования, культуры, социальной помощи, включая взаимодействие с русскоязычными СМИ. Подчеркивается важность этой работы для сохранения российской идентичности и культурных связей с диаспорой, а также эффективности применения правовых механизмов на уровне города Москвы.

Ключевые слова: конституционно-правовые основы, поддержка соотечественников, органы государственной власти Москвы, российская диаспора, государственная политика, культура, образование, правовая помощь, Москва, Московский дом соотечественника, департамент внешнеэкономических и международных связей, связи, социальная поддержка.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF SUPPORT FOR COMPATRIOTS BY THE GOVERNMENT AUTHORITIES OF THE CITY OF MOSCOW

Sofia M. Mkhissin

*Moscow City Pedagogical University;
Institute of Economics, Management and Law*

Abstract. The article explores the constitutional and legal framework for the assistance provided to compatriots by the governing bodies of Moscow. It highlights the primary aspects of state policy aimed at Russian citizens residing overseas, encompassing the safeguarding of their rights and interests through legal means, along with the initiatives undertaken by Moscow's authorities to aid the Russian-speaking community. The study examines federal laws and programs, as well as the activities of structures under the Moscow Government, such as the Department for External Economic and International Relations and the Moscow House of Compatriots. Special attention is paid to support measures in the fields of education, culture, social assistance, and interaction with Russian-language media. The article emphasizes the importance of this work for preserving Russian identity and cultural ties with the diaspora, as well as the effective application of legal mechanisms at the municipal level in Moscow.

Keywords: constitutional and legal foundations, support for compatriots, government authorities of Moscow, Russian diaspora, state policy, culture, education, legal assistance, Moscow, Moscow House of Compatriots, Department for External Economic and International Relations, connections, social support.

Funding: Independent work.

Введение.

Разработка основных направлений государственной политики Российской Федерации в области поддержки соотечественников за рубежом началась с принятием Конституции Российской Федерации, утвержденной на Всенародном голосовании 12 декабря 1993 года (Российская газета, 1993, 25 декабря), согласно положения ч. 2 ст. 61, ч. 1 и 2 ст. 62, а также п. «в» ч. 1 ст. 71 КРФ. Россия обеспечивает одну из важнейших конституционных обязанностей по защите и прав свобод граждан, включая защиту и покровительство граждан РФ за ее пределами. В последующем с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года в Конституцию РФ были внесены поправки, согласно которым Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» (ст. 69. п. 3), таким образом деятельность по поддержке соотечественников за рубежом стала конституционной нормой [1].

На сегодняшний день по разным оценкам, за рубежом находятся от 30 до 40 миллионов наших соотечественников, многие из которых считают Россию своей исторической родиной, продолжают говорить на русском языке, чтить традиции и передавать детям любовь к отечественной культуре. Деятельность по поддержке соотечественников за рубежом стала в последние годы значимым направлением и вводится не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов Федерации.

Москва, как столица Российской Федерации, играет значимую роль на международной арене и активно использует полномочия предоставленные ей Конституцией РФ (п. «о» ч. 1 ст. 72), ФЗ «О координации международной и внешнеэкономической связи субъектов РФ» [2], законами и договорами между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий [7: с. 48-51].

Поддержка и защита интересов соотечественников, живущих за границей, остаётся приоритетной задачей органов власти г. Москвы уже более трёх десятилетий. Политика столицы в этой сфере опирается на общность этнических, религиозных, языковых и культурных традиций, объединяющих многонациональный народ России. Стоит отметить, что Москва занимает ведущее место среди субъектов РФ по объёму предоставляемой социально-гуманитарной поддержки соотечественникам, проживающих за пределами страны.

В современной обстановке ключевое значение имеет усиление сотрудничества с русскоязычными диаспорами за пределами страны, поддержка развития СМИ на русском языке, а также

продвижение русской культуры и языка через использование ресурсов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Обсуждение.

Деятельность органов государственной власти города Москвы по реализации мер по поддержке соотечественников осуществляется в соответствии с:

– общепризнанными принципами и нормами международного права; Конституцией РФ;

– международными договорами;

– Федеральными законами: Федеральный Закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»; Федеральным закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»; Федеральным закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации»; «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1);

– Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 18.09.2024) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»; Указами Президента Российской Федерации от 11 августа 1994 года № 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом»;

– Постановление Правительства РФ от 31.08.1994 № 1064 «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом»; Постановление ГД ФС РФ от 08.12.1995 № 1476-1 ГД «О Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам».

Также Москва сформировала внутреннюю развитую нормативно-правовую базу, регламентирующую поддержку соотечественников за рубежом:

– Законы города Москвы: Закон города Москвы № 54 от 28.06.1995 г. «Устав города Москвы»; Закон г. Москвы от 23.09.2009 № 37 (ред. от 20.02.2019) «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы» Российской Федерации; Постановление Правительства Москвы от 26.04.2011 № 152-ПП «О Порядке учета организаций соотечественников за рубежом»; Распоряжение Мэра Москвы от 01.08.2003 № 288-РМ «Об утверждении концепции создания организаций «Дом Москвы» за рубежом»; Постановление Правительства Москвы от 22.11.2011 № 556-ПП (ред. от 22.03.2022) «Об утверждении Положения о Департаменте внешнеэкономических и международных связей города Москвы» другими правовыми актами

Именно с принятием Постановления Правительства Москвы № 560 от 04 июля 1996 года «Об итогах реализации в 1995 году соглашений о сотрудничестве Москвы со странами СНГ и Балтии, и задачах по дальнейшему совершенствованию этой работы» и Постановления Правительства Москвы от 18.09.2001 № 844-ПП «Об основных направлениях работы по поддержке соотечественников за рубежом», Москва закрепила за собой передовое место среди регионов нашей страны в сфере поддержки соотечественников за рубежом. Это обусловлено быстрым реагированием Правительства Москвы на события времен распада СССР, формированием региональной системы общения с соотечественниками не только на постсоветском пространстве.

Как представлено из данных с официального сайта mos.ru сотрудничество идет с 61 страной где работают 325 организаций соотечественников, этому способствовала работа органов исполнительной власти Москвы, которые институционально оптимизировали осуществление функции международного сотрудничества, создав такие успешные организации подведомственные Департаменту внешнеэкономических и международных связей как ГБУ «Культурно-деловой центр «Дом Москвы», ГКУ «Московский Дом соотечественника», ГУП «Московский центр международного сотрудничества»

Согласно статье 16, пункту 3 Закона города Москвы № 65 от 20.12.2006 «О Правительстве Москвы», Правительство столицы в рамках своих полномочий активно участвует в деятельности международных межправительственных и неправительственных организаций, а также содействует реализации государственной политики в отношении соотечественников. Эта работа осуществляется в тесном взаимодействии с Министерством иностранных дел России, Администрацией Президента РФ, Государственной Думой, Советом Федерации, Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом, а также с привлечением ключевых столичных департаментов, включая Департамент международных и внешнеэкономических связей, Департамент культуры, Департамент спорта и другие.

Для систематизации и повышения эффективности целевой работы с соотечественниками Правительство Москвы разработало и утвердило Закон города Москвы № 37 от 23.09.2009 (с изменениями от 20.02.2019) «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы». Этот закон стал флагманом среди регионов России, задав высокий стандарт взаимодействия с российской диаспорой за границей [3].

В соответствии с Законом, целями деятельности органов государственной власти города Москвы по поддержке соотечественников являются: взаимодействие с федеральными органами власти для обеспечения прав и свобод соотечественников, создание благоприятных условий для уча-

стия Москвы в государственной политике в отношении соотечественников, а также использование их потенциала для культурного, научного, экономического и социального развития города.

В соответствии со ст. 3 поддержка соотечественников органами государственной власти города Москвы осуществляется на принципах согласованности с поддержкой федеральными органами власти, активно привлекая соотечественников, что подчеркивает открытость властей к сотрудничеству и прозрачность в предоставлении информации. Поддержка оказывается адресно, с учетом конкретных потребностей, а все мероприятия тесно связаны с приоритетными задачами развития столицы. Важным аспектом является взаимодействие с общественными организациями, что позволяет учитывать интересы различных групп и укреплять связи между московскими властями и диаспорой.

В качестве деятельности органов государственной власти города Москвы при осуществлении поддержки соотечественников в ст. 4 Закона определены следующие направления: стимуляция и информационное сотрудничество с организациями соотечественников, развитие русской культуры и русского языка, содействие в получении образования на русском языке, оказание правовой помощи соотечественникам путем взаимодействия с международными организациями.

Постановлением Правительства Москвы от 04.03.2008 № 159-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте внешнеэкономических и международных связей города Москвы» был создан орган исполнительной власти города Москвы – Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы (ДВМС), который обеспечивает координацию внешнеэкономической и международной деятельности органов исполнительной власти города Москвы и проведение единой политики города Москвы в данной области.

ДВМС направляет свои усилия на укрепление статуса столицы как международного финансового центра. В рамках своих функций, закрепленных в Положении о Департаменте, ДВМС активно оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом. Для выполнения этих задач Департамент разрабатывает проекты нормативно-правовых актов, которые впоследствии представляются на рассмотрение Мэру Москвы и городскому Правительству.

Кроме того, в рамках предоставленных компетенций Департамент международных и внешнеэкономических связей отвечает за организацию работы зарубежных представительств Москвы, а также координирует взаимодействие с федеральными органами государственной власти в сфере международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности.

Органы исполнительной власти Москвы институционально оптимизировали осуществление

функции международного сотрудничества, создав такие успешные организации подведомственные Департаменту внешнеэкономических и международных связей как ГБУ «Культурно-деловой центр «Дом Москвы», ГКУ «Московский Дом соотечественника», ГУП «Московский центр международного сотрудничества» [4].

В соответствии с Положением о Департаменте (Постановление Правительства Москвы от 22.11.2011 № 556-ПП (ред. от 22.03.2022) МДС выполняет функции разработки и реализации политики в сфере поддержки соотечественников за рубежом [5]. «Московский Дом соотечественника» стал знаковым проектом, оправдавшим ожидания и превратившимся в уникальную платформу для объединения «русского мира» по всему земному шару. Деятельность организации охватывает широкий спектр направлений, отражающих многогранность культурного и духовного наследия: от популяризации русского языка и культуры до образовательных программ, включая дистанционное обучение для русскоязычных детей за границей. МДС также оказывает поддержку ветеранам, организациям, ухаживающим за воинскими захоронениями, и приходам Русской православной церкви за рубежом, помогая с поставкой церковной утвари и развитием приходских школ. Помимо этого, организация активно занимается информационно-просветительской работой, проводит фестивали российской песни и реализует множество других значимых инициатив. Созданный как центральный координационный орган, МДС обеспечивает эффективное взаимодействие Правительства Москвы с общественными, политическими, деловыми и научными кругами, укрепляя связи между российской диаспорой и столицей России.

На сегодняшний день работа по поддержанию соотечественников за рубежом вводится согласно Комплексному плану основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы, утвержденному Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом от 17 января 2024 года. В соответствии с которым, основными задачами являются: содействие консолидации соотечественников; сохранение общероссийской культурной идентичности, памяти об истории России; обеспечение правовой защиты соотечественников; развитие информационного обеспечения соотечественников; содействие СМИ в целях продвижения России; взаимодействие с молодежными, женскими и ветеранскими объединениями соотечественников; сохранение и развитие их связей с Российской Федерацией; сотрудничество субъектов Российской Федерации с объединениями соотечественников; поддержка социально незащищенных слоев соотечественников и оказание им материальной помощи.

Результаты

Органы государственной власти Москвы уделяют особое внимание поддержке соотечественников, находящихся за рубежом, способствуя та-

ким образом расширению «русского мира», как особого цивилизационного пространства, воспроизводящего архетип исконных ценностей народа российского. Таким образом формируется благоприятная внешняя среда, вокруг границ России создается географический «пояс» лояльных либо дружественных России государств, укрепляются позиции нашей страны на международной арене.

Позитивную роль в развитии поддержания соотечественников за рубежом сыграла форма, получившая название «Дом Москвы» созданная и функционирующая на основании Распоряжения Мэра Москвы от 01 августа 2003 г. № 288-РМ «Об утверждении концепции создания организаций «Дом Москвы» (входят в структуру ДВМС).

Согласно ст. 2 п. 2. Данной Концепции «Дом Москвы» выполняют широкий спектр задач, включая тесное сотрудничество с организациями соотечественников за рубежом, содействуют всестороннему участию общественных, культурных, научных, деловых и иных объединений соотечественников в зарубежных странах и их представителей в процессе реализации мероприятий комплексных целевых программ поддержки соотечественников за рубежом, принятых Правительством Москвы. Как пример реализации деятельности Домов Москвы можно привести следующие мероприятия: в Доме Москвы в Ереване прошли новогодние представления [8], а в Минске состоялся концерт в рамках проекта «Отражение света Полоцкой земли» [9]. В августе 2024 г. «Дом Москвы» в Ереване принял Международный форум «Новые горизонты сотрудничества Армении и ЕАЭС с БРИКС и ШОС», а в феврале 2025 года в «Домах Москвы» в Минске, Сухуме и Ереване отметили день Защитника Отечества.

Столица также способствует организации фестивалей русской культуры и языка, как один из недавних примеров: «Форум выпускников советских и российских вузов» в Каире, направленный на популяризацию российского образования. Из регулярных проектов: Международный Пушкинский конкурс, где участвуют учителя и преподаватели русского языка из других стран. Данный конкурс проводится уже 24 года и организуется в сотрудничестве с РГ («Российская газета»).

Дни Москвы, проводимые в столицах зарубежных государств, а также Дни столиц других стран, организуемые в Москве, имеют особое значение для развития международного сотрудничества. Эти мероприятия служат платформой для укрепления связей на различных уровнях. В их рамках проходят встречи руководителей городов, где обсуждаются вопросы сотрудничества, а также культурные события, такие как концерты и выставки, которые способствуют взаимному обогащению культур. Кроме того, организуются круглые столы, где эксперты и представители власти обсуждают актуальные проблемы, что позволяет находить новые пути взаимодей-

ствия и решения общих задач. Особое внимание уделяется продвижению русского языка, культуре а также значимым датам, именно поэтому в рамках реализации проектов органов государственной власти г. Москвы по поддержке русского языка за рубежом, можно выделить такие направления как: разработка и поставка учебников и методических материалов; повышение квалификации преподавателей русского языка и литературы; оснащение русских школ за рубежом техникой и мультимедийными ресурсами и др.

Москва также активно поддерживает русскоязычные средства массовой информации за рубежом, включая как печатные, так и электронные издания. Эта поддержка охватывает широкий спектр направлений: рассмотрение актуальных вопросов жизни соотечественников, продвижение русского языка, а также популяризация культурного и исторического наследия России, создание специализированных радио- и телепрограмм, выпуск кино-, видео- и печатных материалов, организацию интернет-телевещания. Особое внимание уделяется тому, чтобы эти медиа освещали жизнь российской столицы, рассказывали о московских проектах и инициативах Правительства Москвы в отношении соотечественников. Также проводятся мероприятия для русскоязычных СМИ за рубежом, например Медиафорум русскоязычных зарубежных СМИ, прошедший в Стамбуле в 2024 году, что указывает на то, что Правительство Москвы также создает и реализует проекты, ориентированные на конкретные категории населения.

Начиная с 1996 года, студенты из семи государств СНГ получили возможность получить стипендия Мэра Москвы [10]. Такая мера способствует укреплению культурных связей с Россией и входит в число приоритетных социально значимых инициатив московского правительства. Ее цель – не только материальная помощь, но и создание условий для сохранения общих культурных и образовательных ценностей среди молодежи стран СНГ.

Все мероприятия делятся на группы по различным параметрам: по возрасту, по географическому принципу, по формату проведения. Особое внимание уделяется молодежи, предпринимательской группе. Также помощь оказывается социально незащищенным группам: инвалидам, ветеранам ВОВ, а также – соотечественникам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

На поддержку может претендовать организация российских соотечественников, с которой можно будет заключить договор. Заявки направляются в адрес министра Правительства Москвы, руководителя ДВМС Сергея Черемина. Итоговое решение по заявке принимает также руководство ДВМС. Подход индивидуальный, но есть и общие критерии, например, должна быть представлена детальная смета планируемых расходов, и обязательная рекомендация в стране проживания.

Москва регулярно помогает в реставрации памятников и захоронений советских воинов за рубежом (например установка мемориальной доски во Франции [11]). Проводятся мероприятия, посвященные памятным датам российской истории.

Из приведенного анализа очевидно, что Москва активно способствует укреплению и расширению взаимодействия с российскими соотечественниками, играя ключевую роль в развитии международных связей страны и выступая важным звеном в продвижении её интересов за рубежом.

Заключение

Проанализировав конституционно-правовые основы поддержки соотечественников, осуществляемой органами государственной власти г. Москвы, можно сделать вывод о том, что столице как субъекту РФ предоставлена в определённых пределах самостоятельность в области установления международных связей, включая поддержку соотечественников за рубежом. На основании существующей в настоящее время нормативной базы федерального и регионального уровней, была сформирована действительно отвечающая современным требованиям, проблемам и вызовам, модель реализации столицей нашей страны по поддержке соотечественников.

Однако полагаем, следует де-юре признать статус субъекта федеративного государства как участника международного общения, чтобы таким образом был подтвержден правомерный характер международного обычая правомерности международной деятельности субъектов федеративного государства, что будет способствовать ее наиболее эффективной реализации.

Реализация государственной политики в отношении соотечественников, осуществляемая органами власти Москвы, демонстрирует свою востребованность и высокую эффективность. В рамках этой работы активно внедряются культурно-просветительские и образовательные инициативы, а также проекты, включающие финансовую поддержку. Ключевыми приоритетами этих программ выступают сохранение и продвижение русского языка, развитие русскоязычных СМИ, активная работа с молодежью и укрепление исторического наследия. Эти меры не только поддерживают связь с соотечественниками за границей, но и формируют благоприятный имидж России на мировой арене, усиливая её культурное и историческое влияние в международном контексте.

Проведенный анализ различных подходов и инструментов, применяемых Правительством Москвы, позволяет выделить ключевые формы взаимодействия с соотечественниками, которые были систематизированы по следующим критериям: продолжительность, целевая аудитория, формат и направленность. К ним относятся как краткосрочные акции, так и долгосрочные проек-

ты, рассчитанные на широкий круг участников, включая местное население, а также специализированные программы, ориентированные на российскую диаспору.

В заключение считаю необходимым выделить, что для повышения эффективности сотрудничества с соотечественниками необходимо дальнейшее развитие правовых механизмов и про-

грамм поддержки. Такой подход обеспечит своевременное реагирование на актуальные проблемы и позволит максимально учитывать потребности россиян, проживающих за рубежом. Подобные меры будут способствовать укреплению связей между Россией и её диаспорой, а также интеграции соотечественников в культурную и социальную жизнь страны.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета», 04.07.2020 г. № 144.
2. Федеральный закон от 24.05.1999 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» // «Собрание законодательства РФ», 18.03.1996. № 12. Ст. 1078; Указ Президента РФ от 07.05.2012 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 18.03.1996. № 12. Ст. 1321.
3. Закон города Москвы от 23.09.2009 № 37 «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 22.01.2025).
4. Распоряжение Правительства Москвы № 15-РП от 29.01.2003 г. «О создании государственного учреждения города Москвы «Центр гуманитарного и делового сотрудничества с соотечественниками за рубежом - Московский Дом соотечественника» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 22.01.2025).
5. Постановление Правительства Москвы № 556-ПП от 22 ноября 2011 г. О Департаменте внешнеэкономических и международных связей города Москвы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 22.01.2025).
6. Распоряжением Мэра Москвы от 01.08.2003 № 288-РМ «Об утверждении концепции создания организаций «Дом Москвы» за рубежом» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы». 2003. № 48.
7. Логвинова И.В. Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: институциональный аспект / И.В. Логвинова // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 48–51.
8. Московские елки прошли в Ереване. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/moscow-and-compatriots/detail/12750797.html> (дата обращения 22.01.2025).
9. Итоги международного фестиваля, посвященного российской диаспоре. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/moscow-and-compatriots/detail/12753856.html> (дата обращения 22.01.2025).
10. Мэрская стипендия в странах Балтии и СНГ: поддержка молодых соотечественников за рубежом. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/12590886.html> (дата обращения 22.01.2025).
11. Соотечественники во Франции установят мемориальную доску механику авиаполка Нормандия-Неман. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/12758987.html> (дата обращения 22.01.2025).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // «Rossiyskaya Gazeta». 07/04/2020. № 144.
2. Federal Law of 05/24/1999 «On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots living abroad» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 03/18/1996. № 12. Art. 1078; Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2012 «On measures to implement the foreign policy course of the Russian Federation» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 03/18/1996. № 12. Art. 1321
3. Law of the city of Moscow dated September 23, 2009 № 37 «On the support of compatriots abroad by government authorities of the city of Moscow // SPS «ConsultantPlus» (date of application 01/22/2025).
4. Order of the Moscow Government № 15-RP dated January 29, 2003 «On the creation of a state institution of the city of Moscow «Center for Humanitarian and Business Cooperation with Compatriots Abroad – Moscow House of Compatriots» // SPS «ConsultantPlus» (date of application 01/22/2025).

5. Decree of the Moscow Government № 556-PP dated November 22, 2011 On the Department of External Economic and International Relations of the City of Moscow» // SPS «ConsultantPlus» (date of application 01/22/2025).
6. Order of the Mayor of Moscow dated 08/01/2003 № 288-RM «On approval of the concept of creating «House of Moscow» organizations abroad» // «Bulletin of the Mayor and Government of Moscow». 2003. № 48.
7. Logvinova I.V. Coordination of international and foreign economic relations of the constituent entities of the Russian Federation: institutional aspect / I.V. Logvinova // Constitutional and municipal law. 2018. № 7. P. 48–51.
8. Moscow Christmas trees were held in Yerevan. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/moscow-and compatriots/detail/12750797.html> (date of application 01/22/2025).
9. Results of the international festival dedicated to the Russian diaspora. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/moscow-and-compatriots/detail/12753856.html> (date of application 01/22/2025).
10. Mayoral scholarship in the Baltic and CIS countries: support for young compatriots abroad. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/12590886.html> (date of application 01/22/2025).
11. Compatriots in France will install a memorial plaque to a mechanic from the Normandie-Niemen air regiment. URL : <https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/12758987.html> (date of application 22.01.2025).

Информация об авторе

Мхиссин София Маджидовна

аспирантка,
кафедра государственно-правовых дисциплин
школы права института права и управления,
Московский городской педагогический университет
mkhissinsm@mgpu.ru

Mkhissin Sofia Madzhidovna

Postgraduate Student,
Department of State and Legal Disciplines,
School of Law, Institute of Law and Management,
Moscow State Pedagogical University
mkhissinsm@mgpu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-1>

УДК 340

Attribution

cc by

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (В ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ)

Попов М.Ю.¹, Клименко Т.М.², Чапурко Т.М.³, Хорольский Г.В.⁴

¹Российская академия гуманитарных наук,

²Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии,

³Краснодарский университет МВД РФ,

⁴Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. Данная публикация посвящена актуальной для современной России теме. Целью работы является выявление с помощью экспертных оценок ученых из правоохранительных органов способов преодоления влияния коррупции на деятельность органов государственной и муниципальной власти, образования и науки. Задача исследования – систематизировать наиболее эффективные способы борьбы с коррупцией и её профилактики в современной России. Результаты: определено, что современное российское общество, находясь на этапе выхода из системного кризиса, должно направить свои усилия на избавление от коррупционной зависимости посредством совершенствования антикоррупционного законодательства, правового образования и духовно-нравственного воспитания населения, совершенствования отечественного образования на всех его уровнях. Выводы: в завершение исследования сделан вывод о необходимости системной государственной политики, направленной на борьбу с коррупцией, её профилактику, правовое образование и правовое воспитание населения с участием как институтов государственной власти, так и гражданского общества.

Ключевые слова: коррупция, государственная антикоррупционная политика, антикоррупционное законодательство, органы государственной и муниципальной власти, коррупционное поведение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON SOME DIRECTIONS OF ANTI-CORRUPTION STATE POLICY OF MODERN RUSSIA (IN EXPERT ASSESSMENTS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS)

Mikhail Yu. Popov¹, Tauzhan M. Klimenko²,
Tatyana M. Chapurko³, Gennadiy V. Khorolsky⁴

¹Russian Academy of Humanities,

²Law Institute of the North Caucasian State Academy,

³Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

⁴Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. This publication is devoted to the topic of corruption, which is relevant for modern Russia. The purpose of the work is to identify, with the help of expert assessments of scientists from law enforcement agencies, ways to overcome the impact of corruption on the activities of state and municipal authorities, education and science. The task of the study is to systematize the most effective ways to combat corruption and prevent it in modern Russia. Results: it is determined that the modern Russian society, being at the stage of overcoming the systemic crisis, should direct its efforts to get rid of corruption dependence by improving anti-corruption legislation, legal education and upbringing of the population, its spiritual and moral upbringing, improving domestic education at all its levels. Conclusions: At the end of the study, the author concludes that there is a need for a systematic state policy aimed at combating corruption, its prevention, legal education and upbringing of the population with the participation of both institutions of state power and civil society.

© Попов М.Ю., Клименко Т.М., Чапурко Т.М., Хорольский Г.В.

Keywords: corruption, state anti-corruption policy, anti-corruption legislation, state and municipal authorities, corrupt behavior.

Funding: Independent work.

Введение.

Коррупция является одной из актуальных проблем для многих государств; не избежала её и наша страна, а её «антирейтинг» за прошедшие после распада СССР годы неуклонно растёт [1; 2], приняв в некоторых сферах государственной и общественной жизни системный характер, что и объясняет интерес к этой теме как объекта исследования у представителей многих отраслей научного знания, включая юридические, экономические, социологические и другие его направления.

В данной публикации мы акцентируем внимание на проблемах, посвященных противодействию коррупции в исследованиях представителей правоохранительных органов, потому что, как мы полагаем, именно они относятся, в первую очередь, к той группе специалистов, кто непосредственно занимается исследованием этой проблемы, регулярно сталкивается с ней в своей профессиональной деятельности.

Следует отметить, что данная публикация продолжает серию научных статей, опубликованных нами в ряде периодических научных изданий, начиная с 2024 года, и посвященных исследованию различных проблем коррупции в современном российском обществе, в которых были использованы экспертные оценки ученых, представляющих правоохранительные органы. В частности, они были посвящены теоретико-правовым подходам к проблеме коррупции [3], а также некоторым её проявлениям в деятельности правоохранительных органов [4]. И как мы полагаем, научная новизна этих исследований заключается, в первую очередь, в том, что их авторы имели возможность проанализировать эти проблемы «изнутри».

Обсуждение. Результаты.

Начнем мы публикацию с анализа содержания коллективной монографии «Коррупция в современной России: причины, динамика, альтернативы», в которой внимание авторов уделяется характерным для всего российского общества способам преодоления этой актуальной для него проблемы в различных направлениях, среди которых они выделяют:

- повышение эффективности воздействия со стороны государства на экономическую, социальную, организационную и духовную базу эскалации коррупции;
- активное противодействие её причинам и условиям возникновения с одновременным пресечением процессов самодетерминации коррупции и коррупционного поведения, выявлением и

прекращением деятельности идеологов и организаторов коррупционных преступлений;

- необходимость понимания того, что меры по профилактике и борьбе с коррупцией не должны носить чрезвычайный характер;

- широкую пропаганду идей, лежащих в основе общепринятых нравственных норм и законов, разъясняющих экономическую опасность коррупционных преступлений и демонстрирующих возможности добиться успехов в борьбе с ней;

- комплекс различных правовых норм (законов), решающих задачи предупреждения и контроля коррупции во всех праворегулируемых сферах, сужения возможностей, ей способствующих, снижения выгод для всех участников коррупционных сделок, увеличения вероятности коррупционных действий и неизбежности уголовного наказания за них, формирования в общественном мнении нетерпимости к коррупции во всех её проявлениях;

- необходимость приложения совместных усилий и взаимодействия всех институтов гражданского общества и граждан для успешного решения этих задач [5, с. 140–141].

Дополняет эти предложения С.В. Алексеев, который, размышляя о способах борьбы с коррупционной зависимостью, поразившей российское общество, приходит к выводу о том, что избавиться от неё можно только в результате трансформации институциональной среды и, прежде всего, в направлении пересмотра сложившихся в стране формальных «правил игры» и синхронизации интересов различных социальных групп. А поскольку механизм социального регулирования включает право в самом широком смысле (законодательство, сложившиеся традиции, табу, установки поведения по принципу «так принято», технические правила, в том числе и вновь создаваемые), а неформальные правила формируются культурным контекстом и диктуется состоянием правовой культуры, то вырваться из «порочного круга» возможно только в правовом пространстве на фоне становления, формирования и развития правовой культуры населения, ориентации управленческих кадров на профессионализм, культуру управления, профессиональную гордость, а не на клановую солидарность [6, с. 220].

И.В. Печуров, утверждая, что именно коррупция вызывает ... торможение развития России, замедляет тренд инновационной модернизации, который должен обеспечить безопасность страны в формирующемся полицентричном мире [7, с. 108], приходит к выводу о том, что коренной перелом в борьбе с коррупцией возможен при

формировании постиндустриальной экономики нового типа, развития горизонтальных общественных связей и восприятия общественным мнением социально активных форм правореализации. По его мнению, данная адаптационная стратегия должна опираться на правовые и информационные нормы, адекватные применению новейших информационно-коммуникационных технологий противодействия различным видам преступности, в том числе и коррупции в системе государственного управления [7, с. 110].

Акцентируя внимание на информационно-коммуникационных технологиях противодействия коррупции, автор отмечает их высокую эффективность:

- во-первых, в силу их общей доступности;
- во-вторых, потому что они обеспечивают большую прозрачность власти;
- в-третьих, повышают взаимное доверие и ответственность власти, бизнеса и граждан;
- в-четвертых, упрощают трансакции государства и граждан, что влечет за собой экономичность управления и снижение уровня коррумпированности государственного аппарата [7, с. 112].

Далее, в результате анализа коррупционных практик, распространенных в постсоветской России, ряд авторов пришел к выводу о том, что ужесточение уголовного законодательства в отношении коррупционеров в части увеличения сроков их заключения в местах лишения свободы уже не раз доказало свою низкую эффективность. Как они полагают, если вести речь о ныне действующих чиновниках, хозяйственниках и правоохранителях, то единственно эффективным средством предупреждения их противоправной деятельности может быть только угроза как их социальному статусу, материальному благополучию, так и затрагивать интересы их ближайших родственников. Предостережением для них должна служить информация в СМИ и в структурах, где они работают, не только о факте возбуждения уголовных дел против тех из них, кто нарушил закон, но и результаты их расследования, и, конечно же, решения судов об их наказании. Помимо этого, ими предлагается в порядке законодательной инициативы:

1. Законодательно запретить лицам, осужденным за коррупционные преступления, занимать руководящие должности в органах государственной власти всех её уровней пожизненно.
2. Исключить из отечественного законодательства норму, позволяющую варьировать сроками наказания лиц, обвиняемых за коррупционные преступления, распространив её, в первую очередь, на высшие должностные лица.
3. Исключить срок давности в российском законодательстве в отношении коррупционных пре-

ступлений, совершенных чиновниками высокого ранга, приравняв их к преступлениям против государственного строя, к государственной измене.

4. Создать антикоррупционную разведку, находящуюся в непосредственном подчинении Президенту России, придав ей самые широкие полномочия [8].

Помимо этих предложений, авторами обращается внимание на то обстоятельство, что одним из деятельных субъектов коррупционных рисков являются их экспортёры из-за пределов нашей страны, потому что мировые элиты исторически не заинтересованы в существовании России как великой державы [8].

Продолжая тему антикоррупционной государственной политики, считаем необходимым формирование государственной стратегии духовно-нравственного возрождения нашей страны, в контексте которой мы предлагаем:

- разработать комплекс мер, направленных на профилактику коррупции, формирование антикоррупционного иммунитета у населения страны и, в первую очередь, у его молодого поколения;
- организовать на базе Всероссийского общества «Знание» систему правового образования для представителей всех возрастных групп в доступной для их восприятия форме;
- включить в Государственные стандарты сузов и вузов по всем специальностям в обязательном порядке предмет «Антикоррупционная государственная политика», в основу которого должна быть заложены идеи неотвратимости уголовного наказания за коррупционные преступления, безнравственности коррупционного поведения в обществе независимо от его масштабов, морального вреда, который коррупция наносит обществу и личности, потому что оказывает дестабилизирующее влияние на функционирование всей политической системы, провоцирует протестные настроения в стране по отношению к органам государственной власти из-за их неспособности противостоять коррупции, подрывает международный авторитет государства как надежного партнера во всех сферах межгосударственных отношений.

В данном контексте нам представляется интересным взгляд на эту проблему А.Г. Михайлова, который в своем выступлении на заседании Круглого стола, посвященном актуальным проблемам противодействия коррупции в современной России, отметил, что очень часто занижается роль пойманных на коррупции представителей власти, а некоторые из них до сих пор, находясь при должности, формируют политику государства. Ранее, как он отмечает, арест конкретного лица за нарушение, преступление рассматривался не только как мера пресечения, но и как мера профилактики; сегодня же арест чиновника уже не воспринимается обществом как какое-то

значимое событие. Граждане полагают, что наказание для служащих, если и будет, то самым минимальным, а сразу после окончания срока наказания бывший чиновник получит новую должность [9]. Также, он указал еще на одну актуальную проблему, которая может спровоцировать протестные настроения в обществе: на инициативу депутатов Государственной Думы по «закрытию» информации и недопустимости средств массовой информации и общественности «проникать в жизнь депутатов и государственных служащих». При этом он отметил, что данная инициатива «прикрывается законом о конфиденциальности деятельности сотрудников правоохранительных органов, военных и других структур» при том, что публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является ключевым принципом противодействия коррупции [9].

Как нам представляется, заслуживает особого внимания исследование Г.А. Дятлова, посвященное теме привлечения к уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере образования [10]:

Во-первых, как одного из наиболее распространенных видов коррупции по результатам многолетних социологических исследований, проводимых Transparency International [2]. И к сожалению, это явление, судя по материалам, публикуемым данной организацией, получило широкое распространение в нашей стране, начиная с 1990-х гг., что подтверждает и автор данного исследования, отмечая, что коррупция в сфере образования обладает системным и глубоко институциональным характером, а так как этот вид преступной деятельности носит латентный характер, то официальные источники правоохранительных органов и судебной системы не оперируют достоверными сведениями о коррупционных преступлениях в этой сфере [10].

В связи с этим, Г.А. Дятлов определяет два ключевых направления борьбы с коррупцией в сфере образования:

- выявление и своевременное устранение объективных факторов, которые способствуют распространению коррупции в обществе;
- планомерную работу в направлении формирования менталитета, который не приемлет принятия поощрительных благ без надлежащих трудовых затрат [10].

Во-вторых, разделяя точку зрения автора относительно того, что коррупция в сфере образования негативно отражается на авторитете высшего образования, непосредственно на личном авторитете педагогического состава, снижая привлекательность образовательного учреждения для абитуриентов [10], мы считаем необходимым взглянуть на эту проблему шире: с позиций негативного влияния этого явления на всю систему подготовки кадров за всю постсоветскую историю нашей страны, когда подавляющее

большинство вузов, независимо от формы их собственности, штамповало так называемых «специалистов» во всех сферах деятельности (и нередко, без их непосредственного участия в образовательном процессе), для многих из которых эти дипломы являлись и продолжают служить пропуском на государственную службу, в правоохранительные органы и в ту же систему высшего образования. Не для кого уже не секрет, что коррупционные схемы проникли и в структуры по подготовке научных и научно-педагогических кадров, когда обучение в магистратуре и аспирантуре стало эффективным способом уклонения от воинской обязанности, столь непопулярной и по настоящее время для определенных категорий молодых людей. На широкий поток была поставлена коррупционная практика написания и защиты кандидатских, докторских диссертаций. В результате, в органы государственной власти на разном их уровне, в правоохранительные структуры, в систему высшего образования, в научные учреждения проникли тысячи псевдо-специалистов и псевдо-ученых не для удовлетворения своих амбиций, а для включения в коррупционные схемы ради собственного обогащения. В данной публикации мы не удосуживаемся приведением примеров таких практик, потому что каждый из читателей может привести массу подобных случаев из этой «серии».

Таким образом, как нам представляется, низкое качество государственного управления, высшего образования, деятельности правоохранительных структур являются одним из следствий пагубного влияния коррупции практически на все сферы российского общества, с которыми, хотя государство и ведет достаточно активную борьбу, но его результаты вряд ли можно назвать впечатляющими, потому что коррупция стала за годы, прошедшие после распада СССР, системным явлением в жизни российского общества, на устранение которого потребуются немало времени и коллективных усилий; и по нашему убеждению, следует начинать с системы образования, трагедией которого является целеустремленная деятельность его организаторов, начиная с 1990-х гг., по изъятию из него воспитательной и гуманитарной функций в соответствии с традициями западной модели образования. И на этой проблеме мы акцентируем своё внимание в поиске ответа на вопрос, заданный своим читателям С.А. Воронцовым и А.В. Понедельковым: Как и на основе чего воспитывать будущих полицейских, прокуроров, судей, преданность долгу, присяге, неподкупность, готовность к самопожертвованию во имя Родины? Мы же хотим переадресовать этот вопрос и представителям других профессий. В поиске же ответа на этот вопрос, волнующий российское общество, авторы высказывают свое убеждение в том, что отсутствие духовно-патриотической идеологии восполняется, как показывает практика, криминальной либо радикальной идеологией, ибо свято место пусто не бывает [11, с. 44], с чем наше общество и столкнулось в 1990-е – в начале 2000-х гг.

И с данной точкой зрения трудно не согласиться, но по нашему убеждению, успешно решить эту проблему только внутриведомственными усилиями будет невозможно, потому что проблема духовно-нравственной, патриотической составляющей общественного сознания стала носить актуальный характер для практически всего постсоветского общества на протяжении всей его новейшей истории, поэтому выход из сложившейся ситуации следует искать, в первую очередь, через комплексное реформирование гуманитарной составляющей отечественного образования на всех его уровнях. Но в этом его направлении нами не наблюдается каких-либо ощутимых перемен. Да, благодаря усилиям бывшего руководителя Министерства просвещения РФ О.Ю. Васильевой, в системе общего образования была реанимирована его воспитательная составляющая. Хочется надеяться на то, что она продолжит реализовывать свои новаторские идеи и на посту президента Российской академии образования. В то же время, в системе общего образования мы наблюдаем, происходящие в нем какие-то странные процессы. Например, из преподавания в 6–8 классах было исключено обществознание, являвшееся практически единственным источником начала процесса формирования мировоззрения у учащихся в этом сложном переходном возрасте. Немалым было и воспитательное воздействие на них этого предмета. Зато в 7 классе стали преподавать логику (?!), и это при катастрофической нехватке учителей математики и других естественно-научных дисциплин; и это обстоятельство ставит под сомнение не только актуальность этого предмета для семиклассников, но и качество его преподавания. Правда, в настоящее время делается акцент на увеличение в школе часов, отводимых на преподавание истории России в контексте активизации патриотического воспитания подростков и молодежи. Хорошее, вне всякого сомнения, начинание, но происходит это в условиях острого дефицита учебников, объективно отражающих ход отечественной истории. Достаточно спорной нам кажется концепция единого учебника по истории, который уже был презентован Президенту РФ министром просвещения в начале февраля 2025 г.

Как нам представляется, этот учебник для каждого уровня общего образования:

Во-первых, должен пройти общественную научную экспертизу, потому что у нас вызывает сомнение объективность оценки его качества сотрудниками Института российской истории РАН в результате ознакомления с содержанием двух его изданий 2019 и 2020 гг. [12; 13], в которых, например, теме Великой Отечественной войны, несмотря на их большой объем, в одном из них – из 864 стр. ей было отведено 11 стр. [12, с. 751–762], а в другом – 20 из 1742 страниц [13, с. 1510–1530].

Во-вторых, его структура должна быть так оформлена таким образом, чтобы предоставить

возможность специалистам из субъектов федерации наполнить его материалом, отражающим ход истории на региональном уровне, в частности, вкладом его населения в победу в Великой Отечественной войне и в послевоенное восстановление народного хозяйства.

Только, по нашему убеждению, преподавание отечественной истории в школе хотя и является важным, но не единственным элементом комплексной гуманитарной подготовки учащихся, направленной на формирование целостной личности гражданина и патриота с устойчивым иммунитетом к деструктивному влиянию на неё чуждой для нашего общества морали и идеологии. Ведь именно этими качествами отличались дореволюционное российское и советское образование, а не только достижениями в сфере естественно-научного знания. Об этих его достижениях в гуманитарной сфере, также известной своими лауреатами Нобелевской премии, по известным политическим причинам, «забыли» руководители постсоветской России, не удосужившись в ходе реформы образования в стране уделить должного внимания его гуманитарной составляющей, что негативно отразилось на массовом сознании и асоциальном поведении немалой части наших соотечественников, попавших под влияние либеральной идеологии и криминальной морали, послуживших питательной почвой, в том числе и для системной коррупции.

К нашему сожалению, по-прежнему острой остается проблема гуманитарного образования в непрофильных вузах, из преподавания в которых постепенно «вымываются» гуманитарные науки. А чтобы скрыть эти «инновации», в их комплекс включена физкультура, что создает видимость большого объема учебных часов, отводимых на преподавание гуманитарных наук. Правда, в этих вузах в настоящее время вводится в образовательный процесс преподавание истории России. Только, по нашему глубокому убеждению, которое разделяют многие коллеги – преподаватели общественных наук, без комплексного подхода к гуманитарному образованию студентов, даже неплохо знающих отечественную историю, сформировать у них не удастся не только научного, но и качественного обыденного мировоззрения, позволяющего создать в их сознании полноценное представление об окружающем их мире и о своем месте в этой противоречивой реальности, выработать у них такие качества, как гражданственность, патриотизм, устойчивый иммунитет к воздействию на них деструктивной идеологии, либеральной морали и т.д.

Продолжая тему борьбы с коррупцией в отечественном образовании, следует отметить такое важное обстоятельство, как престиж профессии учителя и педагога, который остается на крайне низком уровне и, в первую очередь, в системе общего образования, высокое качество которого, по нашему убеждению, является условием,

определяющим будущие жизненные стратегии выпускников средних школ. К сожалению, традиционно высокий авторитет учителя на протяжении всей истории нашего государства, чья миссия как носителя знаний и воспитателя была сосредоточена на передаче учащимся духовно-нравственных и патриотических ценностей общества, фактически обрушился под влиянием трансформационных процессов, в России, начиная с 1990-х гг. Эти деградационные процессы охватили всю систему отечественного образования, финансирование которого стало осуществляться по остаточному принципу, что вынудило подавляющее большинство преподавателей школ встать перед необходимостью смены вида деятельности ради элементарного физического выживания. Усугубил ситуацию и крайне низкий уровень учебной литературы, финансирование издания которой осуществлялось из фондов зарубежных НКО, являвшихся агентами влияния коллективного Запада, идеологическая стратегия которого была ориентирована на духовно-нравственную и образовательную деградацию населения нашей страны. Коммерсализация же других сфер образования, как и подготовки научных кадров, привела к тому, что они стали, с одной стороны, не доступными для многих представителей малообеспеченных социальных групп, провоцируя образовательное неравенство в российском обществе, а с другой – простимулировало всплеск коррупции в этих структурах. В результате подобных перемен, профессия школьного учителя утратила престиж, восстановить который не удается по настоящее время, потому что их заработная плата в бюджетных общеобразовательных учебных заведениях, за исключением столичных мегаполисов, по-прежнему остается настолько незначительной, что вынуждает их работать на полторы, две ставки, стимулируя их на навязывание родителям своих воспитанников дополнительных занятий, якобы ради «повышения» их успеваемости, в следствие чего у самих школьных педагогов не остается времени для качественной подготовки к занятиям, повышения уровня своих профессиональных знаний. К тому же, они, как и преподаватели вузов, перегружены разными формами отчетности, лишь формально отражающих реальное положение дел в образовательной сфере.

Обращаясь к проблемам преодоления коррупции в системе высшего образования, мы полагаем, что только повышение заработной платы профессорско-преподавательскому составу вузов как экономическая мера борьбы с коррупцией не может быть эффективной. Действительно, как полагает Г.А. Дятлов, его низкие доходы усугубляют положение, вынуждая преподавателей получать дополнительные денежные средства незаконно, но, в то же время, он предлагает предоставить им возможность дополнительно зарабатывать в стенах учреждения официально [10]; правда, автор не учитывает ограниченные финансовые ресурсы высших учебных заведений; в результате, преподаватели вынуждены

работать в других вузах на правах совместителей в ущерб повышению своего профессионального уровня, занятиям научной деятельностью.

Исходя из выше изложенного, мы полагаем, что одним из важнейших условий повышения престижа педагогической деятельности на всех уровнях отечественного образования должна стать достойная оплата труда преподавателей, а также высокий уровень их социальной защиты, стимулирующих высокую личную ответственность с их стороны за высокое качество своей профессиональной деятельности и соблюдение закона, делающих не только невыгодным его нарушение, но и опасным из-за правовых последствий для педагогов и других сотрудников учебных заведений, которые исполняют в своей работе коррупционные практики.

Помимо выше указанных мер, направленных на борьбу с коррупцией, ряд исследователей рекомендуют организовать в государстве правовое и антикоррупционное просвещение населения, которое должно рассматриваться как процесс передачи информации юридического содержания. Но он не должен являться самоцелью, а скорее – сопровождать социализацию личности, получение знания любого содержания [11]. Как они полагают, элементы правового просвещения должны иметь место во всех образовательных программах на всех этапах образования. Причем, правовое просвещение должно быть направлено не только на усвоение норм антикоррупционного законодательства, но и на формирование правосознания, положительных правовых установок личности, социальной группы, общества. В конечном итоге, по их убеждению, личность, обладающая правовой культурой, должна знать и понимать право, естественно воспринимать его требования, уважать нормы права в силу убеждения, а не принуждения, иметь привычку поступать в соответствии с законом, проявлять правовую активность по отношению к его правонарушителям [11, с.168], что позволит сформировать устойчивый иммунитет к негативному воздействию на государственных и муниципальных служащих, преподавателей и представителей других сфер деятельности криминальных и других аморальных факторов, направленных на деформацию личности.

Заключение.

Таким образом, подводя итог исследованию антикоррупционной государственной политики в современной России, мы, благодаря использованию в данной статье результатов экспертных оценок ученых, представляющих правоохранительные органы, пришли к пониманию того, что:

Во-первых, она должна быть направлена не только на ликвидацию последствий этого деструктивного и криминального вида деятельности, но и на его причины.

Во-вторых, добиться положительных результатов по борьбе с коррупцией возможно только в

результате системного подхода к решению этой проблемы, включающей не только меры правового обеспечения, но и реформирование всей

системы образования в стране в направлении его гуманитаризации, правового просвещения и правового воспитания населения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Список стран по индексу восприятия коррупции. URL : [ru.wikipedia.org>wiki/Список_стран_по_индексу_восприятия_коррупции](http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_индексу_восприятия_коррупции)
2. Индекс восприятия коррупции за 2024 год: коррупция играет разрушительную роль в климатическом кризисе. URL : images.transarencydn.org>images/RU-CPI-2024
3. Некоторые аспекты теоретико-правовых подходов к проблеме коррупции в современной России в научных исследованиях сотрудников правоохранительных органов / М.Ю. Попов, Е.А. Матюшенко, О.Г. Разумцева, А.М. Бжасо, А.А. Краснов // Наука. Образование. Современность. 2024. № 3. С. 72–79.
4. Попов М.Ю. О некоторых аспектах коррупции в правоохранительных органах в научных исследованиях представителей этих структур / М.Ю. Попов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 188–196.
5. Коррупция в современной России: Причины, динамика, альтернативы : монография / М.Ю. Попов, А.А. Курносенко, В.В. Войнов, В.Н. Гришай, М.А. Абрамов, А.З. Афаунов. М. : АНО РЖ: «Социально-гуманитарные знания». 2016. 164 с.
6. Алексеев С.В. Коррупция: социологический анализ : монография / С.В. Алексеев; Под ред. О.В. Бондаренко. Шахты, 2008. 271 с.
7. Печкуров И.В. Информационно-правовые методы противодействия коррупции в контексте обеспечения национальной безопасности России. Ростов-н/Д., 2016. 132 с.
8. Попов М.Ю. Рискогенный потенциал коррупции в постсоветском трансформирующемся социуме / М.Ю. Попов, М.Ю. Бугаенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 76–82.
9. Воронцов С.А. К дискуссии об актуальных проблемах противодействия коррупции в современной России (по материалам Круглого стола 09.12. 2020) / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, М.Ю. Попов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 27–31.
10. Дятлов Г.А. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере образования / Г.А. Дятлов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 132–135.
11. Воронцов С.А. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе : монография / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков. Ростов-н/Д., 2015. 272 с.
12. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до наших дней : учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шостак; Под ред. А.Н. Сахарова. М. : Проспект, 2019. 864 с.
13. История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Миронова, М.А. Рахматуллин, В.А. Шестаков; Под ред. А.Н. Сахарова. М. : Издательство АСТ, 2020. 1744 с.

References:

1. List of countries by the Corruption Perceptions Index. URL : [ru.wikipedia.org>wiki/List_of_countries_by_the_corruption_perceptions_index](http://ru.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_the_corruption_perceptions_index)
2. Corruption Perceptions Index 2024: Corruption plays a devastating role in the climate crisis. URL : images.transarencydn.org > images/RU-CPI-2024
3. Some aspects of theoretical and legal approaches to the problem of corruption in modern Russia in scientific studies of law enforcement officers / M.Yu. Popov, E.A. Matyushenko, O.G. Razumtseva, A.M. Bzhaso, A.A. Krasnov // Science. Education. Modernity. 2024. № 3. P. 72–79.
4. Popov M.Y. On Some Aspects of Corruption in Law Enforcement Agencies in Scientific Studies of Representatives of These Structures / M.Y. Popov // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2024. № 11. P. 188–196.
5. Corruption in modern Russia: Causes, dynamics, alternatives : monograph / M.Yu. Popov, A.A. Kurnosenko, V.V. Voinov, V.N. Grishay, M.A. Abramov, A.Z. Afaunov. M. : ANO RZH: «Social and Humanitarian Knowledge». 2016. 164 p.
6. Alekseev S.V. Corruption: Sociological Analysis : monograph / S.V. Alekseev; Ed. by O.V. Bondarenko. Shakhty, 2008. 271 p.

7. Pechkurov I.V. Information and legal methods of combating corruption in the context of ensuring the national security of Russia. Rostov-on/D., 2016. 132 p.
8. Popov M.Yu. Riskogenic potential of corruption in the post-Soviet transforming society / M.Yu. Popov, Yu.Y. Bugaenko. 2022. № 2. P. 76–82.
9. Vorontsov S.A. On the discussion on actual problems of combating corruption in modern Russia (based on the materials of the Round Table 9.12. 2020) / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, M.Y. Popov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 2. P. 27–31.
10. Dyatlov G.A. Problems of attracting to criminal responsibility for corruption crimes in the field of education. 2023. № 3. P. 132–135.
11. Vorontsov S.A. Counteraction to corruption in the state and municipal service : monograph / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov. Rostov-on/D., 2015. 272 p.
12. Sakharov A.N. History of Russia from ancient times to the present day : textbook / A.N. Sakharov, A.N. Bokhanov, V.A. Shostak; ed. by A.N. Sakharov. M. : Prospekt, 2019. 864 p.
13. History of Russia from ancient times to the present day / A.N. Bokhanov, L.E. Mironova, M.A. Rakhmatullin, V.A. Shestakov; Ed. by A.N. Sakharov. M. : AST Publishing House, 2020. 1744 p.

Информация об авторах

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
член-корреспондент Российской академии
гуманитарных наук
ORCID 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Клименко Таужан Микаиловна

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Юридический институт
Северо-Кавказской государственной академии
tauzhank@List.ru

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук,
Краснодарский университет МВД РФ
chapurko@mail.ru

Хорольский Геннадий Валентинович

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
milena.555@mail.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Humanities
ORCID 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Tauzhan M. Klimenko

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Law Institute of the North Caucasus State Academy
tauzhank@List.ru

Tatyana M. Chapurko

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

Gennady V. Khorolsky

Candidate of Law,
Head of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-16>
УДК 343.2/7

Attribution
cc by

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ УНИЧТОЖЕНИЯ, СОКРЫТИЯ И ИЗЪЯТИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Скорыходов А.К.

Тюменский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов совершения фальсификации доказательств (части 1–3 статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации), в частности, вопросам уголовно-правовой оценки уничтожения, сокрытия и изъятия доказательств как способа фальсификации. В настоящем исследовании проведен анализ теоретических разработок уголовно-правовой науки в части способа совершения фальсификации доказательств, дается сравнение правовых позиций Верховного Суда РФ, а также нижестоящих судов по вопросам толкования и применения части 1–3 статьи 303 УК РФ. На основе анализа взглядов исследователей и материалов судебной практики по вопросам применения норм, предусматривающих ответственность за фальсификацию доказательств, автор показывает наличие дискуссии, как в науке, так и среди правоприменителей, по поводу способа совершения фальсификации доказательств. Автор полагает, что фальсификация доказательств, совершенная путем их уничтожения, сокрытия или изъятия посягает на достаточность доказательств, как на свойство их совокупности, что, в свою очередь, причиняет вред непосредственному объекту фальсификации доказательств, из чего следует вывод о том, что такие деяния следует признавать в качестве способа совершения исследуемых преступлений. По мнению автора, разрешение вопроса уголовно-правовой оценки указанного способа совершения фальсификации, возможно законодательства путем внесения изменений в диспозиции части 1–3 статьи 303 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право, способ совершения преступления, фальсификация доказательств, уничтожение доказательств.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PROBLEM OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF DESTRUCTION, CONCEALMENT AND SEIZURE OF EVIDENCE

Artem K. Skorokhodov

Tyumen State University

Abstract. The article is devoted to the study of methods of evidence falsification under Parts 1–3 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, particularly addressing the criminal-legal assessment of the destruction, concealment, and seizure of evidence as forms of falsification. This research analyzes theoretical developments in criminal law scholarship regarding the methods of evidence falsification, compares the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and lower courts on the interpretation and application of Parts 1–3 of Article 303 of the Criminal Code, and examines judicial practice materials related to these provisions. By analyzing scholarly perspectives and case law on the application of norms criminalizing evidence falsification, the author demonstrates the existence of a debate, both in academia and among practitioners, regarding the classification of evidence destruction, concealment, or seizure as methods of falsification. The author argues that falsification of evidence through its destruction, concealment, or seizure undermines the sufficiency of evidence as a property of their totality, thereby harming the direct legal interest protected by the anti-falsification norms. This leads to the conclusion that such acts should qualify as methods of committing the crimes under investigation. The author suggests that resolving the issue of criminal-legal assessment of these methods requires legislative amendments to the provisions of Parts 1–3 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, method of committing a crime, falsification of evidence, elements of a crime.

Funding: Independent work.

Введение.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных частями 1-3 статьи 303 УК РФ, обозначается посредством использования термина «фальсификация». При этом законодатель не указывает на то, что он подразумевает под данным термином, как это сделано, к примеру, в ст. 158 УК РФ относительно понятия «кража».

В связи с наличием такого пробела, остается неразрешенным вопрос относительно способа совершения данного преступления, поскольку наблюдается различное толкование как со стороны правоприменителя, так и в научном сообществе.

Обсуждение.

В науке представлены различные подходы к определению способа совершения фальсификации доказательств. Затрагивая наиболее спорные вопросы способа совершения этого преступления, следует отметить следующее. Говоря о том, что к способам совершения фальсификации не относятся уничтожение, сокрытие или изъятие доказательств, следует привести точки зрения, в которых их авторы указывают на необходимость квалификации деяний, совершенных должностными лицами, направленных на уничтожение, изъятие или сокрытие доказательств, по статье 286 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за превышение должностных полномочий [1, с.101].

Сторонники данной точки зрения утверждают, что фальсификация доказательств может осуществляться только посредством создания ранее не существовавших доказательств, подмены уже существующих либо же внесения в них изменений [2, с. 37-43]. Аналогичный вывод относительно невозможности совершения фальсификации доказательств посредством их уничтожения или изъятия делает в своем диссертационном исследовании Г.Г. Радионов, который полагает необходимым совершенствование статьи 303 УК РФ посредством перечисления указанных способов совершения преступления в диспозиции данной нормы [3].

Также, И.В. Дворянсков указывает на то, что фальсификация не может осуществляться посредством уничтожения или изъятия доказательств, поскольку при фальсификации доказательств они остаются в деле, но в искаженном виде [4].

Иной подход к определению способа совершения фальсификации доказательств является более широким. Так, А.А. Житков указывает на то, что фальсификация доказательств возможна и посредством изъятия, уничтожения или сокрытия доказательств [5, с. 80–84]. Аналогичной точки зрения придерживается и Ю.А. Цветков [6].

В дополнение ко второй точке зрения существует и такая, что помимо вышеизложенных спосо-

бов фальсификации доказательств существует такой специфичный для уголовного судопроизводства способ, как «подбрасывание» предметов либо веществ, имеющих доказательственное значение [7]. Думается, что в некоторой мере, эта позиция может быть актуальна и для фальсификации доказательств по делам об административных правонарушениях. Это обусловлено спецификой процедуры доказывания в таких процессах. Однако мы полагаем, что указанный способ нельзя считать самостоятельным, поскольку в данном случае действие субъекта преступления также будет направлено на создание нового ложного доказательства искусственным путем.

Интересной представляется нам и судебная практика, которая подтверждает возможность осуществления фальсификации доказательств путем их уничтожения. Так, Верховный Суд Российской Федерации в одном из Обзоров судебной практики указал на то, что по смыслу статьи 303 УК РФ, под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств в пользу обвиняемого или потерпевшего. Такими действиями могут быть признаны уничтожение или сокрытие улик, предъявление ложных вещественных доказательств [8].

Полагаем целесообразным отметить позицию, изложенную в судебной практике, в частности в кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2022 года по делу № 77-1958/2022, согласно которой под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств, независимо от того, являются ли они доказательствами обвинения или защиты, а также независимо от наступления каких-либо последствий [9]. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции высказывает аналогичную точку зрения относительно способов совершения фальсификации доказательств и указывает на то, что согласно статье 303 УК РФ, фальсификация доказательств может осуществляться различными способами, в том числе путем уничтожения каких-либо доказательств [10].

Таким образом, судебной практикой на протяжении длительного времени признается возможность совершения фальсификации доказательств посредством их уничтожения. Вместе с тем, суды не раскрывают в полном объеме все возможные способы фальсификации доказательств, ограничиваясь лишь указанием на общие способы: создание или уничтожение доказательств.

На наш взгляд, наиболее состоятельным является мнение относительно того, что к числу способов совершения фальсификации доказательств относится и их уничтожение, сокрытие либо изъятие. Данный вывод мотивирован тем, что фальсификация доказательств направлена в первую очередь на лишение доказательств их юридических свойств.

При разрешении данного вопроса следует учитывать возможность преступного воздействия как на сами фактические данные, так и на их носители, то есть источники.

Так, если считать, что фальсификация доказательств не может быть в форме уничтожения или изъятия, то возникает вопрос квалификации деяния, когда документ искажается таким образом, что из него удаляются сведения или из него удаляются листы, имеющие важное значение, по мнению виновного лица.

Полагаем, что фальсификация доказательств – это деяние, которое может выражаться в любом способе воздействия на любое из свойств предмета преступного посягательства, в том числе и посредством его уничтожения, изъятия или сокрытия.

Как известно, процесс оценки доказательств построен на их исследовании в совокупности, а не отдельно друг от друга. Тем самым, уничтожая доказательство, создается новое сведение о факте, а именно об отсутствии того или иного факта, имеющего значение для дела. Более того, лица, участвующие в деле, в том числе участники уголовного судопроизводства, наделены правами по представлению доказательств, а следователю, уничтожение или изъятие доказательства посягает на нормальный порядок сбора и предоставления доказательств, чем нарушает права и законные интересы иных участников процесса.

Таким образом, лицо, уничтожающее или изымающее доказательство из материалов дела, совершает фальсификацию доказательств по делу и тем самым посягает на их достаточность.

Это связано и с тем, что под способом совершения преступления понимается система объективных и субъективных действий субъекта, которые направлены на достижение преступной цели [11, с. 346]. Так, действия, направленные на уничтожение или изъятие доказательств, в любом случае будут направлены на искажение доказательственной базы в целом, на ее изменение в ту или иную сторону.

Таким образом, в результате уничтожения или сокрытия доказательств видится посягательство на объект уголовно-правовой охраны статьи 303 УК РФ, то есть нарушается установленный законом порядок сбора, закрепления и оценки доказательств.

Как было указано выше, воздействие на любое из свойств доказательств будет являться их фальсификацией, поскольку в результате их уничтожения или изъятия происходит искажение сведений о фактах, имеющих значение для дела.

Уничтожение или сокрытие доказательств, как способы совершения фальсификации, посягают на такое их свойство как достаточность, что вли-

яет в целом на всю доказательственную базу по делу, независимо от вида судопроизводства, поскольку предмет посягательства утрачивается и не может участвовать в процессе доказывания.

Считаем, что ограничительная интерпретация статьи 303 УК РФ посредством сужения способа совершения преступления не отвечает в полной мере задачам уголовного права, поскольку сужает круг охраняемых общественных отношений.

Так, следуя логике того, что уничтожение или изъятие доказательств не является фальсификацией, можно предположить, что и создание нового, ранее не существовавшего доказательства, и его последующее представление должностному лицу также не является способом фальсификации, поскольку не направлено на изменение существующего доказательства.

Вместе с тем, по нашему мнению, при разрешении вопросов о способе фальсификации доказательств многие авторы не учитывают то обстоятельство, что предметом фальсификации доказательств могут быть не только документы, но и вещественные доказательства, в том числе следы, улики и иные вещественные доказательства, которые также могут быть подвергнуты фальсификации, в том числе и посредством их сокрытия либо уничтожения, что также влечет причинение вреда свойствам доказательств в совокупности – их достаточности, а следовательно, такие действия подпадают под предмет регулирования статьи 303 УК РФ.

Думается, что отсутствуют иные способы фальсификации вещественного доказательства, кроме как его сокрытие, уничтожение или создание нового. К примеру, при производстве следственных действий следователем обнаружены отпечатки пальцев, но в силу каких-то мотивов следователь решает скрыть эти следы либо же уничтожить. По нашему мнению, в таких действиях можно увидеть классический пример фальсификации доказательств посредством их сокрытия или уничтожения. В приведенном примере наблюдаются все признаки фальсификации доказательств.

Отметим, что сам термин «Фальсификация» с точки зрения языкознания означает «подделывание чего-либо; подмена чего-либо подлинного ложным, мнимым; искажение с целью выдать за подлинное, настоящее» [12, с. 737]. При этом данное понимание «фальсификации» не исключает уничтожение доказательства, поскольку как раз при уничтожении доказательства и осуществляется подмена подлинного ложным, то есть наличие сведений о факте подменяется их ложным отсутствием.

Важное значение для настоящего исследования имеет позиция, высказанная Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 28.06.2022 года № 20, согласно которой умышленные действия уполномоченных должностных лиц по уничтожению и (или) сокрытию

приобщенных или подлежащих приобщению к делу об административном правонарушении или к уголовному делу предметов и документов, которые содержат сведения, имеющие доказательственное значение, состава фальсификации доказательств не образуют [13]. Верховный Суд полагает необходимым квалифицировать такие деяния по соответствующей статье главы 30 УК РФ.

Считаем, что фальсификация доказательств может осуществляться посредством уничтожения или сокрытия доказательств в виду того, что такие действия могут привести к общественно-опасным последствиям в виде нарушения прав и законным интересам иных участников судопроизводства, а также в виде принятия незаконного судебного или иного процессуального акта.

Так, к примеру, в ходе осуществления следственного действия осмотр места происшествия, следователем умышленно уничтожается орудие преступления, которое в последующем подлежало изъятию и признанию в качестве вещественного доказательства. В ходе проведения следственного действия вносится информация в протокол осмотра места происшествия, которая не содержит сведений об обнаруженном орудии преступления. Из приведенного примера вытекает вопрос: является ли это фальсификацией доказательств, либо же это иное должностное преступление?

Так, сложно говорить о том, что сфальсифицирован протокол осмотра места происшествия, поскольку в него внесены действительные сведения на момент проведения следственного действия и на момент составления процессуального документа орудия преступления не было на осматриваемой местности. В то же время, руководствуясь положениями Пленума ВС РФ, деяние по уничтожению доказательства не охватывается статьей 303 УК РФ, а подлежит квалификации по иным уголовно-правовым нормам.

По нашему мнению, невозможно согласиться с тем, что в приведенном примере, совершенное следователем деяние, не является фальсификацией доказательств по уголовному делу. Считаем, что такие действия являются классическим примером фальсификации доказательств по уголовному делу путем их уничтожения, а последующая фиксация отсутствия такого доказательства является процессуальной формой закрепления фактических данных, которые являются сфальсифицированными, что означает и фальсификацию такого протокола путем внесения недостоверных сведений.

С другой стороны, полагаем возможным согласиться с позицией Пленума ВС РФ применительно к тем ситуациям, когда должностным лицом уничтожаются доказательства, уже имеющиеся в материалах уголовного дела, поскольку такой субъект причиняет вред не только общественным отношениям, охраняемым статьей 303 УК РФ, но и отношениям, подлежащим уголовно-

правовой охране в главе 30 УК РФ. В таком размере, полагаем, обоснованной, с точки зрения буквальной интерпретации статьи 303 УК РФ, квалификацию действий, совершенных должностным лицом, по соответствующей статье главы 30 УК РФ, поскольку данные действия идут вразрез с должностными обязанностями такого субъекта. Однако, данный вывод также является спорным, поскольку таким образом можно выделить всех должностных лиц за пределы действия статьи 303 УК РФ, что недопустимо, поскольку в части этих субъектов статья 303 УК РФ является специальной нормой по отношению к иным преступлениям, предусмотренным главой 30 УК РФ.

В то же время, поскольку во всех перечисленных случаях посягательство осуществляется, по большей мере, на один и тот же объект уголовно-правовой охраны, то целесообразно поддержать точку зрения тех авторов, которые предлагают внести изменения в статью 303 УК РФ посредством расширения ее диспозиции.

Так, полагаем необходимым, с целью устранения противоречивого толкования способа совершения фальсификации доказательств, введения в единство правоприменительной практики относительно этого вопроса, внести изменения в положения частей 1, 2 и 3 статьи 303 УК РФ, дополнив их после слова «Фальсификация» словами «, а равно уничтожение, сокрытие или незаконное изъятие из материалов дела».

Заключение.

Законодательное уточнение способа совершения фальсификации доказательств позволит предотвратить излишне узкое толкование исследуемой правовой нормы, а также позволит надлежащим образом обеспечить уголовно-правовую охрану исследуемых общественных отношений. Также, это позволит обеспечить единообразие применения уголовной ответственности ко всем субъектам данного преступления, независимо от их процессуального статуса, либо должностного положения.

На основании проведенного исследования полагаем возможным сделать следующие выводы.

1. Способ совершения фальсификации тесно связан с пониманием термина «фальсификация» с точки зрения языкознания в виду отсутствия легального определения данному понятию. Термин «фальсификация» происходит от лат. falsificatio «подделка», что означает подмену чего-либо подлинного, настоящего ложным, мнимым.
2. Способ совершения фальсификации доказательства может выражаться в виде создания нового доказательства, внесения изменений в уже существующий (например, дописка, подчистка, замена частей документа и так далее), уничтожения доказательства, его сокрытия или изъятия.

3. С целью законодательного уточнения способа совершения фальсификации доказательств, для приведения единообразия правоприменительной практики, предлагается внести измене-

ния в положения частей 1, 2 и 3 статьи 303 УК РФ, дополнив их после слова «Фальсификация» словами «, а равно уничтожение, сокрытие или изъятие».

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. 202 с.
2. Бердников В.Л. Структура способа совершения преступления как признака объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности / В.Л. Бердников // Вестник УЮИ. 2022. № 1(95). С. 37–43.
3. Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.
4. Дворянсков И.В. Фальсификация доказательств / И.В. Дворянсков // Черные дыры в Российском законодательстве. 2003. № 3. С. 228.
5. Житков А.А. Дискуссионные вопросы квалификации преступлений, связанных с фальсификацией доказательств / А.А. Житков, А.Л. Санташов // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6. С. 80–84.
6. Цветков Ю.А. Вопросы объективной стороны фальсификации доказательств / Ю.А. Цветков // Уголовное право. 2016. № 6. С. 90–97.
7. Метельский П.С. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности / П.С. Метельский // Вестник Омского университета. 2019. № 3. С. 146–156.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2006 год»: электронный ресурс // СПС «КонсультантПлюс».
9. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2022 по делу № 77-1958/2022: электронный ресурс // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2021 по делу № 77-1007/2021: электронный ресурс // СПС «КонсультантПлюс».
11. Криминалистика : учебник / Под общ. ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2011. С. 346.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1986. С. 737.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»: электронный ресурс // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Radionov G.G. Criminal liability for falsification of evidence and results of operational-search activities : dis. ... Cand. jurid. sciences: 12.00.08. M., 2015. 202 p.
2. Berdnikov V.L. The structure of the method of committing a crime as a sign of the objective side of falsification of evidence and results of operational-search activities / V.L. Berdnikov // Bulletin of UYUI. 2022. № 1(95). P. 37–43.
3. Radionov G.G. Criminal liability for falsification of evidence and results of operational-search activities : abstract of dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2015. 28 p.
4. Dvoryanskov I.V. Falsification of evidence / I.V. Dvoryanskov // Black Holes in Russian Legislation. 2003. № 3. P. 228.
5. Zhitkov A.A. Controversial issues of qualification of crimes related to falsification of evidence / A.A. Zhitkov, A.L. Santashov // Journal of Applied Research. 2021. № 6. P. 80–84.
6. Tsvetkov Yu.A. Issues of the objective side of falsification of evidence / Yu.A. Tsvetkov // Criminal Law. 2016. № 6. P. 90–97.
7. Metelsky P.S. Criminal liability for falsification of results of operational-search activities / P.S. Metelsky // Bulletin of Omsk University. 2019. № 3. P. 146–156.
8. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation «Review of cassation practice of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation for 2006»: electronic resource // SPS «ConsultantPlus».

9. Cassation ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated July 14, 2022, case № 77-1958/2022: electronic resource // SPS «ConsultantPlus».
10. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated March 31, 2021, case № 77-1007/2021: electronic resource // SPS «ConsultantPlus».
11. Criminalistics : textbook / Ed. by E.P. Ishchenko. M. : Prospekt, 2011. P. 346.
12. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / Ed. by N.Yu. Shvedova. M., 1986. P. 737.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022 № 20 «On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes against justice»: electronic resource // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Скороходов Артём Константинович

ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет,
Институт государства и права
ORCID 0000-0003-3766-8488
a.k.skorokhodov@utmn.ru

Artem K. Skorokhodov

Assistant Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Tyumen State University,
Institute of State and Law
ORCID 0000-0003-3766-8488
a.k.skorokhodov@utmn.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-12>
УДК 343.2/.7

Attribution
cc by

ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Статиров М.М.
ООО «Меридиан»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об особой потребности в обеспечении криминологической кибербезопасности детей и подростков, находящихся в социально опасном положении, что должно мотивировать научное сообщество на активный поиск и нахождение эффективных мер, нацеленных на предупреждении преступлений в отношении таковых достаточно многочисленных представителей подрастающего поколения. В процессе изучения были использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и частно-научные (криминологический) методы познания. В ходе подготовки публикации использованы данные официальной статистики, а также отечественные исследования в области криминологии. В результате проведенного анализа сделаны выводы об отсутствии адекватного понимания сложившейся негативной ситуации. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в целях оптимизации правоохранительной практики, формирования и развития системы криминологической кибербезопасности несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении.

Ключевые слова: несовершеннолетний, социально опасное положение, информационно-телекоммуникационные технологии, криминологическая кибербезопасность, деструктивное информационно-телекоммуникационное воздействие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PREREQUISITE FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LEGAL BASIS FOR ENSURING CRIMINOLOGICAL CYBERSECURITY OF MINORS IN A SOCIALLY DANGEROUS SITUATION

Mikhail M. Statirov
Legal Adviser of Meridian Company

Abstract. The article considers the issue of the special need to ensure criminological cybersecurity of children and adolescents in a socially dangerous situation, which should motivate the scientific community to actively search for and find effective measures aimed at preventing crimes against such quite numerous representatives of the younger generation. In the process of studying, general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private scientific (criminological) methods of cognition were used. During the preparation of the publication, official statistics data were used, as well as domestic research in the field of criminology. As a result of the analysis, conclusions are drawn about the lack of an adequate understanding of the current negative situation. Conclusions and conclusions: the materials of the publication can be used to optimize law enforcement practice, the formation and development of a system of criminological cybersecurity for minors in a socially dangerous situation.

Keywords: minor, socially dangerous situation, information and telecommunication technologies, criminological cybersecurity, destructive information and telecommunication impact.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях глобальной цифровизации возникает, соответственно, особая потребность в обеспечении криминологической безопасности лич-

ности, общества и государства в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (криминологической кибербезопасности). Особенно тревожная ситуация исторически сложилась в области обеспечения достойной защи-

© Статиров М.М.

щенности детей и подростков, находящихся в социально опасном положении (далее – СОП), что должно мотивировать научное сообщество на активный поиск и нахождение эффективных мер, нацеленных на предупреждение преступлений в отношении таковых достаточно многочисленных представителей подрастающего поколения.

Российское государство, выразившее особую озабоченность негативным положением дел в детской и подростковой среде в ряде законов и программ, к примеру, в рамках Десятилетия детства (2018–2027 гг.), вынуждено искать эффективные меры превентивного и профилактического характера, когда желаемым результатом станет уменьшение уровня антиобщественного поведения несовершеннолетних, а также уровня их виктимизации, что, несомненно, поспособствует созданию безопасной жизненной среды, приведет к реальному соблюдению прав и законных интересов детей и подростков [1, с. 144–145], а значит, к выводу их из социально опасного положения.

Обсуждение.

Потребность в обеспечении состояния защищенности, в контексте научно-практического исследования несовершеннолетней личности, находящейся в СОП, от криминальных опасностей, исходящих от информационно-телекоммуникационного пространства, вызвало формирование и развитие актуальной теоретической основы, в качестве которой призвана выступить *криминология кибербезопасности*, подтвердившая статус самостоятельного криминологического направления [2]. Что же касается базирующейся на положениях криминологии кибербезопасности такого практического и действенного ресурса, как *система криминологической кибербезопасности несовершеннолетних, находящихся в СОП*, то она включает в себя три специальных объекта познания:

- комплекс международных и отечественных нормативных правовых актов различного уровня, касающихся вопросов обеспечения защищенности, рассматриваемой категории лиц;
- совокупность теории и практики криминологической безопасности несовершеннолетних, в том числе находящихся в СОП;
- сферу базовых и инновационных информационно-телекоммуникационных технологий (ИТКТ) (цифровых технологий).

Отмеченные пункты позволяют подробно рассмотреть правовые, теоретические и технологические основы криминологической кибербезопасности несовершеннолетних, находящихся в СОП.

Переходя к рассмотрению предпосылок к формированию и развитию правовой основы обеспечения криминологической кибербезопасности

несовершеннолетних обозначенной категории, необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что такая деятельность является прямой обязанностью государства, а также субъектов первичной и последующей социализации, как того требует Конституция Российской Федерации в ряде положений, нацеливающих на создание детям и подросткам безопасной социальной среды.

На государство и социальные институты возложены непосредственные обязанности по обеспечению безопасности несовершеннолетних, в том числе от опасностей, исходящих от образуемого информационно-телекоммуникационными технологиями сетевого пространства.

В развитие комплекса вопросов, нацеленных на реализацию государственной защиты социальной группы «несовершеннолетние, находящиеся в социально опасном положении», был издан Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», содержащий ряд терминов, имеющих отношение к тематике настоящего исследования – «*безнадзорный*», «*беспризорный*», «*несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении*», «*семья, находящаяся в социально опасном положении*» [3].

Отметим, что в российской нормативной литературе применяются и иные определения, связанные с характеристикой детей и подростков, испытывающих в силу разных причин жизненные сложности [4].

Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» указывает на необходимость реализации основных направлений профилактики правонарушений посредством «выявления лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми, и лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации (в том числе лиц, страдающих заболеваниями наркоманией и алкоголизмом, лиц без определенного места жительства)» [5].

Как видим, в современных отечественных нормативных правовых актах присутствует различное, но в целом непротиворечивое понимание такого объекта защиты, как несовершеннолетний, который может находиться в социально опасном положении либо в трудной жизненной ситуации, а также оказаться пострадавшим от правонарушений или подвергнуться риску стать таковым.

При рассмотрении категории «социально опасное положение несовершеннолетних», и, соответственно, при проведении анализа уголовно-правовых, криминологических и криминалистических аспектов, связанных с предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациями, а также киберпространственной обстановкой, в которых оказывается несовершеннолетний, необходимо прежде изучить исторические и

юридические тенденции, связанные с зарождением и дальнейшим развитием соответствующей правовой основы в нашей стране.

Формированию нормативной категории «социально опасное положение несовершеннолетних» и соответствующих данной категории определений предшествовало появление и последовательная трансформация официальных дефиниций, позиционирующих несовершеннолетних в качестве объекта воспитательно-профилактической деятельности. Автор в своей магистерской диссертации на тему «Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении» (2024 г.) подчеркивал, что деятельность (забота) общества и государства о несовершеннолетних, попавших в СОП, и, тем самым, осуществление профилактических мер против совершения ими или в отношении них преступных деяний имеет в нашей стране давнюю историю, условно разделяемую специалистами на три основных этапа – дореволюционный, советский и постсоветский [6, с. 79].

В основу снисходительного отношения закона и правоприменителя-практика к находящимся в социально и экономически уязвимом состоянии детям и подросткам всегда закладывалась необходимость учета не только возраста, но и причин и условий, способствовавших совершению преступлений, а равно – поставивших несовершеннолетних в рассматриваемое положение.

Отмеченное выступает в качестве весомой предпосылки к формированию и развитию правовой (а также теоретической и технологической) основы обеспечения криминологической кибербезопасности детей и подростков, находящихся в социально опасном положении.

Результаты.

Наилучшим образом реализовать охрану детей и подростков можно посредством обеспечения их криминологической безопасности от различных преступных посягательств.

Развитие теории этого вида безопасности обусловлено нацеленностью на создание инновационной научной платформы нейтрализации наличествующего в практической правоохранительной деятельности разногласия между, с одной стороны, процессом выявления подозреваемых и привлечения их к уголовной ответственности, а с другой – потребностью в скрупулезном соблюдении прав и интересов лиц, не достигших 18-ти лет, поскольку последние должны иметь предоставляемую правоохранителями гарантию собственной защищенности от организованной либо индивидуальной преступности.

Очевидно, что как теория, так и практика должны однозначно ориентироваться на разрешение обозначенного разногласия в пользу обеспечения прав и интересов несовершеннолетних. Именно таким образом, как нам представляется, возможно позиционировать главную идеологическую суть криминологической безопасности.

Заключение.

Учитывая разрушающее психику несовершеннолетних воздействие информационно-телекоммуникационных технологий, ставящее таких лиц в социально опасное положение, представляется уместным сформировать и предложить к внесению в Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» следующее дополнительное определение: «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении вследствие рисков, угроз и опасностей информационно-телекоммуникационного характера, – лицо, которое в условиях отсутствия надлежащего социального контроля находится в обусловленной негативным воздействием информационно-телекоммуникационного пространства обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушение или антиобщественные действия».

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ткаченко Н.Н. О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на примере Ростовской области / Н.Н. Ткаченко, И.В. Комаревцева // Юристы-Правоведь. № 4(95). С. 144–149.
2. Джафарли В.Ф. Монографическая серия «Криминология кибербезопасности» : в 5 т. / В.Ф. Джафарли; Под ред. С.Я. Лебедева. М. : Проспект, 2021–2022. 1392 с.

3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509 (дата обращения 21.09.2024).
4. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/8ecbe3314ad9e500bfb90273b6c736f7e0e78429/ (дата обращения 14.11.2024).
5. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/a4113b1ea7ccffb80af23fd866c901710b36dc11 (дата обращения 14.11.2024).
6. Ткаченко Н.Н. Исторические аспекты становления и развития профилактики безнадзорности, преступлений и правонарушений несовершеннолетних / Н.Н. Ткаченко, К.А. Кузнецова // Юрист-Правоведь. 2021. № 4(99). С. 78–84.

References:

1. Tkachenko N.N. On measures to prevent neglect and juvenile delinquency on the example of the Rostov region / N.N. Tkachenko, I.V. Komarevtseva // Jurist-Pravoved. № 4(95). P. 144–149.
2. Jafarli V.F. Monographic series «Criminology of cybersecurity» : in 5 vol. / Jafarli V.F. Edited by S.Y. Lebedev. M. : Prospekt, 2021–2022. 1392 p.
3. Federal Law № 120-FZ of June 24, 1999 «On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509 (date of application 09/21/2024).
4. Federal Law № 124-FZ dated 07/24/1998 (as amended on 04/28/2023) «On basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/8ecbe3314ad9e500bfb90273b6c736f7e0e78429/ (date of application 11/14/2024).
5. Federal Law No. 182-FZ of 06/23/2016 (as amended on 08.08.2024) «On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/a4113b1ea7ccffb80af23fd866c901710b36dc11 (date of application 14.11.2024).
6. Tkachenko N.N. Historical aspects of the formation and development of prevention of neglect, crimes and offenses of minors / N.N. Tkachenko, K.A. Kuznetsova // Jurist-Pravoved. 2021. № 4(99). P. 78–84.

Информация об авторе

Статиров Михаил Михайлович
юрисконсульт,
ООО «Меридиан», г. Москва
mikhailstatirov@gmail.com

Mikhail M. Statirov
Legal Adviser,
Meridian LLC Company, Moscow
mikhailstatirov@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-14>

УДК 341.4:343.326

Attribution

cc by

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ИДЕОЛОГИЕЙ РАДИКАЛИЗМА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: В КОНТЕКСТЕ МИССИИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ШОС

Чимаров Н.С.¹, Чимаров С.Ю.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации – Северо-Западный институт управления РАНХиГС,

²Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Актуальность: в кругу множества ключевых проблем, характеризующих современный процесс глобализации международных отношений, особое значение приобретают угрозы и вызовы, являющиеся производными от организованной преступности, компонентом которой является деструктивная деятельность, основанная на идеологии радикализма и корреспондирующими ей противоправными проявлениями терроризма, сепаратизма, а также различными ипостасями экстремизма, включая фанатизм и религиозный экстремизм. Отмеченное обстоятельство способствует уточнению новой конфигурации отдельных аспектов международного права, в их региональном выражении. С позиций национальных интересов Российской Федерации и с учетом отмеченного контекста, особое внимания заслуживает опыт борьбы с идеями радикализма, воплощенном в терроризме, экстремизме и сепаратизме в странах Центральной Азии, являющихся государствами-участниками Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС). Выступая в качестве первоочередной угрозы государственному суверенитету указанных стран, включая посягательство на соблюдение в пределах их территории прав человека, радикальные по своей сути явления терроризма, экстремизма и сепаратизма: во-первых, порождают барьеры на пути поддержания в обществе должного уровня различных форм стабильности; во-вторых, способствуют дезорганизации существующей парадигмы международного мира и безопасности. Отмеченный факт подтверждает целесообразность консолидации усилий в области международно-правового регулирования предметного поля противодействия радикальным действиям террористов, экстремистов и сепаратистов в Центрально-Азиатском регионе. При этом действенность кумулятивного эффекта по указанному направлению обеспечивается посредством объединенных действий всех государств-участников ШОС. Указанные аргументы свидетельствуют об актуальности проведения анализа международно-правового опыта борьбы с идеологией радикальных настроений и воплощения этого опыта на практике, осуществляемого во исполнение миссии сотрудничества в формате ШОС. Цель: выявить опыт наиболее значимых направлений международно-правового регулирования в области противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму, квинтэссенция которых базируется на внедрении в сознание общества и личности радикальных идей трансформации сложившегося миропорядка и государственного устройства. Методы: основа данного исследования акцентирована на применении совокупности общенаучных методов, включая анализ, синтез, индукцию и дедукцию. Наряду с отмеченным, авторами применены познавательные методы эвристики, аксиологии и метод контент-анализа. Результаты: в публикации представлен анализ наиболее значимых документов, положения которых касаются путей решения сущностных вопросов, сопряженных с необходимостью координации международно-правовых усилий по поддержанию стабильного мира в государствах Центральной Азии, с опорой на возможности ШОС. Кроме того, авторы заключают о важности учета активизации радикалов в части задействования ими потенциала современных технологий цифрового мира, что безусловно требует новых решений в области международно-правовой регламентации противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму в государствах рассматриваемого региона. Выводы и заключения: материалы представленной публикации свидетельствуют о сформированности нормативно-правовой модели международного значения, ориентированной на противодействие по линии ШОС деструктивному проявлению терроризма, экстремизма и сепаратизма в странах Центральной Азии, и требующей перманентной корректировки, исходя из постоянного обновления массива существующих вызовов и угроз в исследуемой области межгосударственных отношений.

Ключевые слова: международное право, радикализм, терроризм, экстремизм, сепаратизм, национальная безопасность, Центральная Азия, ШОС.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

© Чимаров Н.С., Чимаров С.Ю.

INTERNATIONAL LEGAL EXPERIENCE IN FIGHTING THE IDEOLOGY OF RADICALISM IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA: IN THE CONTEXT OF THE MISSION OF THE SCO MEMBER STATES

Nikolay S. Chimarov¹, Sergey Yu. Chimarov²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration –
North-West Institute of Management RANEPА,

²St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance: among the many key issues characterizing the modern process of globalization of international relations, threats and challenges derived from organized crime, a component of which is destructive activity based on the ideology of radicalism and its corresponding illegal manifestations of terrorism, separatism, as well as various forms of extremism, including fanaticism and religious extremism, are of particular importance. This circumstance contributes to clarifying the new configuration of certain aspects of international law in their regional expression. From the standpoint of the national interests of the Russian Federation and taking into account the above context, the experience of combating the ideas of radicalism embodied in terrorism, extremism and separatism in the Central Asian countries that are member States of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) deserves special attention. Acting as a primary threat to the state sovereignty of these countries, including encroachment on the observance of human rights within their territory, the inherently radical phenomena of terrorism, extremism and separatism: firstly, create barriers to maintaining an appropriate level of stability in society; secondly, contribute to the disorganization of the existing paradigm of international peace and security. This fact confirms the expediency of consolidating efforts in the field of international legal regulation of the subject field of countering the radical actions of terrorists, extremists and separatists in the Central Asian region. At the same time, the effectiveness of the cumulative effect in this area is ensured through the joint actions of all SCO member states. These arguments attest to the relevance of analyzing the international legal experience in combating the ideology of radical sentiments and putting this experience into practice, carried out in fulfillment of the mission of cooperation in the SCO format. Objective: to identify the experience of the most significant areas of international legal regulation in the field of countering terrorism, extremism and separatism, the quintessence of which is based on the introduction of radical ideas of transformation of the existing world order and state structure into the consciousness of society and personality. Methods: the basis of this research focuses on the application of a set of general scientific methods, including analysis, synthesis, induction and deduction. Along with the above, the authors applied cognitive methods of heuristics, axiology and the method of content analysis. Results: the publication presents an analysis of the most significant documents, the provisions of which relate to ways to resolve essential issues related to the need to coordinate international legal efforts to maintain stable peace in the Central Asian states, based on the capabilities of the SCO. In addition, the authors conclude that it is important to take into account the activation of radicals in terms of harnessing the potential of modern digital technologies, which certainly requires new solutions in the field of international legal regulation of countering terrorism, extremism and separatism in the states of the region under consideration. Conclusions and conclusions: the materials of the presented publication indicate the formation of a regulatory and legal model of international importance, focused on countering the destructive manifestation of terrorism, extremism and separatism in Central Asian countries through the SCO, and requiring permanent adjustments based on the constant updating of the array of existing challenges and threats in the field of interstate relations under study.

Keywords: international law, radicalism, terrorism, extremism, separatism, national security, Central Asia, SCO.

Funding: Independent work.

Введение.

Фактор учреждения 15 июня 2001 г. новой региональной организации, именуемой «Шанхайской пятеркой» (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан), иллюстративным образом подтвердил целесообразность эффективного решения обширного свода региональных проблем, являющихся актуальными для отме-

ченной совокупности государств. В институциональном плане, отмеченные действия получили дальнейшее развитие и соответствующее нормативное правовое закрепление:

– во-первых, в «Декларации глав государств-членов ШОС» (Шанхай, 14 июня 2001 г.), являющейся итоговым политическим документом;

– во-вторых, в «Хартии ШОС» (Санкт-Петербург, 07 июня 2002 г.), обладающей статусом базового уставного документа.

Данные документы придают миссии ШОС «шанхайский дух» мирного поиска путей решения возникающих региональных проблем.

В настоящее время в состав ШОС на правах членов входят 10 государств. Кроме того, отмеченная международная организация активно взаимодействует со странами, обладающими статусом:

- во-первых, партнеров по диалогу (14 стран);
- во-вторых, наблюдателей (2 страны);
- в-третьих, стран, заявивших о своем стремлении к получению статуса наблюдателя (8 стран).

Акцентируя внимание на особой роли стран Центральной Азии в системе ШОС, следует указать на восприятие этих стран со стороны государств-участников отмеченной организации в качестве ядра ШОС, что отчетливо представлено, к примеру, в отдельных декларативных документах данной организации, таких как «Нью-Делийская Декларация совета глав государств-членов ШОС» (Нью-Дели, 04 июля 2023 г.) и ряде последующих. Представленная аксиология положения государств Центрально-Азиатского региона позволяет обратить в исследовательском смысле особое внимание на изучение международно-правовой деятельности государств-участников ШОС в вопросе противодействия продвижению идеологически-радикальных концептов терроризма, экстремизма и сепаратизма (далее – ТЭС) в государствах Центральной Азии.

Обсуждение.

Реакция государств указанной «Шанхайской пятерки» на глобальные вызовы начала XX в., обусловленные результирующим действием «трех зол» (терроризм, экстремизм, сепаратизм):

- во-первых, подтверждает ее адекватность и своевременность в интересах обеспечения стабильности в регионе;
- во-вторых, придает новый импульс коррекции принимаемых шагов по противодействию ТЭС на современном этапе функционирования ШОС.

Признавая сепаратизм в качестве идеи на сепессию (лат. «лат. secessio» – «уход»), целеполагание которой во многих случаях связано с задействованием арсенала террористических и экстремистских действий, содействующих реализации отделения и/или выхода государства или его частей за ранее установленные пределы территории, мы считаем необходимым концентрацию своего внимания именно на противодействии радикальной идеологии ТЭС.

Апеллируя к проблеме международно-правовых аспектов противодействия ТЭС, следует согласиться с выводом А.К. Румянцевой и К.Х. Рахимова относительно того, что действующая парадигма интеграции и взаимного сотрудничества государств-участников ШОС базируется на основе международно-правового регулирования, формат которого определяется фактами подписания международно-правовых актов и их исполнения [1, с. 837].

Как следует из анализа процесса взаимодействия государств-участников ШОС на уровне их лидеров, наиболее значимые вопросы регионального развития находят свое отражение, преимущественно, в соответствующих декларациях. Уточняя место деклараций в общей системе международных правовых источников и выявляя правовую силу документов отмеченной номинации, нам представляется важным обратить внимание на двоякое их понимание:

– с одной стороны – декларация не всегда выступает в качестве юридически обязательного документа, а ее смысл сводится лишь к провозглашению конкретных намерений;

– с другой – декларация, в своем широком понимании, может быть тождественной международному договору, наделенному юридической силой и признанному в системе международного права.

На основе проведенного анализа и с учетом изложенного мы констатируем следующее: целеполагание принятия сторонами многих деклараций ШОС заключено в установлении юридически обязательных документов, дополняющих выявленный ранее перечень угроз для стабильного развития стран Центральной Азии и выступающих в качестве исходных ориентиров, на основе которых осуществляется последующая корректировка на национальном уровне различных документов стратегического планирования [2; 3].

Как отмечает индийский ученый П.К. Гупта, актуальность концентрации усилий ШОС по противодействию ТЭС именно в Центрально-Азиатском регионе обусловлена выбором относящихся к нему государств курса на упрочение в обществе светского мировоззрения и различных форм его модернизации [4].

В контексте отмеченного, мы разделяем научную позицию, которой придерживается С.М. Онищук, оценивший модель безопасности ШОС в ее направленности на разрешение многих принципиальных проблем в регионе Центральной Азии в качестве образца, пронизанного духом пяти принципов мирного сосуществования и рядом других универсальных норм международных отношений [5, с. 40]. Указанное пояснение данного автора соответствует остроте деструктивных проявлений системы «трех зол» в странах Центральной Азии.

К тенденциям современного наращивания разрушительных действий ТЭС в отмеченном регионе относятся:

1. Радикализация настроения населения посредством «точечного» воздействия на уязвимые слои общества и в первую очередь на молодежь.
2. Усиление региональной напряженности с целью дестабилизации общественного порядка и снижения уровня доверия людей к государству, вообще, и его правоохранительной системе, в частности.
3. Приоритетное продвижение радикальных идей через систему онлайн-платформ и современных технологий новых медиа.
4. Формирование сети дискуссионных онлайн-каналов и традиционных бесед в специально создаваемых для этого местах «живого» взаимодействия.
5. Целенаправленная подготовка отрядов пропагандистов и проповедников, предназначенных для обоснования идей радикализма.
6. Стремление к получению поддержки со стороны населения, вовлечение его в процесс финансирования структур ТЭС и активизация вербовки в свои ряды новых членов, способных к радикальным действиям.

Объединяющая роль в обеспечении эффективного противодействия ТЭС в странах Центральной Азии принадлежит «Региональной антитеррористической структуре ШОС» (РАТС), учрежденной 07 июня 2002 г. и получившей свое признание в качестве авторитетного центра на региональном и глобальном уровнях. Базовым документом для РАТС, задающим направления антитеррористического, анти-экстремистского и анти-сепаратистского видов деятельности, выступает «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Шанхай, 15 июня 2001 г.).

Закрепляя организационно-правовые основы противодействия отмеченным «трем видам зла», указанный документ:

- во-первых, конкретизирует ключевые понятия «терроризм», «экстремизм» и «сепаратизм»;
  - во-вторых, раскрывает указанное понятие «противодействие» через систему терминов: «предупреждение», «выявление» и «пресечение» деяний, корреспондирующим указанной формуле «трех зол»;
  - в-третьих, наделяет входящие в ШОС государства правом принятия соответствующих мер и закрепления в национальном законодательстве необходимых нормативных предписаний:
- а) способствующих недопущению какого-либо оправдания деяний, входящих в отмеченную триаду «зол», основанного на своде постулатов,

содержащих политическую, философскую, идеологическую, расовую, этническую, религиозную и/или иную аргументацию;

б) содержащих конкретные виды правовой ответственности, исходя из степени тяжести совершаемых деяний.

Раскрывая более подробно ареал функциональной деятельности РАТС, целесообразно указать на следующий ряд наиболее значимых направлений работы данной структуры, корреспондирующих теме поиска международно-правовых решений в исследуемой нами предметной области:

1. Учреждение «Единого розыскного реестра», основу которого составляет специальный банк данных, содержащий сведения о международных структурах ТЭС-направленности.
2. Координация действий и оказание необходимой помощи государствам Центральной Азии в организации оперативно-розыскных и других мероприятий по борьбе с ТЭС.
3. Поддержка научного сотрудничества, а также практики обобщения и обмена опытом по линии противодействия ТЭС.
4. Участие в реализации принимаемых документов в части совершенствования системы подготовки кадров, профессионально занимающихся противодействием ТЭС.
5. Организация работы по подготовке и проведению научно-практических конференций, посвященных обсуждению актуальных вопросов противодействия ТЭС, в контексте национальных условий и потребностей, присущих государствам Центральной Азии.

Динамичный характер генерирования новых идеологем ТЭС и применения, корреспондирующих их более изощренным тактическим приемам радикализма, требует адекватной оценки, позволяющей своевременно и действенным образом реагировать на очередные экстремальные вызовы и угрозы для национальной безопасности стран Центральной Азии. В развитие данного тезиса мы считаем необходимым указать на оперативную корректировку и качество принимаемых в этих странах мер по противодействию ТЭС.

Подтверждением указанному являются положения указанной «Нью-Делийской Декларации» (2023 г.), закрепляющей, кроме религиозной нетерпимости, новые виды исходящих от ТЭС угроз:

- 1) агрессивный национализм;
- 2) этническую и расовую дискриминацию;
- 3) идеи ксенофобии, фашизма и шовинизма.

В этой связи, данный документ предписывает принимать на пространстве ШОС следующий комплекс мер:

- 1) перекрытие каналов финансирования ТЭС;
- 2) пресечение вербовочной деятельности и трансграничного перемещения идеологов и адептов ТЭС;
- 3) недопущение радикализации молодежи;
- 4) борьбу с распространением идеологии ТЭС;
- 5) устранение «спящих ячеек» и мест, используемых в качестве убежища для членов организаций ТЭС.

Кроме того, несомненного внимания заслуживают положения указанного документа, предписывающие любой запрет:

- во-первых, на вмешательство во внутренние дела государств-участников ШОС, осуществляемое под эгидой противодействия ТЭС;
- во-вторых, на задействование структур ТЭС и их группировок радикального характера, во исполнение корыстных целей.

Констатируя посягательство внешних сил на изменение сложившегося миропорядка и их стремление к использованию конфликтных способов достижения геополитических целей, в том числе с применением разрушительных действий со стороны ТЭС, лидеры государств-участников ШОС в принятой ими «Астанинской Декларации» (Астана, 04 июля 2024 г.):

- во-первых, отметили тенденцию к нарастанию тектонических сдвигов в различных сферах международных отношений, а также устойчивый характер нарушения международного права;
- во-вторых, вновь подтвердили свою оценку Центральной Азии в качестве ядра ШОС.

При этом в кругу важных условий перехода ШОС на принципиально обновленную траекторию развития данной организации, отмеченный документ фиксирует целесообразность оптимизации механизмов ШОС в части противодействия новым вызовам и угрозам безопасности, включая активизацию профильного взаимодействия по борьбе с ТЭС на центрально-азиатском направлении.

Закрепляя центральную роль суверенных государств и их правоохранительных органов в противодействии ТЭС-угрозам, «Астанинская Декларация» содержит положения:

- во-первых, о недопустимости двойных стандартов в борьбе с ТЭС;
- во-вторых, об особой опасности использования структурами ТЭС информационного про-

странства с целью продвижения в общество и, особенно, среди молодежи идей радикализма;

- в-третьих, об актуальности координации усилий по противодействию акциям киберпропаганды и дезинформационным кампаниям, осуществляемым организациями ТЭС с использованием новых информационно-коммуникационных технологий в террористических целях и нацеленным против государств-участников ШОС.

Объективный характер подверженности характера современных угроз геополитическому процессу нарастания напряженности в различных регионах мира, включая Центральную Азию, способствует новому пониманию на уровне РАТС и иных структур ШОС действующей парадигмы пропаганды идей радикализма:

- во-первых, сформированных в условиях особой интерпретации исламского вероучения и прикрывающихся знаменем традиционного ислама;
- во-вторых, продвигаемых в информационном пространстве с использованием потенциала новых цифровых технологий, способствующих реализации формата «медиа-джихада» [6].

С учетом изложенного, несомненного внимания заслуживают:

- во-первых, разработка в «недрах» РАТС ШОС законодательных и иных нормативных актов, направленных на минимизацию деструктивных возможностей Интернета и активизацию борьбы с кибертерроризмом;
- во-вторых, практика взаимодействия РАТС ШОС с «Контртеррористическим комитетом Совета безопасности ООН (КТК)» и иными международными структурами профильной направленности в части борьбы с ТЭС в информационном пространстве сети Интернет.

В кругу партнеров по отмеченной проблеме исключительное место занимает «Глобальный Интернет-форум по противодействию терроризму (ГИФПТ)», а также международная инициатива «Технологии в борьбе с терроризмом»

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Рассмотренные в настоящей работе отдельные положения документов рекомендательного характера по линии ШОС:

- во-первых, задают общий вектор координации усилий государств-участников ШОС по противодействию радикальным идеям терроризма, экстремизма и сепаратизма;
- во-вторых, определяют направления совершенствования национальной правовой

базы отмеченных государств, относящихся к региону Центральной Азии.

2. Накопленный национальный опыт борьбы с идеологией радикализма в каждом государстве, обладающем статусом участника ШОС, является предметом профессионального анализа компетентных специалистов из состава руководящих и специальных органов отмеченной международной организации. При этом выводы отмеченных субъектов противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму, подкрепленные нормами профильного международного права и правовых актов ШОС, содействуют не только имплементации в национальные законодательства нормативных рекомендаций указанной организации, но и служат основой для подготовки соответствующих рекомендаций анти-ТЭС – направленности и проведения на площадках ШОС различного рода представительских мероприятий, включая научно-практические конференции и дискуссии.

3. Современный уровень развития информационного общества, включая его цифровизацию, создает необходимые условия для более убедительного и оперативного продвижения в сознание масс радикальных идеологов, являющихся фундаментальным источником новых схем реализации воззрений проповедников ТЭС, что наглядным образом подтверждается на примере стран Центральной Азии и соседних с ними государств, включая Российскую Федерацию.

В этой связи, накопленный по линии ШОС опыт борьбы с идеями терроризма, экстремизма и сепаратизма, имеет особое значение в части создания необходимых международно-правовых и информационных барьеров для пропаганды идеологии «трех зол» посредством задействования контрпропагандистского массива новых цифровых технологий, основу которых составляют Интернет, социальные сети и искусственный интеллект.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Румянцева А.К. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Азии / А.К. Румянцева, К.Х. Рахимов // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 835–846.
2. Указ Президента Республики Таджикистан от 01 июня 2021 г. № 187 «О Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38755791&pos=4;-96#pos=4;-96 (дата обращения 05.01.2025).
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 01 июля 2021 г. № УП-6255 «Об утверждении национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы». URL : <https://lex.uz/uz/docs/5491628> (дата обращения 05.01.2025).
4. Гупта П.К. Повышение устойчивости: стратегии противодействия терроризму в Центральной Азии. URL : <https://ru.valdaicclub.com/a/highlights/povyshenie-ustoychivosti> (дата обращения 08.01.25).
5. Онищук С.М. ШОС и борьба с «тремя видами зла» (экстремизм, сепаратизм и терроризм) в Центральной Азии / С.М. Онищук // Вооружение и экономика. 2011. № 1(13). С. 38–47.
6. РАТС ШОС создал механизм по борьбе с кибертерроризмом. URL : <http://infoshos.ru/ru/?idn=15066> (дата обращения 12.12.2024).

References:

1. Rumyantseva A.K. The Role of the SCO in Countering Terrorism in Asian Countries / A.K. Rumyantseva, K.Kh. Rakhimov // Post-Soviet Studies. 2022. Vol. 5. № 8. P. 835–846.
2. Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated June 01, 2021 № 187 «On the Strategy for Countering Extremism and Terrorism in the Republic of Tajikistan for 2021–2025». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38755791&pos=4;-96#pos=4;-96 (date of application 05.01.2025).
3. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated July 01, 2021 № UP-6255 «On approval of the national strategy of the Republic of Uzbekistan to counter extremism and terrorism for 2021–2026». URL : <https://lex.uz/uz/docs/5491628> (date of application 05.01.2025).
4. Gupta P.K. Building Resilience: Counterterrorism Strategies in Central Asia. URL : <https://ru.valdaicclub.com/a/highlights/povyshenie-ustoychivosti> (date of application 08.01.2025).
5. Onishchuk S.M. SCO and the fight against the «three types of evil» (extremism, separatism and terrorism) in Central Asia / S.M. Onishchuk // Armament and Economics. 2011. № 1(13). P. 38–47.
6. RATS SCO created a mechanism to combat cyberterrorism. URL : <http://infoshos.ru/ru/?idn=15066> (date of application 12.12.2024).

Информация об авторах

Чимаров Николай Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного
и гуманитарного права,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
Северо-Западный институт управления
ORCID 0000-0002-0661-1035
kolomyagi4@gmail.com

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Nikolay S. Chimarov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of International and Humanitarian Law,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration;
North-West Institute of Management
ORCID 0000-0002-0661-1035
kolomyagi4@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-7>
УДК 338.46

Attribution
cc by

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СФЕРЫ УСЛУГ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ESG

Коробкова О.К.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. В настоящий момент роль частных организаций здравоохранения и их социальная ответственность растёт как перед своими специалистами, оказывающими социально значимые услуги, направленные на укрепление здоровья граждан, так и перед обществом региона и страны в целом. Формулировка цели исследования. Статья посвящена исследованию значимых вопросов социальной ответственности организаций малого и среднего бизнеса сферы здравоохранения как перед своими работниками посредством социального развития коллектива, что значительно сокращает текучесть кадров и повышает ценность организации в обществе, так и перед обществом в целом. Цель исследования – оценка социальной ответственности организации здравоохранения как перед своими работниками, так и перед обществом в целом. Методологическая база. Методологической базой послужили положения Национального стандарта РФ «Руководство по социальной ответственности» (ГОСТ Р ИСО 26000-2012) и международному стандарту ИСО 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности». Методы исследования. Методами исследования выступили экономико-статистические методы, экспертный опрос. Результаты исследования показали, что корпоративная социальная ответственность – это один из инструментов стратегии устойчивого развития и ведения бизнеса и повышения уровня конкурентоспособности организаций здравоохранения. В ходе проведенного исследования выявлены проблемные вопросы социальной ответственности, на основе выявленных факторов в рамках концепции ESG составлены рекомендации. Выводы. Результаты исследования вносят вклад в понимание корпоративного управления и социальной ответственности организаций здравоохранения в улучшении общественного здравоохранения.

Ключевые слова: концепция, корпоративная социальная ответственность, сфера здравоохранения, устойчивое развитие, организации здравоохранения, общество, сотрудники. социальная политика, получатели услуг.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

DEVELOPMENT OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF HEALTHCARE ORGANIZATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ESG CONCEPT

Oksana K. Korobkova

Pacific State University

Abstract. At the moment, the role of private healthcare organizations and their social responsibility is growing both in front of their specialists who provide socially significant services aimed at improving the health of citizens, and in front of the society of the region and the country as a whole. Formulation of the research objective. The article is devoted to the study of significant issues of social responsibility of small and medium-sized healthcare organizations both to their employees through the social development of the team, which significantly reduces staff turnover and increases the value of the organization in society, and to society as a whole. The purpose of the study is to assess the social responsibility of a healthcare organization both to its employees and to society as a whole. Methodological base. The methodological basis was the provisions of the National Standard of the Russian Federation «Guidelines on Social Responsibility» (GOST R ISO 26000-2012) and the international standard ISO 26000:2010 «Guidelines on Social Responsibility». Research methods. The research methods were economic and statistical methods, an expert survey. The results of the study showed that corporate social responsibility is one of the tools for the strategy of sustainable development and business operations and increasing the competitiveness of healthcare organizations. In the course of

© Коробкова О.К.

the study, problematic issues of social responsibility were identified, and recommendations were made based on the identified factors within the framework of the ESG concept. Conclusions. The results of the study contribute to the understanding of corporate governance and the social responsibility of healthcare organizations in improving public health.

Keywords: concept, corporate social responsibility, healthcare sector, sustainable development, healthcare organizations, society, employees. social policy, recipients of services.

Funding: Independent work.

Введение.

Аспект социальной ответственности деятельности частных организаций здравоохранения является актуальной, так как в ситуации санкций и социально-экономических ограничений России организациям здравоохранения необходимо находить новые варианты выражения ответственности как перед своим персоналом, так и перед обществом. Научные определения «корпоративная социальная ответственность» и «устойчивое развитие» являются бесспорно важными проблемами во всем мире.

Термин «устойчивое развитие» получил масштабирование после публикации Доклада «Наше общее будущее» в 1987 году и используется для исследования взаимоотношений общества, человека и природы [3]. Одна из целей устойчивого развития – цель 3 «Хорошее здоровье и благополучие». Можно привести два показателя 2023 года по Дальневосточному Федеральному округу, которые определяют данную цель: показатель материнской смертности снизился на 9,6 % по сравнению с 2022 годом; число специалистов, оказывающих услуги здравоохранения на 1000 населения (врачей – рост составил 2 % , среднего медицинского персонала – снижение показателя составило 7,54 %) [10].

Генезис корпоративной социальной ответственности в рамках концепции корпоративной устойчивости, которая отражена в работах таких учёных, как Д. Эллингтон [9], Т. Диллик и К. Хокертс [8]. Генезис данной концепции наиболее значим с точки зрения практического использования и стратегического планирования. Отличительная особенность стратегической концепции корпоративной социальной ответственности направлена на взаимодействие со внутренними и внешними стейкхолдерами, получение дохода и реализация долгосрочной конкуренции на рынке. Одним из инструментов стратегической концепции корпоративной социальной ответственности является социальная политика организации. Есть несколько проблем, с которыми сталкиваются организации малого и среднего бизнеса в сфере здравоохранения: отсутствие заинтересованности у руководства организаций и её бизнес-партнёров в приверженности и поддержке социальной ответственности [5]; слабое нормативное регулирование социальной ответственности.

Обсуждение.

Социальная ответственность управления становится компонентом делового успеха, способ-

ствует интеграции организации в повседневную жизнь общества [6]. Концепция социальной ответственности указывает на то, что организации малого и среднего бизнеса сферы здравоохранения функционируют для достижения максимальной прибыли, а также для развития общества так как деятельность любой организации не может быть изолированной от общества. Ответственность организаций здравоохранения перед обществом характеризуется их обязательствами выполнять действия, которые определяют генезис ценностей общества.

Идея корпоративной социальной ответственности строится на том, что бизнес-процессы любой компании не сводятся лишь к экономическим результатам [7]. Сегодня термин «корпоративная социальная ответственность» является актуальным в экономических и геополитических условиях. Быть социально-ответственной частной организацией здравоохранения означает оправдывать ожидания общества [11], стремиться осуществлять свою деятельность с учётом этических норм [1], выявлять неэтичное поведение руководителей организации здравоохранения и её специалистов, что может нанести вред как самим специалистам (сотрудникам), так и обществу, и окружающей среде [2].

В соответствии с определением Европейской комиссии «Корпоративная социальная ответственность» – это концепция, которая отражает добровольную волю организаций участвовать в развитии общества и защите окружающей среды [11]. Корпоративную социальную ответственность можно рассматривать как платформу устойчивого развития бизнеса организаций здравоохранения, которые соотносят свои миссию, бизнес-цели и бизнес-процессы с интересами общества, которая принимает во внимание социальные, экологические и управленческие аспекты, обеспечивающие её устойчивое развитие.

ISO 26000 (International Standards Organization) содержит руководство к повышению социальной ответственности, то есть прозрачности и открытости бизнеса, общественному развитию и заботу об окружающей среде, включая участие в развитии общества, защита прав получателей услуг, проблемы получателей услуг, честная операционная деятельность, окружающая среда, трудовая практика.

Социальная ответственность включает следующие аспекты позиции руководителя организаций здравоохранения малого и среднего бизнеса:

публичная ответственность, направленная на генезис общества, а это создаёт положительную репутацию организаций здравоохранения (чем больше социальная ответственность организации здравоохранения, тем большую поддержку оказывают ей государство, общество и потребители услуг); ответственность организации здравоохранения перед своими специалистами, оказывающими услуги населению (сами сотрудники являются частью общества, поэтому, генезис социальной ответственности направлен на повышение морального качества специалистов на рабочем месте, что в целом покажет рост производительности труда и прибыли организации здравоохранения); этическое лидерство – убежденность во мнении, о том, что деятельность руководителя организации здравоохранения оказывает влияние на сотрудников (положительное и отрицательное).

В настоящее время выделяют четыре модели корпоративной социальной ответственности:

1. Экономическая ответственность – это принятие руководством организации управленческих решений с учётом миссии организации, соблюдения прав и потребностей своего персонала и общества в целом, увеличения прибыли, благоприятном воздействии на окружающую среду.

2. Экологическая ответственность – это понимание того, что организации здравоохранения могут наносить вред окружающей среде (стремление оказывать поддержку на восстановление окружающей среды через сокращение, например, потребления воды, а также компенсируя негативное влияние, например, путём насаждения деревьев).

3. Этическая ответственность – это функционирование организаций здравоохранения честно и открыто, соблюдая нормы поведения в обществе.

4. Филантропическая ответственность – это отношение к миссии и цели организации здравоохранения, осуществление деятельности которой развивает общество путём вложения средств в социальные проекты.

В рамках концепции ESG осуществляются следующие направления работы экономических субъектов:

– социальная ответственность (связь с местными сообществами, права человека, условия труда, безопасность услуг (продукции), этичность);

– экологическая ответственность (эффективность использования ресурсов), управление отходами, воздействие на климат);

– корпоративная ответственность (структура управления, деловая честность, борьба с кор-

рупцией, прозрачность, защита интеллектуальной собственности).

Инвестирование в ESG предполагает воздействие организации здравоохранения на окружающую среду, социальную ответственность и практику корпоративного управления при принятии инвестиционных решений.

В своей практической деятельности организации здравоохранения направляют свои усилия к тому, чтобы её вклад в прогресс (устойчивое развитие) был последовательным и долговременным для всех заинтересованных сторон, важными из которых являются: получатели услуг (клиенты), поставщики (партнёры), инвесторы, сотрудники, государство.

Результаты.

В настоящее время частные организации здравоохранения оказывают услуги здравоохранения по двум направлениям: за наличный расчёт и по полюсам Добровольного медицинского страхования. Преимущество работы частных организаций здравоохранения заключается в том, что, являясь субъектами малого и среднего бизнеса, подчинённого законам рыночных отношений, частные организации здравоохранения заинтересованы в быстром позитивном результате при оказании качественных услуг здравоохранения в оптимальные сроки. Благополучие сообщества региона, которое обслуживает организация здравоохранения тесно связано с его положительной репутацией и конкурентоспособностью.

Как один из аспектов взаимодействия государства и частного здравоохранения выступает государственно-частное партнерство, включая в участие частных организаций здравоохранения в оказании услуг здравоохранения гражданам бесплатно через ОМС или при реализации Федерального проекта «Здравоохранение». Рассматривая частные организации здравоохранения, можно определить, что основная миссия – получение прибыли путем предоставления платных услуг здравоохранения гражданам (оказание квалифицированной и высокотехнологичной консультативно-лечебной помощи населению). Организация здравоохранения опирается на такие ценности, как общество, получатели услуг и партнёры, сотрудники, развитие (табл. 1). Для определения эффективности управления был проведен SWOT-анализ деятельности частной организации здравоохранения (strengths – сила, weakness – слабости, opportunities – возможности, threats – угрозы) (табл. 2).

Проведя анализ, можно сделать вывод о том, что частные организации здравоохранения имеют положительную репутацию, квалифицированный персонал, современную материально-техническую базу, большой опыт сотрудничества с предприятиями – поставщиками медицинского оборудования, динамика объёмов продаж от оказания медицинских услуг населению растёт.

Таблица 1

Ценности организации здравоохранения

Ценности	Характеристика
Общество	Взаимоотношения с обществом строятся на основе общечеловеческих нравственных принципов
Получатели услуг и партнеры	Принцип деятельности – взаимовыгодное партнерство на основе взаимоуважения и доверия. Вы выполнении обязательств организация здравоохранения ориентируется на долгосрочное сотрудничество
Сотрудники	Сотрудники – основной капиталом организации здравоохранения. Организация стремится предоставить специалистам возможность профессионального роста, иметь достойный уровень жизни
Развитие	Деятельность организации здравоохранения основана на создании и совершенствовании конкурентных преимуществ в условиях меняющейся внешней среды

Таблица 2

Обобщенный SWOT-анализ организации здравоохранения

Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Положительно сформировавшаяся репутация частной организации здравоохранения. 2. Значительный опыт работы в сфере оказания данных услуг. 3. Наличие современной материально-технической базы. 4. Квалифицированные специалисты. 5. Квалифицированный управленческий персонал. 6. Конкурентоспособность услуг здравоохранения по качеству и стоимости 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Не выработана чёткая маркетинговая политика. 2. Недостаточная информированность потенциальных получателей услуг о видах медицинской помощи
Возможности	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Появление спроса на новые услуги здравоохранения (косметология). 2. Индивидуальный подход к получателю услуги (пациенту). 3. Наличие широкого спектра услуг здравоохранения. 4. Надёжные поставщики медицинского оборудования 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокий уровень инфляции. Снижение доходов населения. 2. Сокращение спроса на услуги. Влияние экономических санкций на снижение прибыли от продаж услуг. 3. Рост числа конкурентов и их финансовая стабильность. 4. Нарушение сроков поставки оборудования. 5. Рост цен у поставщиков

Однако организации необходимо ориентироваться на маркетинг, активно использовать коммуникативную политику для доведения информации об услугах до потенциальных получателей услуг. У организации здравоохранения есть возможность расширить спектр услуги и оказывать новые услуги здравоохранения (косметология), может использовать индивидуальный подход к получателю услуги (пациенту). Вместе с тем, необходимо учитывать высокий уровень инфляции, снижение доходов населения, сокращение спроса на услуги, а также рост числа конкурентов и их финансовую стабильность.

На основе выявленных факторов в рамках концепции ESG составлены рекомендации, позволяющие повысить качество услуг здравоохранения с учётом социальных и экологических факторов, улучшит управленческие процессы, повысит прозрачность и эффективность деятельности организации здравоохранения, снизит негативное воздействие организации здравоохранения на окружающую среду:

1. Участие в оказании услуг по ОМС. Предоставление льгот для получателей услуг, лицам старше 60 лет и лицам младше 14 лет.

2. Проведение опросов среди существующих и потенциальных получателей услуг, для выявления их предпочтений и ожиданий для расширения перечня услуг.

3. Внедрение в практику новых инновационных методов диагностики и лечения получателей услуг.

4. Внедрение программы лояльности для получателей услуг.

5. Открытие гериатрического кабинета.

6. Использование информационных технологий при оказании услуг для увеличения удовлетворенности получателей услуг качеством оказанных услуг.

7. Внедрение индивидуальных здоровьесберегающих и профилактических программ.

8. Оплата повышения квалификации специалистов (одной из задач, воплощающей цели устойчивого развития, отражена в Послании Президента России Федеральному собранию 29.02.2024 г. – Национальный проект «Кадры» [4]).

9. Проведение школ здорового образа жизни и правильного питания.

10. Внедрение программы «Укрепление здоровья на рабочем месте».

В рамках выполненного исследования, проведено анкетирование 19 сотрудников организации здравоохранения. Ответы на вопросы распределились следующим образом:

На вопрос: как Вы относитесь к здоровому питанию? Ответили:

- 1) положительно – 85 % респондентов;
- 2) отрицательно – 1 % респондентов;
- 3) нейтрально – 14 % респондентов.

На вопрос: есть ли у Вас вредные привычки? Ответили:

- 1) нет – 70 % респондентов;
- 2) да – 30 % респондентов.

На вопрос: сколько времени в сутки обычно Вы спите? Ответили:

- 1) от 4 до 6 часов в сутки – 25 % респондентов;
- 2) от 6 до 8 часов в сутки – 70 % респондентов;
- 3) более 8 часов в сутки – 5 % респондентов.

На вопрос: как Вы проводите своё свободное время? Ответили:

- 1) занимаюсь спортом – 18 % респондентов;
- 2) прогулки с друзьями – 80 % респондентов;
- 3) смотрю телевизор – 2 % респондентов.

На вопрос: занимаетесь ли Вы какими-нибудь видами спорта? Ответили:

- 1) постоянно занимаюсь – 10 % респондентов.
- 2) периодически хожу на тренировки – 8 % респондентов;
- 3) не занимаюсь – 82 % респондентов;

На вопрос: делаете ли Вы зарядку по утрам? Ответили:

- 1) делаю каждое утро – 5 % респондентов;
- 2) делаю раз в какое-то время – 30 % респондентов;
- 3) не делаю – 65 % респондентов.

На вопрос: закаляете ли Вы организм для повышения иммунитета? Ответили:

- 1) закаляю – 10 % респондентов;

2) раньше закалял – 40 % респондентов;

3) не закаляю – 50 % респондентов.

На вопрос: какое количество воды Вы выпиваете ежедневно? Ответили:

- 1) около 2 литров воды – 15 % респондентов;
- 2) менее двух литров воды – 84 % респондентов;
- 3) более 2 литров воды – 1 % респондентов.

На вопрос: употребляете ли Вы вредную пищу и на сколько часто? Ответили:

- 1) не употребляю – 32 % респондентов;
- 2) употребляю, но редко – 40 % респондентов;
- 3) употребляю часто – 28 % респондентов.

После проведения опроса сотрудников организации здравоохранения, можно сделать следующее заключение:

85 % респондентов относятся положительно к здоровому питанию;

70 % респондентов не имеют вредных привычек;

5 % респондентов спят более 8 часов в сутки;

18 % респондентов занимаются спортом;

10 % респондентов постоянно занимаются спортом;

5 % респондентов делают каждое утро зарядку;

10 % респондентов занимаются закаливанием организма;

1 % респондентов выпивают более 2 литров воды;

32 % респондентов не употребляют вредную пищу.

Вопросы корпоративной социальной ответственности должны отражаться в локальных нормативных документах организаций здравоохранения. Одним из направлений развития является разработка и внедрение программы «Здоровье на рабочем месте», которая может быть реализована для сотрудников организации здравоохранения и для организаций, прикрепивших своих сотрудников.

Целью данной программы является создание здоровьесберегающей среды в организации, направленной на формирования культуры здоровья работников организации.

Основными задачами программы являются:

- формирование системы мотивации сотрудников к ведению здорового образа жизни, физической активности и правильному питанию;

– повышение производительности труда и конкурентоспособности организации здравоохранения.

Основными показателями программы будут являться:

– доля сотрудников, ведущих здоровый образ жизни;

– доля сотрудников, систематически занимающихся физической культурой;

– доля сотрудников, отказавшихся от вредных привычек из числа их имевших.

Основными механизмами реализации данной программы будут являться:

1. Мероприятия, отражающие экологический аспект в рамках концепции ESG, такие как акция «Пешком на работу» и «На работу на велосипеде», отражает физическую активность сотрудников, улучшает их самочувствие, оказывает благоприятное воздействие на окружающую среду, так как уменьшает количество выбросов углекислого газа в атмосферу.

2. Социальный аспект отражают мероприятия в рамках концепции ESG, такие как участие со-

трудников организации здравоохранения в программе сдачи ГТО; оплата абонементов в фитнес-центр; проведение тематических Дней здорового питания; информирование о вреде курения; проведение тренингов, консультаций, семинаров по управлению конфликтными ситуациями.

3. Мероприятия, отражающие аспект, связанный с корпоративным управлением, в рамках концепции ESG, направлены на составление и внедрение экологической и социальной политики, кодекса этики.

Заключение.

Переход российских организаций малого и среднего бизнеса сферы здравоохранения к новым форматам ведения бизнеса связан с перспективным направлением развития значимости их социальной роли в обществе. Основная функция социальной ответственности – обеспечение функционирования и устойчивого развития сферы услуг здравоохранения, формирования здорового образа граждан страны, повышения доступности и качества услуг здравоохранения, создание благоприятного социально-психологического климата. В своей работе организации здравоохранения следуют своей миссии используя принципы социальной ответственности во благо общества.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Дегтярёва В.А. Социальное партнёрство и институционализация социальной ответственности предприятий как фактор эффективности региональной политики / В.А. Дегтярёва, М.В. Иванов, А.А. Баранов // Региональная экономика: теория и практика. 2021. № 2(485). С. 246–263.
2. Иванов Р.В. Корпоративно-социальная ответственность в социальном партнёрстве бизнеса и власти. Телекоммуникационные технологии: актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях / Р.В. Иванов // Всероссийская научная конференция преподавателей, аспирантов и студентов. Хабаровск, 2020. С. 941–949.
3. Коробкова О.К. Устойчивое развитие России: показатели достижения цели / О.К. Коробкова, Ю.А. Котлова // Экономика и предпринимательство. 2024. № 6 (167). С. 464–467.
4. Коробкова О.К. Федеральный и Национальный проект «Кадры» как один из приоритетов устойчивого развития России: показатели, результаты, рекомендации / О.К. Коробкова, Т.Г. Красота, Н.В. Гасанова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 4 (ч. 2). С. 235–240.
5. Кузнецов С.В. Социальные аспекты инновационной промышленной модернизации / С.В. Кузнецов, Е.А. Горин // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1(64). С. 30–36.
6. Романова О.А. Социальная ответственность корпораций: опыт территориального исследования / О.А. Романова, И.Н. Ткаченко // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 23–36.
7. Тумилевич Е.Н. К сущности корпоративной социальной ответственности / Е.Н. Тумилевич // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 7. С. 118–129.
8. Dyllick T. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability / T. Dyllick, K. Hockerts // Business Strategy and the Environment. 2002. № 11. P. 130–141. 131 p.
9. Elkington J. Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development / J. Elkington // California Management Review. 1994. № 36(2). P. 90–100. 90 p.

10. Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. URL : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1739335601&tld=ru&lang=ru&name=1608-2024_demografija_dajzhest.pdf&text
11. Корпоративная социальная ответственность в Европе: что нужно знать предпринимателю, выходящему на европейские рынки. URL : http://www.dialog-urfo.ru/_templates/docs/kso-in-europe.pdf#

References:

1. Degtyareva V.A. Social partnership and institutionalization of social responsibility of enterprises as a factor of effectiveness of regional policy / V.A. Degtyareva, M.V. Ivanov, A.A. Baranov // *Regional economics: theory and practice*. 2021. № 2(485). P. 246–263.
2. Ivanov R.V. Corporate and social responsibility in the social partnership of business and government. Telecommunication technologies: updating and solving the problems of training highly qualified personnel in modern conditions / R.V. Ivanov // *All-Russian Scientific Conference of teachers, graduate students and students*. Khabarovsk, 2020. P. 941–949.
3. Korobkova O.K. Sustainable development of Russia: goal achievement indicators / O.K. Korobkova, Yu.A. Kotlova // *Economics and entrepreneurship*. 2024. № 6(167). P. 464–467.
4. Korobkova O.K. Federal and National project «Cadres» as one of the priorities of Russia's sustainable development: indicators, results, recommendations / O.K. Korobkova, T.G. Krasota, N.V. Hasanova // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. № 4 (Part 2). P. 235–240.
5. Kuznetsov S.V. Social aspects of innovative industrial modernization / S.V. Kuznetsov, E.A. Gorin // *The economy of the North-West: problems and prospects of development*. 2021. № 1(64). P. 30–36.
6. Romanova O.A. Corporate social responsibility: the experience of territorial research / O.A. Romanova, I.N. Tkachenko // *The economic science of modern Russia*. 2001. № 2. P. 23–36.
7. Tumilevich E.N. Towards the essence of corporate social responsibility / E.N. Tumilevich // *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2016. № 7. P. 118–129.
8. Dyllick T. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability / T. Dyllick, K. Hockerts // *Business Strategy and the Environment*. 2002. № 11. P. 130–141. 131 p.
9. Elkington J. Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development / J. Elkington // *California Management Review*. 1994. № 36(2). P. 90–100. 90 p.
10. Demographic characteristics of the Far Eastern Federal District. URL : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1739335601&tld=ru&lang=ru&name=1608-2024_demografija_dajzhest.pdf&text
11. Corporate Social Responsibility in Europe: what an entrepreneur entering European markets needs to know. URL : http://www.dialog-urfo.ru/_templates/docs/kso-in-europe.pdf#

Информация об авторе

Коробкова Оксана Константиновна
доктор экономических наук,
доцент,
профессор Высшей школы экономики,
Институт экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет
ORCID 0009-0004-3053-8618
korobkova.ok@yandex.ru

Oksana K. Korobkova
Doctor of Economics,
Associate Professor,
Professor of the Higher School of Economics,
Institute of Economics and Management,
Pacific National University
ORCID 0009-0004-3053-8618
korobkova.ok@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-19>
УДК 005.339.138

Attribution
cc by

МАРКЕТИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОМПАНИЕЙ

Пахомов Е.М., Лапшин В.Ю.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Аннотация. В данном исследовании рассмотрены отдельные элементы маркетинговых технологий в контексте перспективности адаптации их функционала во внутреннюю систему управления компанией. Применен описательный метод исследования. Приведены примечательные разработки и приемы маркетинговых технологий последних 30 лет, имеющих вероятный потенциал внедрения в контексте оптимизации системы управления компанией, сделан их краткий обзор, учтена актуальность. Описаны особенности и возможные варианты применения функционала маркетинговых технологий. Выявлены факторы, играющие важную роль в процессе внедрения маркетинговых технологий и адаптации заимствованных функций. Отмечена важность учета внешних факторов и наличия обратной связи среди сотрудников и руководства. В заключении приведены основные результаты исследования по отдельным пунктам, подведен общий итог исследования и список использованной литературы.

Ключевые слова: компания, управление, маркетинговые технологии, цифровизация, CRM, большие данные, ИИ, геймификация, автоматизация, оптимизация, устойчивое развитие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MARKETING TECHNOLOGIES IN OPTIMIZING THE COMPANY MANAGEMENT SYSTEM

Egor M. Pakhomov, Vyacheslav Yu. Lapshin

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Abstract. This study examines individual elements of marketing technologies in the context of perspectives for adapting their functionality to the company's internal management system. The used method was descriptive research. Noticed developments and techniques of marketing technologies for the last 30 years that have probable implementation potential, checked their relevance, made a brief overview. Described possible options for applying their functionality for internal use by the company's management. Identified key factors that play an important role in the process of implementation and adaptation of borrowed functions of marketing technologies in the management system. Noted the importance of paying attention to external factors and presence of feedback among employees and management in the implementation process. As the result, conclusion provides the main outcomes for individual points, the overall result of the study and presented a list of references.

Keywords: company, management, marketing technologies, digitalization, CRM, big data, AI, gamification, automation, optimization, sustainable development.

Funding: Independent work.

Введение.

В современном бизнесе маркетингу отведена важная роль: он обеспечивает продуктивную коммуникацию с клиентом, конкурентные преимущества и максимизацию прибыли.

Маркетинговые технологии, включающие в себя цифровые платформы, аналитические инструменты, психологические приемы, автоматизацию процессов и набирающий популярность искус-

ственный интеллект позволяют компаниям эффективно управлять взаимоотношениями с потребителями, оптимизировать рекламные кампании и адаптировать продукты под запросы рынка.

Разумеется, маркетинг, это, в первую очередь, наука о взаимодействии продавца и покупателя. Однако в некоторых инструментах и приемах маркетинга возможно усмотреть функционал, применимый не только для увеличения продаж,

но и качественного улучшения подходов управления внутри компании. Данную идею можно проследить при изучении сути технологий маркетинга, а также, в свежих исследовательских работах, посвященных этой теме.

Для достижения цели изучения потенциала использования маркетинговых технологий во внутренней системе управления компанией в этом исследовании будет применен описательный подход. Этот подход обеспечит основу для выявления перспективного функционала в технологиях маркетинга и разработки концептуальных предложений для будущих разработок. Синтезированная информация, полученная из обзора литературы, проанализирована и обсуждена для выявления особенностей, новых предложений и теоретических перспектив. Результаты будут рассмотрены в связи с целью исследования и с учетом результатов существующих исследований в области внедрения маркетинговых технологий в систему управления компанией и смежных тематик.

Обсуждение.

1. CRM

Говоря о полезных и современных элементах технологий маркетинга, уместно вспомнить о распространенных цифровых платформах. В первую очередь, следует упомянуть системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM, сокр. от англ. customer relationship management). Эти системы призваны создавать более прозрачные и эффективные модели взаимодействия между продавцом и покупателем, а также помогать в управлении отношениями с клиентами, вести проекты и автоматизировать продажи. Появившись на рубеже XX и XXI веков, спустя четверть века они продолжают распространяться и развиваться, внедряясь в самые разные по масштабу и сферам бизнесы.

Их эффективность наглядно подтверждена стремительным распространением по всему миру. На тему эффективности CRM-систем проведены соответствующие исследования. Так, в статье «Impact of CRM Systems on employee efficiency and performance» [1] автор на основе анализа данных по опыту внедрения CRM-системы указывает на прямую зависимость от использования CRM и повышения производительности труда сотрудников в отделе маркетинга.

Конечно, спустя некоторое время, на рынке сформировалось множество программных решений, обеспечивающие эффективное управление персоналом внутри компании. К примерам можно отнести такие приложения, как ЛидерТаск или WebSoft. Есть также комбайны, включающие в себя и маркетинг, и внутренний менеджмент, например, отечественный сервис МегаПлан. Это дает понимание того, что на рынке уже существуют более узконаправленные решения. Однако, рассматривая вопрос использования техно-

логий маркетинга в контексте качественного внедрения в систему управления компанией, можно увидеть ключевую особенность: CRM-системы предоставляют особые аналитические инструменты, позволяющие сегментировать аудиторию и разрабатывать персонализированные предложения. Возможно, сфокусировав внимание на данной особенности, подобный инструментарий применим в продвинутых цифровых платформах для внутреннего управления компанией, так как персонализация выстраивает более гибкую и корректную обратную связь. Это потенциально сможет улучшить уже существующие системы управления компанией или стать основой для новых.

Таким образом, в перспективе улучшается обратная связь внутри команды, что, в свою очередь, положительно сказывается на принятии решений менеджера.

2. ИИ и большие данные в маркетинге.

Важным аспектом как в маркетинговой деятельности, так и в системе управления компанией в настоящее время является способность анализировать большие и многообразные данные. Термин «большие данные» (англ. big data) сформировался в конце 2000-х годов. Это обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами. Сейчас маркетинг, особенно в формате онлайн, имеет тесную связь с гигантским массивом данных, обновляющимся в режиме реального времени. Цифровизация и автоматизация процессов маркетинга выводят эффективность бизнеса на новые уровни, что естественным образом подталкивает к конкуренции и поиску оптимальных решений и внутри системы управления компанией.

В получении преимущества может помочь системный анализ больших данных компании изнутри. Тому подтверждение находится и в исследованиях, которые показывают, что информация, полученные через инструменты, анализирующие большие данные, позволяют руководству принимать более обоснованные решения. Так, автор статьи «Use of Big Data in Strategic Management as a New Perspective» [2] приходит к выводу о том, что цифровая трансформация и использование возможностей аналитики больших данных имеют решающее значение для процветания организаций в текущем динамично развивающемся ландшафте.

Важно обозначить, что текущее развитие технологий ИИ (сокр. от искусственный интеллект) и машинного обучения может значительно ускорить процесс анализа данных. Искусственный интеллект способен выполнять массу задач и действий, требующих разумного мышления, что может быть полезно и в совершенствовании системы менеджмента компании. И хотя потенциальное встраивание обусловлено типом органи-

зации и степенью использования цифровых технологий [3]; в конечном итоге, внедрение ИИ может предоставить бизнесу новые возможности в управленческой деятельности.

Вышеописанные технологии в связке BD&AI (сокр. от англ. big data and artificial intelligence) [4], смогут дать ощутимый толчок в развитии управления компанией. Однако, в силу новизны разработок, использование их функционала под вопросом. Так утверждает автор статьи, посвященной проблеме использования ИИ в анализе больших данных [4]. Автор полагает, что прежде необходимо проработать правовую и этическую базу для внедрения ИИ и в дальнейшем придерживаться соблюдения установленных норм.

Тем не менее, опуская негативные аспекты, можно сделать промежуточный вывод о потенциальной пользе использования BD&AI. Применяя анализ больших данных используя ИИ в комбинации, в отрыве от личного субъективного восприятия, управленец получает более объективный результат работы каждого сотрудника. Это, в свою очередь, поможет объективно и беспристрастно оценить отдельно взятого сотрудника, прагматично подойти к профессиональной деятельности менеджера.

Таким образом, используя анализ «больших данных» в комбинации с искусственным интеллектом внутри компании, в отрыве от личных взаимоотношений управленец получает более объективную картину результата работы каждого сотрудника.

3. Геймификация.

Геймификация – относительно новая маркетинговая технология. Тренд на ее активное использование прослеживался в 2010-х годах и сохраняется до сих пор. Особенно часто данный прием применяется в образовательных онлайн-платформах.

Один из ярчайших примеров геймификации образовательных платформ в связке с маркетингом является приложение для изучения иностранных языков Duolingo. В данном сервисе люди не изучают язык «по учебнику», а играют в интерактивную и прогрессирующую игру. При этом соблюдены все правила языка, а сам геймплей основан на эффективных академических методиках. Алгоритмы подстраиваются под уровень знаний, а прогресс поощряется очками и полезными внутриигровыми бонусами. Однако, в бесплатной версии ограничены «жизни» (право на ошибки в ответах), недоступно повторение и проработка ошибок, закрыты некоторые разделы. Таким образом, приложение как бы подталкивает, мотивирует пользователя приобрести платную подписку, лишённую всех ограничений. Тем не менее, базовый функционал сохраняется. Каждый пользователь имеет базовое право на совершенствование своих языковых навыков.

Таким образом, через «несерьезный» геймплей появляется мотивация, только вместе с внутриигровой валютой получают и новые знания. Авторы статьи «Analyzing Gamification of «Duolingo» with Focus on Its Course Structure» [5] полагают, что игровые механики в сервисе Duolingo является разумным и эффективным решением в такой серьезной среде.

Потребность в использовании геймификации не только в маркетинге, но и системе управления компанией указывается и в следующем исследовании. Автор статьи «Геймификации как маркетинговый инструмент» указывает, «Игровые механики становятся всё популярнее в бизнесе как из-за удешевления информационных технологий, так и из-за необходимости внедрения новых мотивационных инструментов для поколения Y» [6].

Конечно, важно учитывать, что далеко не все внутренние процессы могут подвергнуться геймификации. Такими могут быть точные расчеты или другой некий строгий учет. Однако рутинные или, наоборот, творческие по своей сути задачи имеют почву для более свободного, креативного подхода к их решению.

Использование данного приема в отдельных рабочих процессах может стать полезным инструментом. Реализация возможна через создание игровых элементов в рабочей среде. Такими может выступить внедрение систем баллов и наград за выполнение определенных задач. Грамотно внедренная геймификация через игру и систему поощрений, в перспективе увеличит мотивацию сотрудников, что естественным образом способствует росту вовлеченности.

Кроме того, геймификация может использоваться для обучения и развития профессиональных навыков. С помощью специально созданных игровых сценариев и симуляций, сотрудники могут изучать новые подходы и методики в своей деятельности. Это снижает риск ошибок в реальной работе в будущем. Следовательно, подобный подход позволит компаниям быстрее обучать новых сотрудников.

В результате, геймификация становится не просто модным трендом, а потенциальным элементом внутреннего управления. Он облегчит рутинные процессы, способствует формированию здоровой и в меру расслабленной атмосферы в коллективе. Как итог, рациональное применение геймификации поможет достичь поставленных целей и добиться впечатляющих результатов в работе.

4. Человеческий фактор при внедрении маркетинговых технологий.

Говоря о важном факторе, влияющего на успех внедрения технологий маркетинга в систему управления компанией, следует отметить значимость лояльности персонала и наличия обратной связи. Данное обстоятельство окажет силь-

ное влияние на результативность проделанной работы и на общий успех реформ.

Также, интеграция маркетинговых технологий потребует инвестиции в обучение сотрудников и адаптацию бизнес-процессов. Компании, которые уделяют внимание обучению новым навыкам и внедрению инновационных решений, получают значительное преимущество в долгосрочной перспективе.

5. Косвенный фактор при внедрении маркетинговых технологий.

Важно понимать, что сам факт использования маркетинговых технологий (особенно в небольшой компании без маркетингового отдела) высвобождает ограниченный, и что куда важнее, невозполнимый ресурс – время. Автоматизация также поможет сократить время на выполнение рутинных задач, например, умная рассылка e-mail. Следовательно, менеджер концентрируется на выполнении более узких и специализированных, требующих его уникальных компетенций, задач. Таким образом, через повышение эффективности управления предприятием увеличивается его продуктивность за один и тот же отрезок времени.

Как итог, используя функционал, заимствованный из технологий маркетинга, эффективнее распределяется время, который можно отвести на решение текущих задач.

Результаты.

Основные результаты:

1. Заимствование элементов инструментария персонализации CRM-систем усовершенствует систему внутреннего менеджмента, обеспечив более точную и индивидуализированную работу с персоналом.
2. Машинный анализ больших данных в паре с обучаемым ИИ, применяемый к сотрудникам, потенциально даст основание для объективного

и непредвзятого оценивания менеджером результатов работы.

3. Применение геймификации к некоторым внутренним задачам сформирует дополнительную мотивацию, а также сделает подход к работе более привлекательным и нетривиальным для сотрудников с психологической точки зрения.

4. Важно учитывать человеческий фактор и иметь постоянную обратную связь с сотрудниками, как при внедрении маркетинговых технологий и обучении, так и в последующей работе.

5. Использование технологий маркетинга в малых и средних предприятиях в силу небольшого штата сотрудников уже предполагает оптимизацию и совершенствованию внутренней управленческой деятельности, т.к. многие рутинные процессы поддаются автоматизации.

Заключение.

Подводя итог, автор полагает, что идея интеграции отдельных маркетинговых технологий в систему управления компанией имеет дальнейшую перспективу. На основании представленных исследований наблюдается положительный эффект от использования функционала отдельных инструментов маркетинга. Данные технологии имеют потенциал органично встроиться в систему внутреннего управления компанией.

Таким образом, при должной разработке идеи внедрения маркетинговых технологий для оптимизации системы управления компанией, бизнес (в особенности малый и средний) получит эффективный и расширенный инструментарий на базе технологий маркетинга. Интеграция поможет быстрее и эффективнее достигать поставленных целей внутри организации. Как итог, использование технологий маркетинга в системе управления компанией в конечном счете даст дополнительное конкурентное преимущество и основу устойчивому развитию бизнеса в условиях динамично развивающегося рынка.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Raheem S.M. Impact of CRM Systems on employee efficiency and performance / S.M Raheem // School of Organisations, Systems and People. 2023.
2. Filiz Mizrak. Use of Big Data in Strategic Management as a New Perspective / Filiz Mizrak // New Perspectives and Possibilities in Strategic Management in the 21st Century: Between Tradition and Modernity. IGI Global. 2023. P. 409–425.
3. Устинова О.Е. Искусственный интеллект в менеджменте компаний / О.Е. Устинова // Креативная экономика. 2020. Т. 14. – № 5. С. 885–904.

4. Асеева И.А. Искусственный интеллект и большие данные: этические проблемы практического использования. (Аналитический обзор) / И.А. Асеева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература Сер. 8: Науковедение. 2022. № 2. С. 89–98.
5. Analyzing Gamification of «Duolingo» with Focus on Its Course Structure / Huynh Duy, Zuo Long, Iida, Hiroyuki // Games and Learning Alliance. Springer Nature. 2016. Vol. 10056. P. 268–277.
6. Когель А.С. Геймификация как маркетинговый инструмент: психологический аспект / А.С. Когель, А.Н. Фенюк // Скиф. 2019. № 9(37). С. 56–60.
7. Тонгоёсов С.А. Социально-этичный маркетинг как гармонизация интересов общества и его граждан / С.А. Тонгоёсов // Наука и образование сегодня. 2018.
8. Маслова Т. Маркетинг / Т. Маслова, С. Божук, Л. Ковалик // Питер. 2003. 400 с.

References:

1. Raheem S.M. Impact of CRM Systems on employee efficiency and performance / S.M Raheem // School of Organisations, Systems and People. 2023.
2. Filiz Mızrak. Use of Big Data in Strategic Management as a New Perspective / Filiz Mızrak // New Perspectives and Possibilities in Strategic Management in the 21st Century: Between Tradition and Modernity. IGI Global. 2023. P. 409–425.
3. Ustinova O.E. Artificial Intelligence in Company Management / O.E. Ustinova // Creative Economy. 2020. Vol. 14. № 5. P. 885–904.
4. Aseeva I.A. Artificial Intelligence and Big Data: Ethical Problems of Practical Use. (Analytical Review) / I.A. Aseeva // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature Series 8: Science Studies. 2022. № 2. P. 89–98.
5. Analyzing Gamification of «Duolingo» with Focus on Its Course Structure / Huynh Duy, Zuo Long, Iida, Hiroyuki // Games and Learning Alliance. Springer Nature. 2016. Vol. 10056. P. 268–277.
6. Kogel A.S. Gamification as a Marketing Tool: Psychological Aspect / A.S. Kogel, A.N. Fenyuk // Skif. 2019. № 9(37). P. 56–60.
7. Tongoyosov S.A. Socially Ethical Marketing as Harmonization of the Interests of Society and Its Citizens / S.A. Tongoyosov // Science and Education Today. 2018.
8. Maslova T. Marketing / T. Maslova, S. Bozhuk, L. Kovalik // Piter. 2003. 400 p.

Информация об авторах

Пахомов Егор Михайлович

аспирант кафедры управления, сервис аи туризма,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
paxomov.egor@bk.ru

Pakhomov Egor Mikhailovich

Postgraduate Student of the Department
of Management, Service and Tourism,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
paxomov.egor@bk.ru

Лапшин Вячеслав Юрьевич

доктор экономических наук,
профессор,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
paxomov @bk.ru

Lapshin Vyacheslav Yuryevich

Doctor of Economics,
Professor,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
paxomov @bk.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-11>

УДК 316.334.2

Attribution

cc by

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Снимщикова И.В.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. Потребление сельского населения и качество жизни зависят от уровня доходов, доступности товаров и услуг, сельской инфраструктуры, дифференциации доходов, улучшение которых является главным стимулом инновационного развития в сфере сельскохозяйственного производства. Анализ тренда и динамики базовых показателей социально-экономического развития, демонстрирует тот факт, что несмотря на тенденцию их роста, они не соответствуют потребительским стандартам и качеству жизни в условиях нового технологического уклада, необходимости развития человеческого капитала на основе инноватизации и цифровизации производственных и социальных процессов. Формирование адекватного современному этапу социальной эволюции институционального устройства и инфраструктуры, увеличение размера оплаты сельскохозяйственного труда, доступность инновационных и цифровых технологий способствует росту потребления населения, устойчивому состоянию, динамичному развитию сельских территорий.

Ключевые слова: доходы, доступность товаров и услуг, инфраструктура, качество жизни, потребление, прожиточный минимум, сельское население, уровень жизни.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOME ASPECTS OF CONSUMPTION AND QUALITY OF LIFE OF THE RURAL POPULATION OF RUSSIA

Irina V. Snimshchikova

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. Consumption of the rural population and quality of life depend on the level of income, availability of goods and services, rural infrastructure, income differentiation, the improvement of which is the main incentive for innovative development in the field of agricultural production. Analysis of the trend and dynamics of basic indicators of socio-economic development demonstrates the fact that despite their growth trend, they do not correspond to consumer standards and quality of life in the conditions of a new technological order, the need to develop human capital based on innovation and digitalization of production and social processes. The formation of an institutional structure and infrastructure adequate to the current stage of social evolution, an increase in the amount of wages for agricultural labor, and the availability of innovative and digital technologies contribute to the growth of population consumption, a stable state, and the dynamic development of rural areas.

Keywords: income, availability of goods and services, infrastructure, quality of life, consumption, cost of living, rural population, standard of living

Funding: Independent work.

Введение.

Важным фактором экономического роста страны является уровень потребления, и качество жизни сельского населения.

В настоящий период времени, данные проблемы актуализируются российским Правительством, что предопределено необходимостью преодоления разрыва ключевых социально-экономичес-

ких показателей между городом и селом, потребностью обеспечения комфортного и безопасного проживания в сельских территориях.

Ограниченный доступ к широкому многообразию современных благ и услуг, институциональным структурам и инфраструктурным объектам, низкий уровень доходов, приводят к реализации потребительской модели, характеризующейся несбалансированностью, недоступностью каче-

© Снимщикова И.В.

ственной медицинской помощи, учреждений образования, а как следствие, депопуляции, росту заболеваний в целом, социальной неудовлетворенностью проживания в сельских территориях.

Формирование адекватного современному этапу социальной эволюции институционального устройства и инфраструктуры, увеличение уровня доходов, доступность инновационных и цифровых технологий способствуют росту потребления населения, устойчивому состоянию, придаст динамизм функционированию сельских территорий.

Обсуждение.

Тренд роста показателей уровня потребления и качества жизни населения наметился с 2022 г. Об этом свидетельствует рейтинг российских регионов по качеству жизни. Однако целый ряд данных показателей демонстрируют их низкую позитивную динамику. Это подтверждают такие ключевые параметры, как: заработная плата, уровень доходов, количество объектов инфраструктуры, государственных организаций, качество социальных услуг, доступных гражданам, проживающим в сельских территориях. Например, наблюдается ежегодно уменьшающееся число госучреждений на селе, осуществляющих

деятельность в рамках программ дошкольного образования. Только в период с 2021 по 2023 гг. их количество сократилось с 9846 до 9310 единиц [2].

Наметившаяся тенденция роста потребления и качества жизни населения с 2022 г. в России, тем не менее, варьируется в региональном разрезе. Об этом свидетельствует Рейтинг регионов ЮФО по качеству жизни. (рис. 1)

Аналитическая оценка целого ряда социально-экономических показателей демонстрирует их низкую позитивную динамику, что подтверждается их фактической величиной, скорректированной с учетом инфляционной составляющей.

Это подтверждают такие данные, как: количество объектов инфраструктуры, государственных организаций, качество социальных услуг, предоставляемых гражданам. Например, наблюдается ежегодно уменьшающееся число госучреждений на селе, осуществляющих деятельность в рамках программ дошкольного образования. В период с 2021 по 2023 гг. их количество сократилось с 9846 до 9310 единиц [2].

В настоящий период диспаритет в потреблении между жителями сельских территорий и городским населением детерминирован рядом

Регионы Южного федерального округа в Рейтинге регионов по качеству жизни

Субъект РФ	Позиция в Рейтинге – 2023	Позиция в Рейтинге – 2022
Краснодарский край	4	5
Ростовская область	9	15
Республика Адыгея	22	22
Севастополь	26	26
Волгоградская область	41	42
Республика Крым	45	45
Астраханская область	58	66
Республика Калмыкия	76	78

Рейтинговый балл регионов ЮФО в Рейтинге регионов по качеству жизни

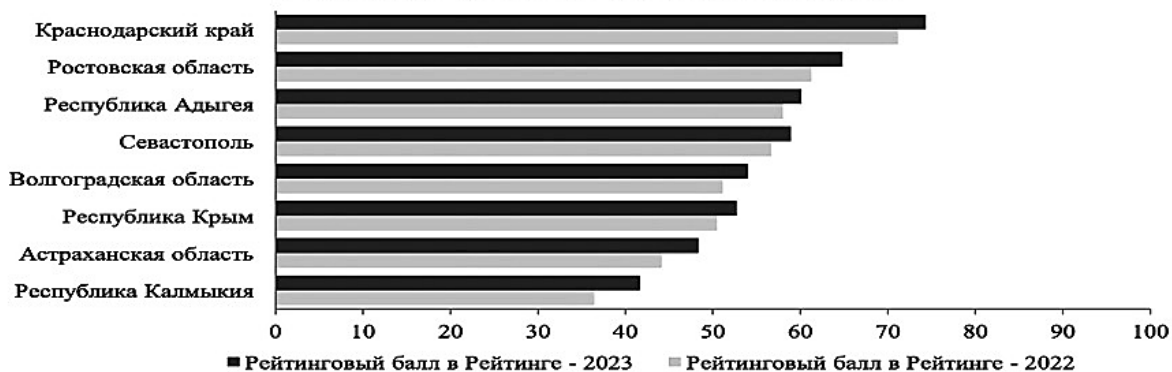

Рисунок 1 – Регионы ЮФО в Рейтинге регионов по качеству жизни

Статистические данные 2021–2024 гг. показывают неизменность доли числа населения сельских

территорий в общем объеме – 25 %, однако, сегодня первостепенной государственной задачей

должно стать развитие данных территорий, наращивание потребления, и в конечном счете, повышение качества жизни.

Для этого есть все базовые предпосылки, поскольку ВВП на душу населения демонстрирует рост: в 2021 г. он составил 922.264,0 руб., (при-

рост +26,54 к 2020 г.); в 2022 г. – 1057766,5 руб. (прирост +14,69 к 2021 г.); в 2023 г. – 1178687,4 руб. (прирост +11,43 к 2022 г.). Однако, по нашему мнению, по-прежнему, критически низкой остается величина прожиточного минимума и размеров МРОТ (рис. 2).

Величина прожиточного минимума

Период, на который установлена величина прожиточного минимума (ВПМ)	Все население	В том числе по социально-демографическим группам:			Нормативный правовой акт, устанавливающий ВПМ	Ссылка на ИПА, устанавливающий ВПМ в целом по Российской Федерации
		трудоспособное население	пенсионеры	дети		
с 1 января 2021 г.	11 653	12 702	10 022	11 303	Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2406	http://publication.pravo.gov.ru/DocumentView/0001202101090026
с 1 января 2022 г.	12 654	13 793	10 882	12 274	Федеральный закон от 06.12.2021 № 390-ФЗ	http://publication.pravo.gov.ru/DocumentView/0001202112070016?index=36
с 1 июня 2022 г. ¹⁾	13 919	15 172	11 970	13 501	Постановление Правительства Российской Федерации от 28.05.2022 № 973	http://publication.pravo.gov.ru/DocumentView/0001202205300031?index=1
с 1 января 2023 г. ²⁾	14 375	15 669	12 363	13 944	Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ	http://publication.pravo.gov.ru/DocumentView/0001202212050007?index=36
с 1 января 2024 г.	15 453	16 844	13 290	14 989	Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ	http://publication.pravo.gov.ru/DocumentView/0012023112700707?yclid=hpjfr4u5f502609363&index=40
с 1 января 2025 г.	17 733	19 329	15 250	17 201	Постановление Правительства Российской Федерации от 12.06.2024 № 789	http://publication.pravo.gov.ru/DocumentView/001202406170018

Рисунок 2 – Динамика величины прожиточного минимума

Величина прожиточного минимума, утвержденного для всего населения в размере 17733 руб. с 01 января 2025 г. – это даже не граница бедности, а уровень узаконенного института нищеты. Граница бедности у нас находится в районе 30–35 тысяч. руб.

Анализ динамики минимального размера оплаты труда, демонстрирует тот факт, что, несмотря на тенденцию ее роста, она не адекватна современному стандарту потребления в условиях нового технологического уклада, необходимости развития человеческого капитала на основе инноватизации и цифровизации производственных и социальных процессов.

В 2021 г. размер МРОТ составил в РФ – 12792 руб., в 2022 г. – 13890 руб., (+8,58 %); в 2023 г. – 16242 руб., (+16,43 %); в 2024 г. – 19242 руб. (+18,47 %). Очевидно, что эту величину, при любых обстоятельствах, необходимо довести хотя бы до отметки в 40 тысяч рублей, поскольку установленный МРОТ – это нижний предел, который сопоставим с медианной зарплатой и обеспечивает человеку в России относительно сносное существование. Люди должны иметь деньги не только на физиологическое выживание, но и на удовлетворение социальных, культурных потребностей: на оплату образования, качественного здравоохранения, походы в театр и кино, приобретение книг, поездки на экскурсии и пр.

Запущенный маховик инфляции, обусловленный значительным ростом цен как на товары потребительского назначения, так и на услуги, снижением покупательной способности рубля, ведет к падению реальных доходов, изменению потребительской модели, и, как следствие, к падению качества жизни населения.

В настоящий период времени цены меняются по нескольким причинам.

Прежде всего, это:

- сезонные колебания спроса и предложения;
- импортная составляющая в структуре затрат;
- производственные расходы (зарплаты персоналу, топливо и т.д.);
- сезонные колебания;
- валютные колебания;
- изменение логистических цепочек и пр.

В период с 2021 по 2023 гг. доля убыточных и низкорентабельных сельскохозяйственных организаций не уменьшилась и составляет 52 % от общего числа.

Волатильность на агропродовольственном рынке, начиная с 2019 по 2023 гг., демонстрирует прирост цен на сельскохозяйственную продук-

цию на 32 %, на промышленную продукцию – на 45 %, в пищевой промышленности – на 46 %, а на потребительском рынке – на 56 %.

Раскручивание ценовой инфляционной спирали и последующая индексация доходов, не соответствующая росту цен, способствует формированию таких деструктивных явлений, как стремительное развитие уровня бедности сельского населения, которое носит устойчивый характер и сопровождается возникновением и постоянным увеличением андеркласса западного образца. Данная ситуация ведёт к формированию групп населения, у которых отсутствует мотивация к труду, к социо-культурному развитию.

Хотя наблюдается в целом тенденция роста среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства (в 2021 г. – 39437 руб., в 2024 г. – 51935 руб.), она остается по-прежнему ниже, чем во всех других отраслях производства товаров и услуг [2]. Такая поляризация доходов людей, занятых сельскохозяйственным трудом, мотивирует их к смене профессии или места жительства.

В сельских территориях проживает высокая доля людей пенсионного возраста и дети. Данные группы населения наименее защищены от роста цен на лекарства, товары первой необходимости. В связи с развитием инфляции и уходом ряда фармацевтических компаний, рост цен в 2022 году на лекарственные препараты составил 10,78 % [4]. Это обуславливает углубление дифференциации социально-экономического положения данных групп.

Начиная с 2019–2021 гг., наблюдался положительный миграционный прирост, а остальные годы сопровождались значительным оттоком населения из сельской местности. Основные причины такой отрицательной динамики составляют сезонность труда, отсутствие рабочих мест. За последние 5 лет уровень безработицы среди сельского населения находился в интервале 6,9–8,0 %, но это без учета скрытой безработицы [3].

Сильное отрицательное влияние на уровень жизни сельского населения оказывает слаборазвитая социальная инфраструктура, что ведёт к отсутствию у подрастающего поколения возможностей заниматься спортом, творчеством, искусством в различных кружках и юношеских обществах. Также, ограничен доступ к качественному здравоохранению и образованию, которое в перспективе дало бы возможность получить достойную работу.

Результаты.

Деформации в потребительской модели и качестве жизни граждан сельских территорий обусловлены следующими ключевыми причинами:

1. Дифференциацией уровня доходов и заработной платы. В сельских районах преобладают

низкооплачиваемые сельскохозяйственные работы, тогда как в городах представлены более разнообразные виды занятости с высокими заработками.

2. Доступностью товаров, бытовых, информационных и интернет-услуг. Инфраструктура и услуги в сельских районах часто оказываются менее развитыми, что приводит к неравному доступу к образованию, бытовому обслуживанию и другим услугам, оказывающим влияние на уровень доходов и качество жизни.

3. Состоянием здоровья граждан и ожидаемой продолжительностью жизни. Отсутствие сельских медицинских учреждений, системы ранней диагностики болезней, периодических профессиональных осмотров медицинскими специалистами жителей села приводит к депопуляции и вымиранию.

4. Структурными различиями в объёме, качестве предоставляемых государством социальных благ и медицинских услуг.

5. Уровнем развития рынка труда и наличием скрытой безработицы. Внутренние миграционные потоки жителей села в города с целью более высокодоходного трудоустройства, поиска лучших условий жизнеобеспечения создают напряжённую конъюнктуру на городском рынке труда, ведут к углублению разрыва в доходах и качестве жизни между городским и сельским населением.

На наш взгляд, для улучшения уровня и качества жизни сельского населения необходимо увеличение государственной поддержки, в том числе адресной помощи малоимущим гражданам. Следует наращивать количество программ развития сельских территорий, способствующих приглашению молодых специалистов в сфере образования, культуры, здравоохранения, что приведёт к значительному улучшению качества предоставляемых социальных услуг гражданам. Необходимо увеличить среднемесячную заработную плату работникам сельского хозяйства, что улучшит привлекательность данной отрасли и будет способствовать сокращению оттока населения из сельской местности.

Заключение.

Таким образом, с целью достижения нового уровня потребления и качества жизни людей, проживающих в сельских территориях, важно обеспечить приоритет роста реальных располагаемых доходов, нивелирование их значительной дифференциации, что в социально-экономическом аспекте обеспечит балансировку покупательских предпочтений, расширение потребительских возможностей посредством доступности товаров и услуг, что является стимулом экономического роста, нового качества жизни и благосостояния населения.

В этой связи, рост данных показателей является ключевым условием, стимулирующим сельскохозяйственное производство, обеспечивающим устойчивость и процветание сельских территорий. Как следствие – это может в целом по-

зитивно воздействовать на баланс социально-экономического развития города и села, российскую институциональную и социально-экономическую систему.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Снимщикова И.В. Некоторые аспекты влияния дефицита государственного бюджета на социально-экономическое развитие России / И.В. Снимщикова, К.Е. Шамрай // Вестник СКФУ. 2024. № 1(100). С. 124–131.
2. Снимщикова И.В. Анализ социально-экономического положения сельского населения России / И.В. Снимщикова, К.Е. Шамрай // Труды КГАУ. 2024. № 110. С. 53–58.
3. Снимщикова И.В. Некоторые особенности потребления сельского населения в России / И.В. Снимщикова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 244–248.

References:

1. Snimshchikova I.V. Some aspects of the impact of the state budget deficit on the socio-economic development of Russia / I.V. Snimshchikova, K.E. Shamray // Bulletin of NCFU. 2024. № 1(100). P. 124–131.
2. Snimshchikova I.V. Analysis of the socio-economic situation of the rural population of Russia / I.V. Snimshchikova, Shamray K.E. Works of KGAU, 2024. № 110. P. 53–58.
3. Snimshchikova I.V. Some features of rural population consumption in Russia / I.V. Snimshchikova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 4. P. 244–248.

Информация об авторе

Снимщикова Ирина Викторовна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор экономического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
snimshchikovaiv@gmail.com

Irina V. Snimshchikova

Doctor of Economics,
Professor,
Professor, Faculty of Economic,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
snimshchikovaiv@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.01.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-13>

УДК 378.12:331

Attribution

cc by

ДОЛЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ДО 39 ЛЕТ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВУЗА: ОЦЕНКА И УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Хлыстов Е.А.¹, Каурова О.А.², Тураева И.Л.³, Митюхин Д.С.⁴

^{1, 2, 4}*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,*

³*Бурятский республиканский информационно-экономический техникум*

Аннотация. В статье на основе анализа доли работников в возрасте до 39 лет в составе научно-педагогических работников как показателя эффективности деятельности российских вузов выявлены проблемы его оценивания в контексте развития кадрового потенциала в вузах Республики Бурятия. Сформулированы предложения по разработке программ развития кадрового потенциала вузов региона, с учетом омоложения возрастной структуры и сохранения преемственности. Введение показателя (доля работников в возрасте до 39 лет в общей численности научно-педагогических работников) может привести в долгосрочной перспективе к сокращению численности ППС других возрастных групп. На основе анализа динамики численности ППС вузов Республики Бурятия фиксируется устойчивый процесс сокращения численности ППС и доли преподавателей моложе 40 лет. Это предполагает введение для молодых преподавателей ставок, расчетная доля которых должна составлять не менее 35 % от общего числа ставок ППС вуза. Необходимо также совершенствование системы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации на основе разработки конкретных критериев. Программы развития кадрового потенциала вузов Республики Бурятия должны учитывать отраслевую специфику и особенности социально-экономического развития данного субъекта федерации, отдаленного от рынков труда.

Ключевые слова: эффективность деятельности вуза, кадровый потенциал, управление, научно-педагогические работники.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PROPORTION OF RESEARCH AND TEACHING STAFF UNDER 39 YEARS OF AGE AS AN INDICATOR OF UNIVERSITY EFFECTIVENESS: HUMAN RESOURCE ASSESSMENT AND MANAGEMENT

Evgeny A. Khlystov¹, Olga A. Kaurova², Irina L. Turayeva³, Dmitry S. Mityukhin⁴

^{1, 2, 4}*East Siberian State University of Technology and Management,*

³*Buryat Republican Information and Economics College*

Abstract. Based on the analysis of the share of employees under the age of 39 in the scientific and pedagogical staff as an indicator of the effectiveness of Russian universities, the article identifies problems of its assessment in the context of the development of human resources in universities of the Republic of Buryatia. Proposals have been formulated for the development of programs for the development of the human resources potential of universities in the region, taking into account the rejuvenation of the age structure and the preservation of continuity. The introduction of the indicator (the proportion of employees under the age of 39 in the total number of scientific and pedagogical staff) may lead in the long term to a reduction in the number of teaching staff of other age groups. Based on the analysis of the dynamics of the number of teaching staff in universities of the Republic of Buryatia, a steady process of reducing the number of teaching staff and the proportion of teachers under 40 is recorded. This implies the introduction of rates for young teachers, the estimated share of which should be at least 35 % of the total number of university teaching staff rates. It is also necessary to improve the system of training highly qualified scientific and pedagogical personnel based on the development of specific criteria. Programs for the development of the human resources potential of universities in the Republic of Buryatia should take into account the industry specifics and features of the socio-economic development of this subject of the federation, remote from labor markets.

Keywords: university performance, human resources, management, research and teaching staff.

Funding: Independent work.

Введение. В последние годы происходит трансформация системы высшего образования, создается конкурентный рынок образовательных организаций высшего образования. В связи с этим, встала актуальная задача оценки эффективности и результативности вузов, по итогам которой принимаются государственные управленческие решения к недостаточно эффективным учебным заведениям, включая их объединение и реорганизацию.

Проблемы эффективности вузов в России нашли широкий отклик в современной научной литературе, в которой данная тематика рассматривается, обычно, в социологическом ключе, предлагаются различные модели оценки и управления эффективностью и результативностью российских вузов. Существенно меньше уделяется внимания такому показателю, как доля работников до 39 лет в составе научно-педагогических работников, особенно мало научных работ, написанных на примере региональных учреждений.

В феврале 2022 г. Министерство науки и высшего образования России утвердило показатель эффективности деятельности для вузов нашей страны, который звучит следующим образом – доля работников в возрасте до 39 лет в общем составе научно-педагогических работников. Ныне действующим нормативным актом является приказ Минобрнауки России от 08 июля 2024 г. № 441, в котором был подтвержден исследуемый нами показатель эффективности. Диапазон эффективности установлен в данном приказе от 35 до 45 %, можно и более (минимально 2, максимум 10 баллов).

Указанный показатель эффективности и результативности деятельности относится к дополнительным показателям эффективности деятельности вуза, и основным при вхождении в программу «Приоритет-2030» и касается кадрового потенциала образовательной организации высшего образования.

Разработка системы показателей, характеризующих кадровый потенциал вуза, является важным методологическим аспектом его общей, интегральной оценки, с одной стороны, и важнейшим условием для последующего научно-теоретического исследования, разработки программ развития, с другой [8, с. 37].

Теория управления (менеджмент организаций) оперирует множеством научно-теоретических и методологических подходов к оценке эффективности деятельности, но в условиях глобализации и усиления конкурентности вузов, наиболее приемлемым стало рейтинговое ранжирование рос-

сийских вузов, введенное в системе высшего образования России в 2012 г.

Цель данной статьи заключается в выявлении проблем оценки доли научно-педагогических работников вузов до 39 лет на примере образовательных организаций высшего образования Республики Бурятия и выработке предложений в управлении кадровым потенциалом вузов России.

Обсуждение.

Сложность оценивания доли работников молодого возраста в составе научно-педагогических работников (до 39 лет), связана с двумя основными обстоятельствами:

1) имеется определенная условность и противоречивость такой оценки в силу фактического отсутствия единообразия и четкости в оценке исследуемого нами показателя;

2) несмотря на все имеющиеся регламенты и образовательные, профессиональные стандарты, каждый вуз обладает различными характеристиками человеческого капитала, включая управленческие компетенции менеджмента вуза [11, с. 14–15].

Именно по этим причинам в исследовательской литературе было много критики в сторону установленных вначале показателей эффективности.

Сущностные характеристики, и особенности оценки эффективности ресурсного обмена между заинтересованными сторонами и образовательным учреждением высшего образования достаточно подробно и основательно представлены в ряде работ К.С. Солодухина и М.С. Рахмановой [6, с. 16].

Зарубежный и отечественный исследовательский опыт показывает, что широко применяется такая методика, как анализ среды функционирования (DEA) (по-русски – АСФ) на основе различных количественных показателей [2, с. 22]. При использовании этой методики авторами оцениваются, в основном, внешние показатели и затраченные на них ресурсы. Именно с точки зрения затраченных человеческих ресурсов, качества управленческих решений и оценивается эффективность вуза. Важным является вывод зарубежных авторов, что именно фиксированная численность преподавателей различных возрастных групп обеспечивает необходимое количество выпуска специалистов с высшим образованием в том или ином вузе, регионе, стране [23, с. 11].

В современной научной литературе отмечается, что результаты ранжирования вузов по количе-

ственным показателям во многом не учитывают специфику вузов, особенно вузов культуры и искусств, технологических университетов [19, с. 78].

Так, М.М. Соколов, анализируя рейтинги 2014–2016 годов, показал, что успешность вузов во многом зависит от кадровой политики, закупок и эффективного ведения документооборота [17, с. 45].

Ю.С. Эзрох анализирует кадровые проблемы ведущих российских университетов, академий и институтов, а также их филиалов на местах, отмечает, что при уменьшении количества вузов и общего количества преподавателей, доля научно-педагогических работников молодого возраста становится на этом фоне еще более низкой [20].

В 2020 году, по оценкам исследователей, наиболее многочисленную возрастную группу среди научно-педагогических работников вузов нашей страны составляют лица двух групп: старше пенсионного (после 65 лет) и лица в возрасте от 50 до 65 лет, в своей совокупности, составляющие 49,5 % [15, с. 2]. Доля молодых преподавателей в 2020 году до 39 лет составляет 20 %.

Всего через два года, в 2022 году доля старшего поколения от 50 лет составила уже 56,8 %, а молодые преподаватели вузов до 39 лет составили примерно 19,4 % [4, с. 155], что свидетельствует о тенденции старения профессорско-преподавательских кадров вузов России.

С учетом регионального опыта, некоторые авторы обращают внимание на усиление качественных критериев оценки эффективности и результативности деятельности организаций высшего образования [7, с. 9]. В данном случае, речь идет о том, что показатели эффективности должны уделять внимание, прежде всего, не количественным критериям, а качеству научно-педагогического потенциала российских университетов, которые отдалены от центра и лишены тех социально-экономических условий, которые необходимы для интенсивного, устойчивого развития в среднесрочной перспективе.

В недавно вышедшей научной статье И.О. Антипиной и А.Д. Антипиной предложен целый комплекс эффективных управленческих мер по увеличению доли молодых ППС до 39 лет в коллективах в условиях дефицита на региональных рынках труда (в данной работе анализируется 18 ведущих вузов Уральского и Сибирского федеральных округов) [1].

П.А. Новгородов предлагает кардинальный переход к другим подходам к оценке организаций высшего образования, вообще отказаться от рейтингов и мониторингов, и оценивать интеллектуальный капитал вузов [12].

В этих условиях необходимо менять предложенные подходы к оценке эффективности деятель-

ности вузов, обладающих различными социально-экономическими и содержательными характеристиками [13].

Результаты.

Эффективность деятельности, будучи внешним фактором, напрямую влияет на внутреннее состояние жизнедеятельности образовательной организации, выполнение ее основных – то есть, научно-образовательных функций. В связи с этим, речь идет об определенной целевой эффективности ресурсов, основанных на знаниях.

Оценка эффективности деятельности вуза должна исходить из триединой цели:

- 1) контроль и оперативное управление за деятельностью вуза со стороны Минобрнауки России;
- 2) стратегическое управление вузом, которое осуществляется его руководством;
- 3) заинтересованность со стороны участников процесса – государства, общества, организаций, региона.

При применении отраслевого и, особенно, комплексного методологического подхода анализ эффективности деятельности производится посредством сравнения между собой результатов проведенной оценки и выявления эффективно и неэффективно работающих вузов. Правда, нужно отметить, что показатели постепенно совершенствуются, уточняются.

При этом методология рейтинговой оценки эффективности и результативности деятельности вузов является реализацией отраслевого подхода, которые наиболее прост и прозрачен при применении различных расчетных показателей современной системы высшего образования России.

В рамках критериального подхода, каждый показатель является определенным критерием, а совокупность всех критериев позволяет оценить высшее учебное заведение в целом. Выбор того или иного критерия зависит от целеполагания, т.е. постановки целей всех стейкхолдеров, заинтересованных в развитии вузовской системы обучения. Причем, конкретные показатели эффективности напрямую связаны с определенными критериями результативности, и здесь, говоря об образовательной организации в целом, можно выделить такой критерий, как возрастная результативность, т.е. возрастной состав коллектива ППС и научных работников. Данный критерий результативности определяется средним возрастом преподавателей, а замеры показателя в динамике демонстрируют потенциал вуза, интенсивного развития на перспективу [3, с. 117].

При оценке собственно кадрового состава вуза необходимо использовать, по нашему мнению, системно-ресурсную модель, хорошо известную

и зарекомендовавшую себя в практике и теории управления [5].

Системно-ресурсная модель оценивания позволяет более глубоко оценить, как всю совокупность показателей эффективности в системе оценки качества кадрового потенциала, а с другой стороны, оценить эффективность каждого конкретного показателя, показать его вес в системе результативности и эффективности деятельности вуза [9].

В исследуемом нами поле деятельности доля работников до 39 лет в составе научно-педагогических работников вуза рассматривается как определенный человеческий ресурс, затраты на который и должны показать определенный уровень эффективности организации. Причем, сугубо количественный показатель связан и с качественными критериями; прежде всего, речь идет о процентном количестве кандидатов и докторов наук.

Наряду с другими показателями эффективности, доля работников до 39 лет в составе научно-педагогических работников должна быть встроена в механизм стратегического управления результативностью образовательной организации высшего образования, и соответственно, становится индикатором управления вузом как социально-экономической системой.

На наш субъективный взгляд, при определении критериев эффективности в рамках исследования кадрового состава российских вузов необходимо исходить из принципа «качественности». При этом обязательно необходимо учитывать, какую долю занимают преподаватели, работающие по основному месту работы, речь идет о доле штатных работников в составе ППС в общей численности научно-педагогических работников [17].

При оценке эффективности в целом и оценки достижения определенной доли лиц молодого возраста в составе научно-педагогических работников вузов, нужно учитывать обязательно специфику вузов (например, технологические и классические, национальные исследовательские

университеты), их расположение в пространстве страны, включая социально-экономические характеристики региона, организационно-правовые формы образовательных организаций и пр. Кроме того, сегментирование вузов по уровню эффективности должно учитывать как можно больше градаций, иначе разделение на эффективные и неэффективные вузы не отражает особенностей конкурентной среды высшего образования в России, особенно в регионах.

В данном ключе, само введение такого показателя, как доля работников до 39 лет в составе научно-педагогических работников вузов под эгидой Минобрнауки России, в какой-то мере вызывает возражение. Может быть, имеет смысл определять средний возраст, который позволяет более наглядно представить возрастную структуру кадровых ресурсов вуза.

Дело в том, что применение исследуемого нами показателя на практике заставляет многие региональные вузы фактически искусственно избавляться от кадров-профессионалов, имеющих возраст после 60 лет, чтобы выполнить требования к мониторингу эффективности [20, с. 94].

Особенно страдают высшие учебные заведения Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО). По итогам 2021 г. из выбранных 38 вузов, по данным информационно-аналитических материалов по результатам проведения мониторинга деятельности вузов округа, доля профессорско-преподавательского состава в возрастной категории до 40 лет в среднем по группе составляет порядка 30 % [10, с. 217]. Причем, в данном случае взяты только ведущие, крупные вузы регионов Дальнего Востока России.

Общая картина по данному показателю в отдельных регионах намного хуже, т.к. вузы даже в рамках одного макрорегиона и даже субъекта федерации существуют в различных условиях.

Сошлемся на данные мониторинга 2022–2024 годов по вузам одного из субъектов ДФО – Республики Бурятия (табл. 1); причем, нужно иметь в виду, что результаты мониторинга представлены за предыдущий год:

Таблица 1

Доля работников в возрасте моложе 40 лет
в составе научно-педагогических работников вузов Республики Бурятия, в %

№	Наименование вуза	2022	2023	2024
1	Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова (БГСХА)	23,73	24,40	27,49
2	Бурятский государственный университет им. Д. Баназарова (БГУ)	23,73	22,95	24,33
3	Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ВСГИК)	18,18	14,63	14,41
4	Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСГУТУ)	17,96	15,8	15,66

Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга образовательных организаций высшего образования. URL : <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>

В результате получается, что ни один вуз ДФО не выполняет даже минимальных требований к

доле работников в составе научно-педагогических работников образовательной

организации высшего образования, которая установлена в 35 % (только при достижении этого показателя дается первичные 2 балла за эффективность, если меньше – то 0 баллов).

Более того, по данным таблицы 1 видно, что два вуза имеют определенный рост в количестве молодых преподавателей (БГСХА, БГУ), и два вуза (ВСГИК, ВСГУТУ) показывают поступательное уменьшение процентного соотношения доли работников вузов Республики Бурятия моложе 40 лет. В данном субъекте Федерации есть еще два филиала и один негосударственный вуз.

Не умаляя их значения в образовательном пространстве региона, значение исследуемого показателя эффективности здесь не отражает реальной картины, поскольку кадровый состав двух филиалов вузов в г. Улан-Удэ и частного обра-

зовательного учреждения высшего образования (Байкальский экономико-правовой институт) во многом включает в себя кадровый потенциал основных государственных вузов Республики Бурятия.

Не менее важным и показательным для оценки кадрового потенциала является процентное соотношение научно-педагогических работников, возраст которых не достиг еще 65 лет. Данный показатель учтен в рейтинге эффективности вузов и является дополнительным. Оба показателя являются, таким образом, количественными показателями возрастной результативности деятельности образовательных организаций высшего образования. Аналогично приведем количественные данные по Республике Бурятия (табл. 2).

Таблица 2

Доля работников в возрасте моложе 65 лет
в составе научно-педагогических работников вузов Республики Бурятия, в %

№	Наименование вуза	2022	2023	2024
1	Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова (БГСХА)	91,53	86,31	87,72
2	Бурятский государственный университет им. Д. Баназарова (БГУ)	89,66	88,84	87,95
3	Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ВСГИК)	75,00	78,86	79,66
4	Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСГУТУ)	85,25	85,75	84,94

Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга образовательных организаций высшего образования. URL : <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что все четыре основных вуза региона демонстрируют процесс старения профессорско-преподавательского состава; доля лиц 65 лет и старше составляет в среднем 14,93 %. Наибольший процент старения демонстрирует ВСГИК – по итогам мониторинга эффективности института доля лиц, которые уже вышли за рубеж 65 лет в возрастном отношении, превысило 20 %, в 2022 году – 25 %.

Выстраивая подходы к управлению эффективностью деятельности вуза, сначала определимся с целеполаганием. Основным стейкхолдером в исследуемом поле является руководство определенного вуза, которое разрабатывает стратегию и программу развития вуза.

В настоящее время в Республике Бурятия БГСХА является уже участником программы «Приоритет-2030» в рамках ДФО, БГУ и ВСГУТУ являются кандидатами, которые стремятся в 2025 году получить гранты по данному стратегическому проекту. Как было уже отмечено нами выше, при вхождении в федеральную программу исследуемый показатель эффективности и результативности становится одним из основных. И каждый вуз региона в своей программе развития до 2030 года предусмотрел перечень конкретных мер по решению вопроса омоложения кадров преподавателей.

При практическом решении проблемы, связанной с изменением возрастного состава челове-

ческих ресурсов вузов в сторону его существенного омоложения нужно, прежде всего, определить этапы достижения этой основной цели, т.е. естественного процесса кадрового воспроизводства.

С этой целью каждый конкретный вуз должен разработать программу развития кадрового потенциала, где одним из разделов должен быть посвящен совершенствованию кадрового потенциала, в том числе и в возрастном отношении. То есть, нужно вводить возрастную результативность как показатель в систему стратегического управления вуза, как социально-экономической системы с учетом региональных и отраслевых особенностей.

Дело в том, что подготовка специалистов в Республике Бурятия (да и в других регионах ДФО) ведется по различным направлениям, включая технологические, творческие, сельскохозяйственные, транспортные и другие специализации и профессиональные направления подготовки кадров.

Исходя из предложенных Минобрнауки России критериев возрастной результативности, вузы Республики Бурятия и других регионов нашей страны имеют дело с тремя возрастными лагами: до 40 лет, до 64 лет, 65 лет и старше.

Согласно имеющимся программам, первое место должна занимать задача обновления про-

фессорско-преподавательского состава (и научных работников) лицами молодого возраста, т.е. до 39 лет. Такая постановка вопроса не должна быть однозначной и однонаправленной, и решение этой задачи должно быть связано с задачей сохранения и опытных научно-педагогических кадров, которые уже вышли за пределы возраста 39 лет, но имеющих высокий интеллектуальный потенциал. Механические передвижки в кадровом потенциале вузов могут вызвать нежелательные волнения внутри коллективов, привести в итоге к уменьшению стабильности, устойчивости образовательной организации в системе конкурентного рынка образовательных услуг.

Второй задачей в стратегии управления кадровым потенциалом в рамках достижения необходимых требований, не менее 35 % в возрастной структуре (к 2030 году вузы страны должны иметь не менее 50 % лиц в составе научно-педагогических работников, которым не исполнилось еще 40 лет).

На следующем этапе речь идет о развитии кадрового потенциала, и прежде всего, речь идет о привлечении аспирантов и докторантов, совершенствовании системы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. К сожалению, ныне имеющаяся аспирантура и докторантура в вузах региона испытывает нехватку обучающихся. Молодые люди в настоящее время в целом не имеют мотивации в учебе в аспирантуре, они предпочитают строить свою жизненную карьеру в других сферах реальной экономики, где уровень доходов существенно больше. Количество бюджетных мест в аспирантуру в настоящее время остается минимальным, а чаще всего, вообще отсутствует, уступая место аспирантской подготовке на договорной основе.

Следует отметить отсутствие необходимой мотивации в преподавательской деятельности в стенах вузов региона со стороны аспирантов, обучающихся платно. Они, как правило, соизмеряют свои вливания в человеческий потенциал вуза, при этом видя, что существующая окладная система оплаты труда, даже при наличии эффективного контракта и некоторых мер социально-экономической поддержки, не может устраивать молодых специалистов продолжать свою деловую карьеру в вузах. Не случайно, например, это выражается в минимальном количестве кандидатов наук в возрасте до 35 лет в региональных вузах. Например, во ВСГУТУ (г. Улан-Удэ) на сегодняшний день их всего 6 чел. из 337 преподавателей, что, в итоге, составляет всего лишь 1,7 % от общего количества.

Особенность вуза как социально-экономической системы обуславливает разработку критериев, связанных не с экономической, а прежде всего, с социальной эффективностью. Речь идет о том, что при разработке управленческих решений не нужно отбрасывать бездумно опытные кадры.

В этом плане мы, безусловно, поддерживаем предложение Е.В. Романова, что с целью сохра-

нения преемственности в интеллектуальном и ценностно-мировоззренческом развитии педагогических кадров необходимо в 2025 году введение для молодых преподавателей ставок, расчетная доля которых должна составлять не менее 35 % от общего числа ставок ППС вуза [14, с. 12]. Такой подход позволит привлечь молодые кадры в образовательные организации высшего образования, стимулирует их деловую активность в сфере образовательной деятельности. Такая задача реализуется на основе обоснования оптимального количества штатных единиц для возможностей устойчивого развития кадрового потенциала образовательной организации.

В программе развития кадрового потенциала должны быть заложены различные концептуальные модели развития и управления научно-педагогическими работниками, включая концепцию устойчивого развития, учет различных внешних факторов развития региона, особенно, речь идет о наличии ресурсных ограничений региональных вузов, прежде всего, ДФО.

Например, в программе развития Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ), утвержденной на 2023–2030 годы, одним из показателей выполнения этой программы указано, что к 2030 году возраст ППС до 39 лет университета должен составить 35 %.

Достичь этого показателя с учетом недостаточного уровня обновления научно-педагогического состава предлагается следующими мерами по развитию человеческого капитала:

- предоставлением служебного жилья молодым преподавателям;
- совершенствованием системы эффективных контрактов для оценки деятельности научно-педагогических работников университета, в том числе молодых;
- укреплением системы подготовки научно-педагогических кадров;
- совершенствованием требований к конкурсу ППС.

Предложенные меры не решают в целом задачи совершенствования подготовки кадров специалистов, бакалавров, магистров и аспирантов. Считаем, что эффект от механического омоложения научно-педагогических кадров приводит к ухудшению качества образования. Политика вузов регионов Дальнего Востока по омоложению кадрового состава преподавателей в целом остается недостаточно эффективной, не достигая пока даже минимальных требований, установленных федеральным органом.

Заключение.

Исследование оценки эффективности деятельности российских вузов на примере доли научно-

педагогических работников в возрасте до 39 лет выявило, что установленный показатель, в долгосрочной перспективе, может привести к уменьшению количественного состава других возрастных групп ППС вузов.

Нами установлено, что в региональных вузах ДФО, на примере вузов Республики Бурятия, отчетливо видна тенденция сокращения доли работников до 39 лет в составе научно-педагогических вузов региона, что ведет к невыполнению требований, установленных Минобрнауки России.

В этой связи, авторами предлагается пересмотреть этот показатель и совместить его с показателем, который фиксирует количество преподавателей и научных работников, имеющих возраст до 64 лет и определять средний возраст ППС вузов как показатель эффективности деятельности.

В то же время, следует отметить, что в программах развития вузов, особенно вузов, входящих в программу «Приоритет-2030, нужно уделить особое внимание проблемам омоложения научно-педагогических кадров, установив оптимальную структуру начисления заработной платы молодым сотрудникам, изменить в целом подходы к системе подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации в аспирантуре, а также в докторантуре. Например, следует увеличить количество бюджетных мест в системе аспирантуры региональных вузов Российской Федерации на востоке; руководству вузов необходимо разработать программы грантовой поддержки молодежи.

В последние годы уменьшается количество аспирантов: в 2023 г. на первый курс аспирантских программ в ВСГУТУ поступило 21 чел., в 2024 – всего 13 чел., причем, только на договорной основе, без бюджетников.

Не менее важным направлением в развитии кадрового потенциала вузов регионов Дальнего Востока, в том числе Бурятии, находящихся вдалеке от ведущих рынков труда нашей страны, должна стать эффективная социальная политика, в частности, предоставление жилья для молодых преподавателей, особенно, уже имеющих ученые степени кандидата и – особенно – доктора наук.

На наш взгляд, есть определенный смысл разработать стратегию прогнозирования значений исследуемого показателя на 10-летнюю перспективу, а именно, ежегодное равномерное увеличение доли ППС до 39 лет примерно на 1,5 %, как это реализуется в ведущих вузах Сибирского федерального округа. В тоже время, данное предложение нужно еще корректировать с учетом специфики конкретного учреждения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Антипина А.О. Аналитический обзор стратегий управления человеческими ресурсами участников основного трека программы «ПРИОРИТЕТ 2030» Уральского и Сибирского федеральных округов / А.О. Антипина, А.Д. Антипина // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 3(53). С. 482–488.
2. Оценка результативности университетов с помощью обобщенного анализа данных / И.В. Абанкина, Ф.Т. Алескеров, В.Ю. Белоусова, К.В. Зиньковский, В.В. Петрущенко // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 15–45.
3. Алашкевич М.Ю. Управление результативностью государственных учреждений высшего образования на основе партнерских моделей : дис. .... кандидата экономических наук. М., 2023. 215 с.
4. Блажко Л.С. О проблеме увеличения доли работников вуза в возрасте до 39 лет в общей численности ппс к 2030 году в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» / Л.С. Блажко, А.А. Воробьев // Технологические инновации и научные открытия: Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции (11 апреля 2023 г., г. Уфа). Уфа : Издательство НИЦ «Вестник науки», 2023. Ч. 2. С. 153–160.
5. Государственное и муниципальное управление: конспект лекций / Н.С. Гегедюш, М.М. Макеев [и др.]. М. : Юрайт, 2016. 238 с.
6. Гресько А.А. Отношенческий подход и стейкхолдерская концепция как теоретические основы разработки новых методов стратегического управления вузом / А.А. Гресько, М.С. Рахманова, К.С. Солодунин // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6846> (дата обращения 25.12.2024).

© Хлыстов Е.А., Каурова О.А., Тураева И.Л., Митюхин Д.С.

7. Ендовицкий Д.А. Оценка и мониторинг эффективности вузов: региональный опыт / Д.А. Ендовицкий, Ю.А. Бубнов, К.М. Гайдар // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 2. С. 5–10.
8. Крымзин Д.Н. Статистические методы интегральной оценки кадрового потенциала вуза : дис. ... кандидата экономических наук. Саранск, 2014. 168 с.
9. Катькало В.С. Ресурсная концепция стратегического управления: генезис основных идей и понятий / В.С. Катькало // Вестник СПбГУ. Серия «Менеджмент». 2002. № 4. С. 20–43.
10. Кочева Е.В. Статистическая оценка результативности деятельности образовательных организаций высшего образования в дальневосточном федеральном округе / Е.В. Кочева, Д.В. Мешков, А.К. Алешина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 2. С. 211–218.
11. Краковская И.Н. Управление инвестициями в человеческий капитал в российских вузах : монография. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2010. 236 с.
12. Новгородов П.А. Эффективность деятельности вузов: от мониторинга и рейтингов к оценке интеллектуального капитала / П.А. Новгородов // Управленец. 2018. Т. 9. № 1. С. 48–55.
13. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? / Е.В. Романов // Образование и наука. 2021. Т.23. № 6. С. 84–125.
14. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов в контексте проблемы кадрового воспроизводства / Е.В. Романов // Образование и наука. 2024. Т. 26. № 10. С. 12–47.
15. Рудаков В.Н. Различия в положении ППС вузов по возрастным группам / В.Н. Рудаков // Мониторинг экономики образования. 2020. Вып. 13. С. 1–6.
16. Солодухин К.С. Инновационная технология стратегического анализа организации на основе теории заинтересованных сторон / К.С. Солодухин, М.С. Рахманова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. № 2-1 (75). С. 102–111.
17. Соколов М.М. Миф об университетской стратегии. Экономические ниши и организационные карьеры российских вузов / М.М. Соколов // Вопросы образования. 2017а. № 2. С. 36–73.
18. Семенов В.П. Критерии оценки результативности и эффективности высшего образовательного учреждения в условиях цифровой трансформации / В.П. Семенов, М.В. Медведева, М.Г. Модлевских // Петербургский экономический журнал. 2022. № 1–2. С. 140–149.
19. Ширяева Я.Д. Эффективность деятельности вузов и их филиалов: сравнительный анализ / Я.Д. Ширяева // Финансы и бизнес. 2018. № 3. С. 77–98.
20. Эзрох Ю.С. Кадровые перспективы российских университетов: кто будет преподавать в недалеком будущем? / Ю.С. Эзрох // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 7. С. 9–40.
21. Янова Е.А. Оценка системы показателей деятельности многопрофильных университетов / Е.А. Янова, М.В. Валдайцева // Экономические науки. 2019. № 3 (172). С.91-99.
22. Johnes J. Data Envelopment Analysis and its Application to the Measurement of Efficiency in Higher Education / J. Johnes // Economics of Education Review. 2006. № 25. P. 273–288.
23. Codagnone C. Benchmarking eGovernment: tools, theory, and practice / C. Codagnone, T.A. Undheim // European Journal of ePractice. 2008. № 4. P. 4–18.

References:

1. Antipina A.O. Analytical review of human resource management strategies of participants in the main track of the PRIORITY 2030 program of the Ural and Siberian Federal Districts / A.O. Antipina, A.D. Antipina // Natural Sciences and Humanities. 2024. № 3(53). P. 482–488.
2. Evaluation of university performance using shell data analysis / I.V. Abankina, F.T. Aleskerov, V.Yu. Belousova, K.V. Zinkovsky, V.V. Petrushchenko // Voprosy obrazovaniya. 2013. № 2. P. 15–45.
3. Alashkevich M.Y. Performance management of state institutions of higher education based on partner models: dis. .... candidate of economic sciences. M., 2023. 215 p.
4. Blazhko L.S. On the problem of increasing the proportion of university employees under the age of 39 in the total number of teaching staff by 2030 as part of the implementation of the strategic academic leadership program «Priority 2030» / L.S. Blazhko, A.A. Vorobyov // Technological innovations and scientific discoveries: A collection of scientific articles based on the materials of the XII International Scientific and Practical Conference (11 April 2023, Ufa). Ufa : Publishing house of SIC «Bulletin of Science», 2023. Part 2. P. 153–160.
5. State and municipal administration: lecture notes / N.S. Gegedyush, M.M. Makeev [et al.]. M. : Yurait, 2016. 238 p.
6. Gresko A.A. The relational approach and the stakeholder concept as theoretical foundations for the development of new methods of strategic university management / A.A. Gresko, M.S. K. Rakhmanova, S. Solodukhin // Modern problems of science and education. 2012. № 4. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6846> (date of application 25.12.2024).
7. Endovitsky D.A. Evaluation and monitoring of the effectiveness of universities: regional experience / D.A. Endovitsky, Yu.A. Bubnov, K.M. Gaidar // VSU Bulletin. Series: Problems of higher education. 2020. № 2. P. 5–10.
8. Krymzin D. N. Statistical methods of integral assessment of the personnel potential of the university : dis. ... candidate of Economic Sciences. Saransk, 2014. 168 p.
9. Katkalo V.S. Resource concept of strategic management: the genesis of basic ideas and concepts / V.S. Katkalo // Bulletin of St. Petersburg State University. The Management series. 2002. № 4. P. 20–43.

10. Kocheva E.V., Meshkov D.V., Alyoshina A.K. Statistical assessment of the effectiveness of educational institutions of higher education in the Far Eastern Federal District // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. № 2. P. 211–218.
11. Krakovskaya I.N. Investment management in human capital in Russian universities : monograph. Saransk : Publishing House of the Mordovian University, 2010. 236 p.
12. Novogorodov P.A. Practicality of the state university: from monetarism and ratings to the development of intellectual capital / P.A. Novogorodov // Government. 2018. Vol. 9. № 1. P. 48–55.
13. Romanov E.V. Innovativeness of the Russian university: do I need to be a leader? production / E.V. Romanov // Education and science. 2021. Vol. 23. № 6. P. 84–125.
14. Romanov E.V. The innovativeness of Russian business in the context of the problems of global production / E.V. Romanov // Education and Science. 2024. Vol. 26. № 10. P. 12–47.
15. Rudakov V.N. Differences in the position of university teaching staff by age groups / V.N. Rudakov // Monitoring the economics of education. 2020. Iss. 13. P. 1–6.
16. Solodukhin K.S. Innovative technology of strategic analysis of an organization based on the theory of stakeholders / K.S. Solodukhin, M.S. Rakhmanova // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2009. № 2-1(75). P. 102–111.
17. Sokolov M.M. The myth of university strategy. Economic niches and organizational careers of Russian universities / M.M. Sokolov // Education Issues. 2017a. № 2. P. 36-73.
18. Semenov P. Criteria for evaluating the effectiveness and efficiency of higher education institutions in the context of digital transformation / P. Semenov, M.V. Medvedeva, M.G. Modlevskikh // St. Petersburg Economic Journal. 2022. № 1–2. P. 140–149.
19. Shiryayeva Ya.D. Efficiency of universities and their branches: a comparative analysis / Ya.D. Shiryayeva // Finance and Business. 2018. № 3. P. 77–98.
20. Izrokh.C. Personnel experts of Russian universities: what will be offered in the rare edition? / C. Izrokh // Education and science. 2019. Vol. 21. № 7. P. 9–40.
21. Yanova E.A. Evaluation of the performance indicators system of multidisciplinary universities / E.A. Yanova, M.V. Valdaytseva // Economic sciences. 2019. № 3(172). P. 91–99.
22. Johnes J. Data Envelopment Analysis and its Application to the Measurement of Efficiency in Higher Education / J. Johnes // Economics of Education Review. 2006. № 25. P. 273–288.
23. Codagnone C. Benchmarking eGovernment: tools, theory, and practice / C. Codagnone, T.A. Undheim // European Journal of ePractice. 2008. № 4. P. 4–18.

Информация об авторах

Хлыстов Евгений Афанасьевич

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры трудового права и правового регулирования управления персоналом,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
xlystov@mail.ru

Каурова Ольга Александровна

доктор экономических наук,
профессор,
заведующая кафедрой трудового права и правового регулирования управления персоналом,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
olganovak@yandex.ru

Тураева Ирина Лубсановна

кандидат экономических наук,
доцент,
преподаватель,
Бурятский республиканский информационно-экономический техникум
i-tyraeva@mail.ru

Митюхин Дмитрий Сергеевич

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры трудового права и правового регулирования управления персоналом,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
dmitirj-m@yandex.ru

Evgeny A. Khlystov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Labor Law and Legal Regulation of Personnel Management,
East Siberian State University of Technology and Management
xlystov@mail.ru

Olga A. Kaurova

Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Department of Labor Law and Legal Regulation of Personnel Management,
East Siberian State University of Technology and Management
olganovak@yandex.ru

Irina L. Turayeva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Lecturer,
Buryat Republican Information and Economics College
i-tyraeva@mail.ru

Dmitry S. Mityukhin

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Labor Law and Legal Regulation of Personnel Management,
East Siberian State University of Technology and Management
dmitirj-m@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 2 от 25.02.2025

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.02.2025
Подписано к публикации 25.02.2025

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id.yug2016@gmail.com